

РЕЛИГИОЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ – ДУХОВНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ «ОБЩЕЦЕРКОВНАЯ АСПИРАНТУРА И ДОКТОРАНТУРА
ИМ. СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ
КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ»

На правах рукописи

Священник Рыков Андрей Владимирович

**ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ РЫБИНСКОЙ ЕПАРХИИ
В ПЕРИОД С 1917 ПО 1932 г.**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата богословия**

Научный руководитель:
Д.и.н., проф. М. В. Шкаровский

Москва - 2018

Оглавление

Введение	4
1. Декрет об отделении Церкви от государства и его влияние на церковную жизнь Рыбинска и соседних с ним уездов	22
1.1. Захват власти большевиками. Первые шаги новой власти по отношению к Русской Православной Церкви	27
1.2. Декрет об отделении Церкви от государства	28
1.3. Образование отдела по проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства	34
1.4. Внутриполитическая обстановка и государственно-церковные отношения	42
1.5. Положение монастырей, материальное положение священства и их отношение к произошедшим переменам	55
2. Кампания по изъятию церковных ценностей на территории Рыбинской губернии	64
2.1. Общая политическая обстановка и положение Русской Православной Церкви накануне кампании по изъятию церковных ценностей	64
2.2. Подготовка кампании по изъятию церковных ценностей	70
2.3. Начало фактического изъятия	79
2.4. Судебный процесс над рыбинским и углеичским духовенством. Итоги кампании	94
2.5. Окончание кампании. Дополнительное изъятие	98
3. Епархиальная и приходская жизнь в Рыбинске и соседних с ним уездах в 1920–1927 гг.	103
3.1. Начало 1920-х гг. Религиозная политика советского государства и положение Русской Православной Церкви	103
3.2. Епархиальные и приходские события во время кампании по изъятию церковных ценностей 1921–1922 гг.	109

3.3. Епархиальные и приходские события после окончания кампании по изъятию церковных ценностей. 1923–1924 гг.	118
3.4. Епархиальная и приходская жизнь в период местоблюстительства. 1925 г.	129
3.5. Завершение политики «религиозного НЭПа». 1926 г.	146
3.6. Некоторые события 1927 г.	159
4. Государственно-церковные отношения и приходская жизнь на территории современной Рыбинской епархии в конце 1920-х – начале 1930-х гг.	166
4.1. Общая обстановка на территории современной Рыбинской епархии в 1929–1931 гг.	167
4.2. Союз воинствующих безбожников	171
4.3. Закрытие храмов	178
4.4. Церковное управление в 1930-е гг.	185
Заключение	189
Список сокращений	194
Список источников и литературы	195

Введение

Изменения, произошедшие за последние 30 лет, кардинальным образом повлияли на политическое, экономическое и территориальное устройство нашей страны. Как следствие этих событий, произошли существенные изменения и в религиозной жизни общества. Декларируемая в советском государстве свобода исповедания веры стала реальностью в новейшей истории. При этом 100-летний период с момента революционного слома прежнего уклада жизни общества и, как следствие, наступившая свобода, доступность исторических материалов позволяют по-новому осмыслить и проанализировать события первых двух десятилетий революционных преобразований, в которых Русская Православная Церковь играла существенную роль.

Актуальность исследования.

Исследования по истории Русской Православной Церкви в годы советской власти имеют ценность не только в церковно-историческом плане, но и в общественном, и даже в общегосударственном масштабе. Для церковной истории годы советской власти определили пути существования Церкви вне контекста государственной поддержки. Именно в этот период Церковь, как никогда в истории нашей страны, явила свою надмирность как институт, не принадлежащий никакой власти и при этом чутко охраняющий чистоту своей веры, не оставляя заботу о своих верных чадах. В новом контексте государственно-церковных отношений Русская Православная Церковь была вынуждена искать новые формы управления, находить пути противостояния государственному атеизму и покушениям на святыни. Помимо этого, исследования в области приходской жизни советского периода имеют свою актуальность для современной церковной жизни, в которой по сей день идет активный поиск новых форм взаимодействия приходов и общества.

С точки зрения общества, до разразившихся событий 1917 г. Церковь считалась неотъемлемой частью общественной жизни, что кардинальным образом изменилось с приходом к власти большевиков, разделивших общество на верующих и атеистов. По сей день мы видим следы этого разделения, в связи с чем понимание причин и развития общественного раскола по линии веры является актуальным для исследователя. Постепенно возвращая свое место в жизни общества, Русская Православная Церковь занимает активную позицию по многим вопросам общественной и общегосударственной жизни, выстраивая новые отношения с государственной властью. Исследование государственно-церковных отношений в советский период, их изменений под влиянием политической и общественной обстановки является важным источником для понимания и выстраивания сегодняшнего государственно-церковных сотрудничества.

Объектом настоящего исследования является Русская Православная Церковь в условиях смены государственного строя в результате революционных событий 1917 г., последствием которых явилось кардинальное изменение государственно-церковных отношений, церковной и приходской жизни, положения Церкви и православной веры в обществе.

Предметом исследования являются государственно-церковные отношения и состояние церковной жизни в период с 1917 по 1932 г. на территории современной Рыбинской епархии.

Хронологические рамки исследования определяются темой диссертации и охватывают первые 15 лет существования Русской Православной Церкви при советской власти – с 1917 по 1932 г. В этот период произошло становление новых государственно-церковных отношений, вышли основные документы, определяющие религиозную политику советского государства, при этом и само государство сформировало свое отношение к религии, определив и опробовав

различные методы воздействия на религиозное сознание граждан. Нижняя хронологическая рамка работы определяется захватом власти большевиками и началом нового этапа государственно-церковных отношений. Верхняя хронологическая рамка определяется окончанием 15-летнего этапа существования советского государства, в течение которого в основном сформировались и нашли свое отражение в церковной жизни новые подходы советской власти в государственно-церковных отношениях.

Территориальные рамки определены как территория современной Рыбинской епархии, расположенной на территории, соответствующей следующим уездам в рассматриваемый период: Рыбинский, Любимский, Даниловский, Пошехонский, Мологский, Мышкинский, Угличский, Романово-Борисоглебский. Границы этих уездов частично или полностью совпадали с границами существовавших в 1920-х гг. территориальных образований: Рыбинской губернии (1921–1923), а также Рыбинского викариатства Ярославской епархии. Территориальные рамки обусловлены и практической целью данного исследования. Наблюдаемый сегодня процесс возникновения новых епархий формирует запрос на появление локальных епархиальных исторических исследований, позволяющих восполнять исторические пробелы на определенных епархиальных территориях.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем на основании широкого круга источников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, дана подробная картина развития церковной жизни и государственно-церковных отношений на территории современной Рыбинской епархии, учрежденной решением Священного Синода лишь в 2012 г.

В качестве нового подхода к исследованию государственно-церковных отношений в установленных территориальных рамках можно отметить анализ применения распоряжений советской власти и проводимых ей кампаний в

отношении Русской Православной Церкви на уровне конкретных уездов и приходов. В результате данного подхода в ходе исследования проанализирована динамика формирования новых государственно-церковных отношений, выявлена разная трактовка и практическое применение выпускаемых новой властью распоряжений, различное отношение к формирующимся государственно-церковным отношениям и церковной жизни со стороны духовенства и прихожан.

Степень разработанности темы. Вопросы церковной политики советского государства и отношения с Русской Православной Церковью освещались в трудах историков разных периодов.

Публикации по изучаемой теме появились в первые несколько лет становления новой парадигмы государственно-церковных отношений. При этом большинство материалов, напечатанных как на страницах периодической печати, так и в антицерковных изданиях, таких как «Антирелигиозник», «Безбожник» и прочие, имели ярко выраженный характер отчетов об успешности борьбы с религией. Наряду с этим, на фоне благосклонного отношения государства, появляются публикации обновленцев. В своих работах А. В. Введенский¹ последовательно пытается доказать контрреволюционность Русской Православной Церкви во главе с ее епископатом. Данный тезис еще долгое время будет являться определяющим для государственно-церковных отношений. Книга Б. В. Титлинова, историка, профессора Петроградской духовной академии, была одной из первых попыток анализа государственно-церковных отношений². Будучи активным участником событий 1917 г. и редактором «Всероссийского церковного вестника», автор обладал богатым материалом о происходящих событиях, при этом, как и другие обновленческие авторы, оставаясь человеком верующим, принял революционные события как

---

¹ *Введенский А. И.* Церковь и государство : (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918–1922 гг.). М., 1923. 252 с.

² *Титлинов Б. В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. 192 с.

положительные и необходимые перемены, что наложило определенный отпечаток на его труды. В целом, труды обновленческих авторов, несмотря на их идеологическую однобокость, несли в себе первые попытки анализа государственно-церковных отношений.

В последующие годы изучение заявленной темы по объективным причинам становится невозможным.

В 1956 г. на XX съезде КПСС ставится вопрос о возобновлении систематической антирелигиозной политики. Появляются дополнительные источники, издаются подборки документов к 50-летию Октября, открываются некоторые архивы. Вышедшие в этот период исследования не претерпели существенных изменений по сравнению с предыдущими, будучи все так же идеологически выверены.

Конец 1980-х гг., ознаменовавшийся существенным ослаблением идеологического давления и празднованием 1000-летия Крещения Руси, дает мощный импульс для серьезного изучения проблемы государственно-церковных отношений. Данный период можно охарактеризовать как начало системного изучения заявленной темы – был написан ряд трудов, причем не только историками, но и религиоведами и философами. Непосредственным толчком для появления данных трудов была начавшаяся со встречи М. С. Горбачева с Патриархом Пименом «перестройка всей системы церковно-государственных отношений»³. На этом этапе, если так можно сказать, в основном рассматривались вопросы перестройки теории и практики марксистского атеизма. В это время появляются работы, авторы которых пытаются объективно осветить такие исторические события, как изъятие церковных ценностей (Р. Ю. Плаксин⁴), обновленческий раскол (А. А. Шишкин⁵) и другие.

---

³ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 18.

⁴ Плаксин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах : Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Л., 1987. 208 с.

⁵ Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань : Изд-во Казанского университета, 1970. 367 с.

В начале 1990-х годов появляются первые работы по проблемам государственно-церковных отношений, в которых рассматриваются различные аспекты церковной политики государства. Благодаря открытию архивов, в научный оборот вводится большое количество ранее неизвестных документов. Появляются исследования, использовавшие местные источники, приводится большое количество статистических данных, но при этом церковная политика государства, ее оценка и внутрицерковные процессы Русской Православной Церкви в этот период не стали объектом активного изучения историков. Наблюдается отход от идеологических штампов, появляется взвешенный анализ государственно-церковных отношений, публикуются материалы о церковной жизни в указанный период. Российские историки этой первой волны – В. А. Алексеев, М. И. Одинцов, М. Н. Бессонов⁶ и другие, постепенно меняли точку зрения на более объективную, чему, в первую очередь, способствовало знакомство со все более расширяющейся источниковой базой рассекреченных архивных документов.

В. А. Алексеев в своих работах уделяет особое внимание положению Русской Православной Церкви в период гонений. Подробно освещены народные волнения, возникающие в ответ на закрытие храмов и в целом на антирелигиозную политику советского государства. Большой заслугой первых работ по новейшей церковной истории является введение в научный оборот большого количества ранее неизвестных документов.

В работе «Иллюзии и догмы» В. А. Алексеев, обращаясь к архивным материалам, последовательно опровергает тезис о поголовной реакционности духовенства, называя представителей духовенства, имевших радикальные политические взгляды⁷. Автор предпринимает попытку, хотя и с некоторыми неточностями в формулировках, реконструировать первые шаги государства в отношении Русской Православной Церкви в 1917–1918 гг.

---

⁶ Бессонов М. Н. Православие в наши дни. М. : Политиздат, 1990. 320 с.

⁷ Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М. : Политиздат, 1991. 400 с.

Не стали исключением и работы М. И. Одинцова, в которых в научный оборот введено большое количество документов партийных органов власти, а также выделены основные этапы развития государственно-церковных отношений с подробным анализом конституционно-правовой базы⁸.

С конца 90-х годов прошлого века до сегодняшнего дня наблюдается устойчивый рост количества работ по новейшей истории Русской Православной Церкви и государственно-церковных отношений в СССР. С этого времени поднимается «уникальный пласт архивных документов»⁹, который активно вводится в научный оборот. Появляются работы нового поколения российских авторов – О. Ю. Васильевой, А. А. Кострюкова, С. Л. Фирсова^{10, 11}, М. В. Шкаровского¹² и других. В работе О. Ю. Васильевой, помимо выявленной связи между внутрицерковной жизнью и политической ситуацией в высших эшелонах партийной власти, автор прямо указывает, что обновленческий раскол есть не что иное, как проект, созревший в ГПУ, с целью расчленения Церкви изнутри с последующим ее уничтожением по частям¹³.

К этому же периоду относятся труды, посвященные отдельным этапам церковной истории в период советской власти. Среди прочих, в конце 1990-х, выходит работа Н. А. Кривовой «Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства». Предложив обширный материал по данному вопросу, автор обращает внимание на значительный вклад Церкви в борьбу с голодом, вслед за этим, согласно с другими исследователями, – на юридическую

---

⁸ *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России : XX век. М. : Луч, 1994. 171 с.

⁹ *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 18.

¹⁰ *Фирсов С. Л.* Русская Церковь на заре XX века: основные этапы исторического пути. (Вступит. ст.) // Русская Церковь. Век двадцатый : История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. М. : ЭКСМО; ПСТГУ, 2014. Т. 1: 1900–1917 – Конец Синодального периода. Кн. 1. С. 7–50.

¹¹ *Фирсов С. Л.* Власть и огонь : Церковь и советское государство. 1918 – начало 1940-х гг. М. : ПСТГУ, 2014. 474 с.

¹² *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб. : Нестор, 1999. 99 с.

¹³ *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.

бездостоверность действий советской власти в этом вопросе, с одной стороны, и каноническую обоснованность действий Русской Православной Церкви с другой. В книге также приводится большое количество статистических материалов по изъятым ценностям¹⁴.

Наряду с этим появляются работы непосредственно церковных историков. В книге протоиерея Владислава Цыпина «История Русской Православной церкви. 1917–1997» главное место отводится судьбам и деятельности епископата, при этом описано и общее положение Русской Православной Церкви¹⁵. Отдельное внимание уделяется Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). Особое место в работе протоиерея В. Цыпина отводится подвигу духовенства и мирян, вставших на защиту попираемой православной веры.

В вопросе изучения материалов о новомучениках и исповедниках российских отдельное место занимают работы иеромонаха Дамаскина (Орловского)¹⁶, в которых отличительной для того времени чертой является привлечение целого комплекса документов, не введенных ранее в научный оборот и в большинстве своем состоящих из рассекреченных материалов партийных организаций и ФСБ. Необходимо отметить, что до появления этих трудов о гонениях писали только за рубежом. Впоследствии появились работы на ту же тему, но уже в региональном аспекте. Так, в рассматриваемых географических рамках данной работы в 2016 году вышел первый, а в 2017-м – второй и третий тома книги «Все мы Христовы»¹⁷, в которых описывается подвиг всех за веру пострадавших на территории Ярославской области.

---

¹⁴ *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. : Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. 247 с.

¹⁵ *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. Кн. 9. 863 с.

¹⁶ *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Кн. 1. Тверь, 1992. 237 с.; Кн. 2. Тверь, 1996. 527 с.

¹⁷ Все мы — Христовы : Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие за веру православную в гонениях 1918–1953 годов. Ч. 1 : А–Л / Сост. Еп. Вениамин (Лихоманов) [и др.]. Ярославль, 2012. 568 с.

При этом, открывая новые страницы в государственно-церковных отношениях, обилие материала, его новизна не дают возможности осмыслить происходящие события и развитие государственно-церковных отношений и собственно церковной жизни в преломлении к конкретной географической и личностной привязке. Исследования, за редким исключением, носят, с этой точки зрения, общий характер, показывают развитие отношений на высоком иерархическом уровне, тогда как и Церковь, и государство имеют взаимоотношения на всех уровнях – от столицы до обычного областного города, от высшего церковного руководства до руководителя ликвидационного городского комитета и настоятеля прихода.

Отдельно стоит группа историков, работавших за границей. Причем речь идет и об иностранных ученых, и о русскоязычных историках-эмигрантах. Первой крупной работой по истории Русской Православной Церкви иностранных авторов стал вышедший в 1940 году в Нью-Йорке труд Джона Кертисса¹⁸. В своих работах Кертисс¹⁹, опираясь на труды Б. В. Титлинова, обвиняет Русскую Православную Церковь в реакционности и неспособности принять необходимость перемен, что и стало, по мнению автора, причиной последовавших гонений.

В работе Джона Флетчера, на основании данных советских социологов, приводятся интересные вычисления о значительном количестве верующих в СССР – около 45 %²⁰.

Обширным исследованием по истории Русской Православной Церкви в советский период стала работа Д. В. Поспеловского²¹. В монографии автор приводит многочисленные факты и события внутрицерковной жизни с 1917 по 1990-е гг. Проводится анализ произошедших событий одновременно с внешними общеполитическими процессами в стране. При этом данная работа не лишена

---

¹⁸ Curtiss J. Church and State in Russia. The last years of the Empire, 1900–1917. NY., 1940. 442

р.
¹⁹ Curtiss J. The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. Boston, 1953. 387 p.

²⁰ Fletcher W. A study in survival. The Church in Russia. 1927–1943. NY., 1965. 168 p.

²¹ *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. 511 с.

недостатков из-за необоснованно радикальных выводов и общей публицистичности.

Л. Л. Регельсон²², анализирующий в своей книге государственно-церковные отношения в период с 1917 по 1945 гг., отмечает, что одной из главных причин трагедии 1917 г. является существенное охлаждение верноподданнических чувств. Имея доступ к частным архивам и переписке, автор все же делает не вполне убедительные выводы, в частности, касательно децентрализации церковного руководства, как наилучшего выхода из местоблюстительского кризиса.

При этом в данной группе четко прослеживается влияние принадлежности авторов к различным группам по отношению Московскому Патриархату. Эти группы можно условно разделить на имеющие после Второй мировой войны два противоположных подхода: одни видели в Московском Патриархате ширму вездесущего КГБ, другие «идеализировали ситуацию и зарубежные представители Московского Патриархата принимались за подлинных выразителей интересов всей Русской Церкви»²³. Помимо этого, для них характерна ограниченность источниковой базы в силу недостаточной доступности российских архивов, а также использование не вполне достоверных материалов, радикальные и поспешные выводы.

В целом, тема отношений Русской Православной Церкви и государства, церковная жизнь в новейший период церковной истории является предметом, интересующим широкий круг исследователей. Необходимо отметить, что все приведенные выше авторы ставили перед собой задачу исследовать заданную тему на уровне Церкви и государства как таковых, тем самым ставя свои работы в рамки, при которых все происходящие события и процессы необходимо описывать и характеризовать географически применительно к целой стране. Таким образом, даже приводя отдельные примеры тех или иных церковных событий в этот период, исследователи дают оценку происходящим процессам

---

²² Регельсон Л. Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1953. М. : Центрполиграф, 2017. 415 с.

²³ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 20.

как бы в среднем, не имея возможности проследить динамику государственно-церковных отношений на протяжении всего выбранного временного отрезка на одной относительно небольшой географической территории.

Источниками исследования стал широкий круг опубликованных и вновь введенных в научный оборот документов, которые можно разделить на следующие группы: делопроизводственная документация, нормативно-законодательные акты, церковные документы, периодическая печать и воспоминания.

Делопроизводственные документы являются основной группой, давшей большую часть материала для данного исследования. К ним относится практически весь массив архивных документов Государственного архива Ярославской области (ГАЯО) и его Рыбинского филиала. Всего в рамках исследования проанализировано 98 дел из 12 фондов. Наибольшее количество делопроизводственных документов и нормативно-законодательных актов, описывающих государственно-церковные отношения и приходскую жизнь в рассматриваемый период, дали фонды милиции Р118 и Р511 филиала ГКУ ЯО «Государственный архив Ярославской области» в городе Рыбинске (РбФ ГАЯО). В делах данных фондов собрана информация практически обо всех сторонах церковной жизни. Подробно описано изъятие церковных капиталов, собрана вся переписка и документы отдела по ликвидации церковно-монастырского имущества. К этим же фондам относятся учетные документы религиозных общин: регистрация, протоколы заседаний, количество храмов и проч. Отражены все запросы от храмов к советской власти, приводятся результаты регулярно проводимых обследований храмов, описи имущества и материалы по закрытию монастырей и церквей.

Отдельным блоком из данных фондов идут документы по изъятию церковных ценностей, описывающие не только количество изъятых предметов, но и развитие самой кампании, которое возможно восстановить на основании

выходящих инструкций, директив и отчетов. Те же процессы на губернском уровне описываются в документах из фонда Р600 ГАЯО.

В рамках исследования разработаны фонды органов власти губернского, окружного и уездных уровней. Фонды Р2, Р4, Р5 филиала ГКУ ЯО «Государственный архив Ярославской области» в городе Рыбинске, как и фонды милиции, содержат постановления, циркуляры, инструкции вышестоящих организаций, исполкома окружного совета. Протоколы и выписки из протоколов заседания президиума исполкома окружного совета, совещания при исполкоме, также содержатся обзоры политического и экономического положения. В фонде Р2 собраны документы о деятельности отдела культов. Отдельное внимание уделено фонду Р1178 Мологского исполкома, в документах которого особый интерес представляет анкетирование служителей церкви города и уезда в 1919 г. В исследовании были также использованы документы из фондов райсоветов: Р1117 и Р1110.

Деятельность Союза воинствующих безбожников подробно описана на основании документов из 10 дел фонда Р1290. Также был использован фонд Р606, в котором описан процесс подготовки переселения из зон, планируемых к затоплению в рамках строительства Рыбинского водохранилища.

Определенную роль в исследовании играет периодическая печать. Использованы материалы фонда Р74, где среди прочего в нескольких выпусках газеты «Известия» подробно описан судебный процесс над угличским духовенством в рамках кампании по изъятию церковных ценностей.

Важную роль играют церковные документы, представляющие собой неотъемлемую часть данного исследования, без которых невозможно было бы представить всей полноты происходящих событий. Данные документы отчасти были использованы из вышеперечисленных фондов, а также из приведенной в данной работе научной литературы. Одним из важных источников этой группы являются документы Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Также данная группа дополняется опубликованными работами известных авторов по истории Церкви.

Цель и задачи исследования.

Цель данной работы – изучить изменения государственно-церковных отношений и церковной жизни с 1917 по 1932 г. на территории современной Рыбинской епархии. Для этого в исследовании ставятся следующие задачи:

– на основании анализа источников выделить основные этапы развития церковной жизни и государственно-церковных отношений в городе Рыбинске и соседних с ним уездах в 1917–1932 гг.;

– проанализировать основные события и явления, оказавшие влияние на развитие епархиальной и приходской жизни в Рыбинске и соседних с ним уездах в исследуемый период; в частности:

а) изучить формирование и деятельность местных органов по проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства;

б) раскрыть особенности проведения на данной территории кампании по изъятию церковных ценностей в 1921–1922 гг.;

в) охарактеризовать положение местного духовенства, церквей и монастырей в период так называемого религиозного НЭПа в 1920-х гг.;

г) проанализировать ход кампании по массовому закрытию храмов на данной территории в период наступления «воинствующих безбожников» на рубеже 1920–1930-х гг.

Методология исследования формируется задачами, стоящими перед автором. Для анализа государственно-церковных отношений и церковной жизни в период становления советской власти необходимо использование комплексного религиоведческого подхода, предполагающего сравнительно-исторический, типологический, функциональный и социально-философский анализ. Основой данного подхода является метод аналитического исследования источников, который позволяет выявить логику и содержание законодательных и делопроизводственных документов. Также в данном исследовании применяется и сравнительно-исторический анализ для выявления особенностей

трактовки и реализации религиозной политики в заданных территориальных рамках исследования.

Научно-практическая значимость данной работы состоит в фокусном исследовании политических и церковных процессов в рамках одной территории, которую охватывает на сегодняшний день Рыбинская епархия. Ценность данного подхода видится в том, что события, происходившие по всей стране, можно сказать, материализуются, получая «привязку» к конкретным людям, храмам, селам и т.д.

Помимо этого, проявляются и некоторые особенности практического применения и трактовки вышедших указаний и инициатив советской власти. Практическая значимость данного исследования состоит во введении в оборот новых научных документов, систематизации исторических материалов церковной истории данного периода, продолжающих исследования по церковной истории.

Результаты исследования могут быть использованы при написании и чтении лекционных курсов, ведении практических занятий, а также написании учебных пособий по истории Русской Православной Церкви.

Периодизация государственной политики по отношению к Русской Православной Церкви имеет тесную связь с изменениями, происходившими в истории государства и общества. По мнению М. В. Шкаровского таких этапов в рассматриваемый нами период можно выделить три: 1917–1920, 1921–1928, 1929–1938 гг.²⁴ Для удобства изложения в данной работе будет применяться хронологический порядок подачи материала с выделением и анализом знаковых событий в каждом из указанных выше периодов.

---

²⁴ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 4.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Рассматриваемый этап существования Русской Православной Церкви на территории современной Рыбинской епархии в контексте церковной жизни и государственно-церковных отношений делится на четыре периода:

1) 1917–1919 гг. В этот период, начавшийся с захвата власти большевиками, главным событием, определяющим последующее развитие церковной жизни, стал Декрет об отделении Церкви от государства;

2) второй период укладывается в хронологические рамки кампании по изъятию церковных ценностей (1921–1922 гг.);

3) третий период (1923–1927 гг.) начинается с окончанием кампании по изъятию церковных ценностей и охватывает епархиальные и приходские события в период местоблюстительства и завершения политики «религиозного НЭПа»;

4) четвертый период (1928–1932 гг.) включает в себя активизацию Союза воинствующих безбожников, активизацию действий властей по закрытию храмов.

2. В первые послереволюционные годы для всей полноты Русской Православной Церкви одной из главных задач было удержаться в своем отношении к новой власти в рамках евангельского «всякая власть от Бога», при этом сохранив неприкосновенным духовное пространство Православия, что нашло свое отражение в действиях духовенства и прихожан на территории современной Рыбинской епархии. На волне свободы от прежнего государственного попечения и обретения главы Церкви – Патриарха, многим казалось, что и власть также видит возможность сосуществования с Православной Церковью. Однако советская власть, отобрав у Церкви материальные средства, отделив от государства и лишив права быть юридическим лицом, рассчитывала, опираясь на поддержку части населения, на поступательное прозрение народа, таким образом окончательно удалить религию из новой советской жизни.

3. Кампания по изъятию церковных ценностей была переломным моментом в государственно-церковных отношениях. В уездах, на территории которых расположена современная Рыбинская епархия, кампания началась с робких попыток, с оглядкой на возможное возмущение народа, но вскоре натиск был резко усилен и последовали репрессии и аресты. В результате власть перешагнула барьер в виде боязни возмущения верующих и духовенства. Можно сказать, что проведение кампании по изъятию церковных ценностей сломало последний оплот и без того зыбкой обороны и создало все предпосылки для окончательного разгрома Русской Православной Церкви.

4. Обновленческий раскол в Рыбинске и в соседних с ним уездах, получивший мощный импульс развития в рамках кампании по изъятию церковных ценностей несмотря на поддержку властей, столкнулся с серьезными трудностями, источниками которых были не только настоятели храмов, исключавшие из членов своих общин обновленцев, но и старание власти следовать юридически взвешенному подходу, отвергая неоправданные притязания обновленцев. На примере Инициативной общины ярко проявилась нестабильность обновленческих общин, которые с появлением лидера (бывший епископ Гервасий) получили мощную поддержку государства, но с его исчезновением, тотчас пришли в полный упадок.

5. Во второй половине 1920-х гг. приходы Рыбинского викариатства все еще представляли собой сплоченные общины. При этом вызовы, стоявшие перед общинами, не оставаясь без должного ответа, нередко вынуждали заявить верующих о готовности стоять за Православие до конца, что довольно чутко улавливала советская власть, стараясь, где это было возможно, не идти на открытый религиозный конфликт. Многие общины, за это время потеряв значительную часть своих прихожан, представляли собой мощную силу, для которой православная вера была не просто традицией, а смыслом жизни. Особую роль в консолидации общин и развитии приходской жизни сыграли благочиннические советы.

6. Несмотря на наметившееся в начале 1930-х гг. ослабление натиска на Церковь, общее положение Русской Православной Церкви на территории современной Рыбинской епархии к 1932 г. было крайне тяжелым. Церковь вытеснили из всех сфер общественной жизни, лишили средств к существованию и развитию, разрушили структуру церковного управления. Критически сократилось число духовенства, практически полностью уничтожены монастыри, власти добились закрытия 80–90 % храмов. Особенно резко сократилось количество храмов в городах, часть была закрыта сразу, в 1917–1918 гг., часть была передана обновленцам, куда вскоре народ перестал ходить, а впоследствии храмы упразднились, часть была закрыта в 1930-е гг. в связи с неуплатой налогов или невыполнением указаний по ремонтным работам. Сельские храмы пострадали в меньшей степени.

Научно-практическая значимость данного диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты дают возможность систематизировать и проанализировать исторический процесс развития церковной жизни и государственно-церковных отношений в первые десятилетия советской власти. Выбранные территориальные рамки дают возможность провести исследование в границах вновь образованной епархии.

Итоги работы дают возможность продолжать историческое исследование по заявленной теме, помимо этого полученные результаты исследования могут быть востребованы для дальнейшей научной разработки и анализа процессов церковной жизни и государственно-церковных отношений. Поднятые в диссертации вопросы могут представлять интерес для религиоведческого и исторического анализа развития заявленной темы. Практическое использование полученных результатов исследования может иметь место в учебно-педагогической деятельности в виде лекций по курсам истории Русской Православной Церкви и государственно-церковных отношений в России.

Апробация работы.

Диссертационное исследование прошло апробацию. Основные идеи и выводы диссертации изложены в трех публикациях. Выводы диссертации прошли апробацию в форме докладов на заседаниях кафедры церковной истории ОЦАД, а также на аспирантских семинарах ОЦАД. Полный текст диссертации обсуждался на совместном заседании кафедр богословия и литургики, церковной истории, внешних церковных связей и общественных наук ОЦАД.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы.

1. Декрет об отделении Церкви от государства и его влияние на церковную жизнь Рыбинска и соседних с ним уездов

События 1917 г., сломавшие веками созидавшийся строй жизни Российской империи, не произошли внезапно или неожиданно. Революции предшествовали многие годы развивающейся болезни неверия и жажды чего-то нового в религии, устройстве государства, да и вообще во всех сферах мироустройства.

Кризис мировосприятия порастил все слои общества. Устав от гнета постоянной материальной нужды, крестьянство ждало лучшей доли. Рабочие, в целом имея доход и достаток, желали того же дохода, но при меньшей затрате сил и при лучших условиях труда. Мещане, казалось, скучали и готовы были откликнуться на любые изменения. Интеллигенция, получив импульс от самого Петра Великого, традиционно томилась «несовершенством» всего русского, с тоской взирая на Европу. Конечно, в каждом слое общества были люди трезвые и здравомыслящие, но, в целом, «низы не хотели, верхи не могли».

А что же духовенство? Стоя на пороге самого «трагичного периода своего тысячелетнего бытия»²⁵, Российская Православная Церковь по непреложному духовному закону несла в себе отражение проблем общества. Находясь под опекой государства, призванного в лице императора защищать и хранить догматы господствующей веры и блюсти правоверие и благочестие, Церковь, по сути, управлялась обер-прокурором, имевшим исключительно широкую сферу компетенции: «Именно он представлял доклады Св. Синода государю, информировал членов "духовного правительства" о царских повелениях и имел также полномочия объявлять словесно Высочайшие указы»²⁶. Таким образом, при желании обер-прокурор мог фактически парализовать деятельность Синода, вплоть до смены неугодных ему членов.

---

²⁵ *Фирсов С. Л.* Русская Церковь на заре XX века: основные этапы исторического пути. С. 7.

²⁶ Там же. С. 8.

Имея централизованную систему управления во главе со Святейшим Синодом, на местах Церковь управлялась епархиальным управлением под главенством местного архиерея и консистории. В последней имелась должность секретаря, который был подотчетен обер-прокурору, имевшему возможность косвенно влиять на епархиальное управление. Приход как таковой не имел сколько-нибудь существенного влияния на жизнь верующих. Приходской священник, как правило, ограничивался совершением богослужений и требоисполнением, за что, в свою очередь, прихожане содержали его с причтом своими пожертвованиями, которых, в подавляющем большинстве случаев, хватало лишь на очень скудную жизнь.

Проблема бедности духовенства не оставалась без внимания. Еще при Николае I, начав с юго-западных епархий, стали назначать государственное жалование духовенству, постепенно распространяя эту практику на другие епархии. Выделяемая сумма не обеспечивала духовенство полностью, и к началу XX в. многие священники не получали от государства даже минимальной материальной помощи. Тем не менее правительство своими стараниями к 1917 г. довело количество причтов с государственным жалованием до 83 %²⁶, обеспечив «средне-нормальным» жалованием 25 822 протоиереев и иереев, 4987 диаконов и 24 142 псаломщиков²⁷. Первые получали по 294 рубля в год, диаконы – 147 рублей и псаломщики – 98 рублей²⁸. Без всякого финансирования со стороны государства накануне февраля 1917 года оставались 25 992 клириков. Расчет сметы Святейшего Правительствующего Синода показывал, что для обеспечения «средне-нормальным» жалованием всех клириков требовалось дополнительно 6 021 812 рублей 13 копеек²⁹. Таких сумм ни у Синода, ни у правительства на данные нужды не было, да если бы и были, то это лишь облегчило бы жизнь клирикам, не решив проблемы материального обеспечения

---

²⁶ *Фирсов С. Л.* Русская Церковь на заре XX века: основные этапы исторического пути. С. 10.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

духовенства. Находясь в практически полной материальной зависимости от пожертвований прихожан за службы и требы, духовенство не имело достаточного авторитета в среде пасомых. К этому стоит добавить, что, несмотря на внушительную цифру белого духовенства в 112 629 человек к 1914 г., в пересчете на количество населения это означало – один клирик на 820 человек³⁰. Такие цифры позволяют сказать, что к отсутствию авторитета можно прибавить и отсутствие сколько-либо существенного влияния на народные массы.

С другой стороны, эти цифры ярко свидетельствуют о «кадровом голоде» в среде духовенства, и данная проблема была призвана решаться через систему духового образования. В 1900 г. существовало 3 академии, 58 семинарий и 187 духовных училищ³¹. Однако к началу XX в. многие выпускники отказывались принимать сан, предпочитая гражданскую службу. Например, Благовещенская семинария за 10 лет не выпустила ни одного священника³².

При этом внешняя оценка Православной Церкви была положительной – количество храмов постоянно увеличивалось. С начала XX в. в год строили в среднем по 500 храмов; количество монашествующих и послушников со времени правления Николая I к 1902 г. увеличилось практически в 3 раза, составив 58 138 человек³³. В период с 1855 по 1902 г. возникло 270 новых монастырей. Из них мужских – 37, женских – 233. Причину столь резкого перевеса женского монашества стоит искать, по словам С. Л. Фирсова, в Великих реформах, разрушивших старый уклад, что заставило в первую очередь женщин искать «утешения и стабильности в системе знакомых с детства родных религиозных ценностей»³⁴.

Диссонанс, возникший между внешним и внутренним положением Церкви, не позволял критически оценить масштаб все возрастающих проблем. Казалось, что в какой-то момент утратилось взаимопонимание между Синодом

---

³⁰ Фирсов С. Л. Русская Церковь на заре XX века: основные этапы исторического пути. С. 11.

³¹ Там же. С. 12.

³² Там же.

³³ Там же. С. 13.

³⁴ Там же. С. 14.

и императором с обер-прокурором. Синод, в свою очередь, не принимал робкие голоса своего епископата и т.д.

В качестве предпосылок революции и ее последствий для Русской Православной Церкви М. В. Шкаровский, так же как и канадский историк Д. В. Поспеловский, видит в негативном действии «Константиновского наследия» для Церкви, которое особенно ярко проявилось в начале XX в.³⁵ Церковь, находясь в синодальной системе управления, фактически была лишена самостоятельного голоса, что неизбежно влекло за собой падение авторитета как самой Церкви, так и ее епископата. Если бы не отсутствие четкой границы между властью царской и Церковью, «неизвестно, произошла бы революция в 1917 г.»³⁶. В отличие от стран католических, любая перемена власти в странах православных «глубоко травматически сказывалась на всей жизни, структуре, положении и даже внутреннем самоощущении Церкви»³⁷. Для общества она была неотделима от рухнувшей власти, и каждый раз Церкви «приходилось доказывать свою лояльность новой власти»³⁸.

Отправной точкой трагических событий, потрясших основания Российской империи, ее народа и ее Церкви, стало отречение от престола царя-страстотерпца Николая II 2 (15) марта 1917 года. Синод отреагировал нейтрально на «Акт отречения Николая II от престола Государства Российского за себя и своего сына в пользу великого князя Михаила Александровича» от 2 марта 1917 года и на «Акт об отказе Великого князя Михаила Александровича принять верховную власть» от 3 марта. В резолюции от 3 марта Синод уже упоминает Временное правительство, которое, в свою очередь, взяв на себя всю полноту государственной власти, сохранило существующую структуру управления Православной Церковью, назначив нового обер-прокурора – В. Н. Львова³⁹. При этом на официальном открытии сессии Святейшего Синода 4 марта иерархам

---

³⁵ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 14.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999). СПб. : Алетейя, 2001. С. 25.

было сказано, что новая власть предлагает «Святой Православной Русской Церкви полную свободу в ее управлении, сохраняя за собой лишь право не давать ходу решению Св. Синода, сделанному в противоречии с законом и являющемуся нежелательным с политической точки зрения»⁴⁰. Синод, косвенно подтверждая отсутствие какой-либо надежды на восстановление монархии, не только фактически убирает присутственное царское место из зала заседаний, но и в течение нескольких дней корректирует формулировки в документах и возгласениях, убирая упоминание о царе и царском доме.

Необходимость перемен в Православной Церкви была, наверное, наиболее острой темой в церковном обществе на протяжении последних нескольких лет. Причем, большинство, если не все единогласно, понимали необходимость перемен именно в структуре управления Церкви, ее отношениях с государством, где единодушно все чаяли восстановления патриаршества. Часть же общества видела необходимость перемен и во внутренней жизни Церкви, где были даже призывы к переменам в самих основах православной веры – ходе службы, церковно-славянском языке и т.д. Распространенные в обществе разлагающие веяния «проникли и в церковную среду, появились статьи с нападками на прошлое Русской Церкви, в которых полуправда перемешана с ложью, образовались группировки, которые открыто провозгласили своей целью не только обновление церковного управления, но и реформу православного вероучения»⁴¹.

В целом же, перемен хотели все сверху донизу и в общественной, и в церковной жизни. Наверное, поэтому в первые два года советской власти, мы видим попытки Православной Церкви выстроить новые отношения с государством на всех уровнях – от Патриарха – с Совнаркомом, до настоятелей монастырей и храмов – с комиссарами по церковно-монастырским имуществам. В этих попытках не стоит искать признаков какого-либо компромисса со стороны Церкви, напротив, именно в первые годы голос Православной Церкви

---

⁴⁰ Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999). СПб. : Алетейя, 2001. С. 25.

⁴¹ Цытин В., прот. История Русской Церкви. С. 9.

был тверд как никогда. Церковь с восстановлением патриаршества и, в этом смысле, отделением от государства, видела возможность получить большую свободу и самостоятельность. Возможно, именно поэтому в начале всех событий Православная Церковь сделала все, чтобы не допустить волнений и успокоить умы людей⁴².

1.1. Захват власти большевиками. Первые шаги новой власти по отношению к Русской Православной Церкви

Но события развивались совсем иным образом. Вскоре череда событий привела к захвату власти большевиками в октябре того же года. Надежды на свободу и перемены к лучшему сменились тревожным ожиданием у одних и уже четким пониманием свершившейся катастрофы у других. Для Православной Церкви и ее верных чад настало время подвига.

Незадолго до октябрьских событий, 15 августа 1917 г. в Москве открывается Поместный Собор, избравший Патриархом святителя Тихона. Восходя на патриарший престол, святитель со смирением произнес: «Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину!»⁴³. Знаменательно, что среди общего презрения ко всем устоям и традициям, даже в обезумевших от вседозволенности солдатах все еще сохранялись отблески былого благочестия. Так, при интронизации Патриарха Тихона во время литургии солдаты, состоявшие в охране Кремля, демонстративно курили и смеялись, но стоило Патриарху показаться на паперти храма, как они тут же, «скинув шапки, опустились на колени под благословение»⁴⁴.

---

⁴² Мосс В. Православная Церковь на перепутье. С. 27.

⁴³ Цыпин В., прот. История Русской Церкви. С. 34.

⁴⁴ Там же. С. 36.

Все стремительные изменения во внутренней и внешней политике происходили на глазах у участников Собора, что нашло отклик во многочисленных воззваниях и заявлениях. Нельзя не отметить, что Собор представлял собой именно полноту той части русского народа, которая сохраняла верность Православной Церкви, поэтому голос Собора был голосом большинства народа, что, казалось бы, должно было иметь для власти народной существенное значение. Но, как мы знаем, ни этот мощный голос, ни даже голос разума и здравого смысла не были услышаны. Создается впечатление, что власть, сбрасывая «оковы» царской империи, решила взять на себя функции «просветительские», считая, что народ не может знать, что действительно ему необходимо.

После низложения Временного правительства власть перешла к Совету народных комиссаров. Одним из первых декретов, изданных новой властью, стала «Декларация прав народов России» от 2 ноября 1917 г. В данном документе, помимо всеобщего раскрепощения, декларировалась отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, что лишней раз закрепляло утвержденные еще Временным правительством нормы в постановлении «Об отмене вероисповедальных и национальных ограничений» и в законе «О свободе совести».

В декабре того же года декретом о передаче всех церковных школ в Комиссариат просвещения Православная Церковь была лишена всех учебных заведений. Тогда же декретом о гражданском браке и гражданской метрикации у Церкви были изъяты функции регистрации, тем самым Церковь выдавливалась из всех сфер общественной жизни.

1.2. Декрет об отделении Церкви от государства

Главным документом, определяющим отношения Церкви и государства должен был стать декрет, работа над которым шла несколько месяцев. Проект этого документа, получившего название «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», был опубликован в газетах еще в начале декабря

1917 г. Суть проекта Декрета заключалась в отделении Церкви от государства, отделении школы от Церкви и, если так можно выразиться, в отделении человека от Церкви. У Церкви отбиралось право метрикации рождения, смерти и брака, вместо последнего вводился институт гражданской регистрации бракосочетаний. Декрет подразумевал лишение Церкви права владеть каким-либо имуществом и также более не считал Церковь юридическим лицом. Естественно, духовенство всех конфессий, по замыслу Декрета, лишалось каких-либо привилегий в гражданских правах, становясь равноправными со всеми гражданами Российской Федерации, что фактически привело к бесправному существованию не только духовенства, но и верующих, и всех, вызывавших какое-либо подозрение в контрреволюционности. Все земельные владения переходили в собственность государства, денежные сбережения также конфисковывались. С 7 января 1918 г. вводился григорианский календарь. Духовенству надлежало сдать драгоценности и украшения с облачений в пользу государства, испытывающего нужду, наступившую в силу великих потрясений. Рясы разрешалось носить только в храмах.

Окончательная версия Декрета, вышедшая 20 января (2 февраля) 1918 г., уже не содержит требований о драгоценностях с митр и клобуков, но основные положения проекта там остались, и даже упомянутое свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивалось лишь до момента нарушения ими общественного порядка и при условии непосягательства на права граждан и Советской республики. Последние оговорки, как и общая нечеткость документа, давали возможность свободного толкования данного постановления, что и имело место.

Сразу после выхода Декрета Поместный Собор выпускает особое постановление и послание от 25 января (7 февраля). Позднее Поместный Собор обратился в Совет народных комиссаров с просьбой отменить Декрет об

отделении Церкви от государств⁴⁵. В обращении указывается на «единодушное чувство глубокого и сердечного возмущения»⁴⁶, которое вызвал изданный Декрет. Народ православный видит в этом Декрете оскорбление его религиозного чувства, что нарушает его свободу совести и равноправие, которое «Вы сами провозглашаете»⁴⁷. «Да будет ведомо Вам, что религиозное успокоение ста миллионов православного русского народа, без сомнения, необходимого для государственного блага, может быть достигнуто не иначе, как отменой распоряжений, посягающих на жизнь и свободу народной веры»⁴⁸. Декрет, имея декларируемую цель – свободу совести, – в сущности являлся не чем иным, как прямым посягательством на весь строй жизни Православной Церкви и актом открытого против неё гонения. Помимо усиления давления на Церковь в законодательном плане, повсеместно шли пока еще стихийные репрессии против клириков и мирян. После первых жертв – протоиерея Иоанна Кочурова и протоиерея Петра Скипетрова – список невинно убиенных стремительно разрастался. «В ответ на аресты и расстрелы в городских и сельских храмах совершались ночные моления, и православные люди не расходились из храмов до рассвета, исповедовались и причащались, готовые в любую минуту принять смерть от ненавистников Имени Божия»⁴⁹. Во многих городах был объявлен покаянный пост, «религиозный подъем охватил и часть интеллигенции, страшные события заставляли и их каяться и возвращаться к вере отцов»⁵⁰.

Проведение в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства требовало координации и контроля на местах. Для этих целей весной 1918 г. учреждается должность комиссара по церковно-монастырским имуществам. В

---

⁴⁵ «Приспело время подвига...»: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь / Сост., авт. вст. ст. Н. А. Кривошеева. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 409–411.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Цыпин В., *прот.* История Русской Церкви. С. 53.

⁵⁰ Там же. С. 53.

Рыбинском уезде таким комиссаром с 11 апреля становится⁵¹ священник Дмитрий Александрович Розов, 30 лет⁵², настоятель храма села Никольского на Шексне. В это же время схожие отделы учреждаются и в других уездах, где основной функцией комиссаров был надзор за монастырями⁵³. Однако уже в мае 1918 г. священник Дмитрий Розов обращается в Рыбинский исполнительный комитет совета рабочих и крестьянских депутатов с просьбой избрать вместо него уполномоченного по учету церковно-монастырского имущества города Рыбинска и уезда, сам же отец Дмитрий на безвозмездной основе готов в свободное время оказывать посильную помощь⁵⁴. Стоит подробнее остановиться на причине данной просьбы, которую сам отец Дмитрий и разъясняет. Сам факт избрания и активная политическая позиция привели к возмущению среди духовенства и немедленному прещению со стороны архиерея, запретившего «комиссара» в служении⁵⁵. Не удивительно, что священник Дмитрий Розов с данным решением был в корне не согласен, да к тому же прихожане его любили и составили делегацию к архиерею. Решение возникших проблем требовало времени, и совмещать это с ответственной работой казалось нереальным. Возможно, что помимо препятствий со стороны епархии, комиссар по церковно-монастырским имуществам столкнулся и с серьезным сопротивлением со стороны верующих, которых Собор призывал к твердой позиции.

К этому времени давление, оказываемое государством на Православную Церковь, все больше приобретает форму открытых гонений, на что 18 апреля 1918 г. Собор отзывается постановлением «О мероприятиях, вызываемых происходящими гонениями на Православную Церковь». В этом документе указывалось на необходимость проведения следующих действий.

⁵¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

⁵² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 18.

⁵³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 330. Л. 144.

⁵⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 7. Л. 2.

⁵⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 7. Л. 7–8.

1. Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений о гонимых ныне за православную веру и Церковь и скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках.

2. Совершить торжественные моления: а) поминальное – о упокоении со святыми усопших и б) благодарственное – о спасении оставшихся в живых.

3. Установить в России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января или в следующий за сим воскресный день всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников.

4. Устроить в понедельник второй седмицы по Пасхе во всех приходах, где были скончавшие свою жизнь за веру и Церковь исповедники и мученики, крестные ходы к местам их погребения, где совершить торжественные панихиды.

17. От имени Священного Собора оповестить особым постановлением, что Священный Собор Православной Российской Церкви, возглавляемый Святейшим Патриархом и преосвященными иерархами, состоящий из избранников всего православного народа, в том числе и крестьян, есть единственный законный высший распорядитель церковных дел, охранитель храмов Божиих, святых обителей и всего церковного имущества, которое веками составлялось, главным образом, из добровольных приношений верующих людей и является Божиим достоянием. Никто, кроме Священного Собора и уполномоченной им высшей церковной власти, не имеет права распоряжаться церковными делами и церковным имуществом, а тем более такого права не имеют люди, не исповедующие даже христианской веры или же открыто объявляющие себя неверующими в Бога.

Этот призыв, а точнее, предостережение, как и тысячи жалоб, поступающих от граждан в Совнарком и ВЦИК, не смогли преградить путь наступающей на Православную Церковь лавине в лице новой власти. Власть активно продолжала вмешиваться в дела епархиального управления. Помимо мер репрессивного характера, местные власти пытались с нарушением законного порядка заменить епархиальных архиереев на более лояльных. Новые условия

существования заставляли Церковь искать соответствующие наступившим обстоятельствам формы существования. Собор принимает «Положение об епархиальном управлении», в рамках которого упраздняется исполнительный орган епархиального управления – консистория. Отныне епископ избирается большинством голосов, новым органом управления становится епархиальное собрание, состав которого также избирается из клириков и мирян, причем в равной пропорции. Постоянно действующим административно-исполнительным учреждением теперь является епархиальный совет из выборных клириков и мирян.

Позднее, 20 апреля, Собор утвердил новую редакцию приходского устава, согласно которому все основные приходские вопросы должны решаться на общих собраниях прихожан.

Зачастую местными властями обозначенные в Декрете нормы нового существования Церкви толковались как призыв к ее уничтожению. 21 мая 1918 г. в Совет народных комиссаров обратились с заявлением члены Поместного Собора и представители православных приходов Москвы. В заявлении подчеркивалось, что Декрет о свободе совести имеет недостаточную отчетливость в своем изложении. Это дает повод для злонамеренного толкования и без того не вполне ясного текста, что приводит «к тому, что некоторые представители местной власти имеют возможность обосновывать на Декрете не только свои враждебные в отношении к Православной Церкви действия, но и действия, явно несообразные и даже преступные, никоим образом не могущие вытекать из смысла и целей Декрета»⁵⁶. К заявлению прилагался список «таковых действий, требующих немедленной отмены и прекращения»⁵⁷.

---

⁵⁶ «Приспело время подвига...». С. 444.

⁵⁷ Там же. С. 445.

1.3. Образование отдела по проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства

В целом, в период с мая по июнь 1918 г., власть активно реализовывала множество мероприятий, связанных с религиозными организациями. Количество этих мероприятий и обширная география проводимых действий требовала контроля, координации и направления. Одной должности комиссара по церковно-монастырским имуществам уже было недостаточно. 8 мая при Наркомате юстиции был создан специальный 8-й (позднее 5-й) отдел по проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства во главе с П. А. Красиковым. Такие же отделы организовывались в губерниях, где обычно их возглавляли занимавшие в то время должность комиссаров по церковно-монастырским имуществам.

30 июля Совнарком принял постановление «О набатном звоне», запрещавшем, помимо прочего, созыв населения набатом или «тому подобными способами», нарушение данного предписания с «контрреволюционными целями», каралось трибуналом. Месяц спустя, 30 августа, Наркомат юстиции издал инструкцию «О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», ещё более ужесточившую требования власти по отношению к Церкви. Согласно инструкции Церковь лишалась прав юридического лица. Все имущество передавалось в ведение местных советов рабочих и крестьянских депутатов. Затем по составленным описям имущество передавалось в бесплатное пользование местным жителям, необходимое число которых определялось местным советом рабочих и крестьянских депутатов, но не могло быть менее 20 человек. Двдцатка отвечала за сохранность имущества, его ремонт и содержание. Отдельно оговаривалась передача храмов, имеющих историческую и художественную ценность, для чего была составлена отдельная инструкция музейным отделом Наркомата просвещения. Небогослужебное имущество, движимое и недвижимое, а также капиталы незамедлительно отбирались. Всем отделениям народного банка и сберегательным кассам

предписывалось в двухнедельный срок сообщить о капиталах, принадлежащих вероисповедным организациям. Местным советам рабочих и крестьянских депутатов предписывалось принять все капиталы в двухнедельный срок, при этом предоставлялось право оставить некоторые суммы группам, заключившим соглашения, на текущие расходы по совершению религиозно-обрядовых действий до конца текущего года. Все национализированные капиталы сдавались в трехдневный срок в казначейство. Отдельным пунктом инструкции предписывалось изъять все метрические книги, черновой вариант оставлялся местному ЗАГСу, а белой предавался в губернский. В паспортах запрещалось делать какие-либо отметки о вероисповедании, браке и разводе и других «обрядках», совершенных служителями культа. В государственных помещениях безусловно запрещались какие-либо религиозные действия и изображения. Публичные же шествия и обряды на улицах и площадях допускались лишь с письменного разрешения местных властей. В школе запрещалось преподавание вероучительных дисциплин, все здания духовных учебных заведений и церковно-приходских школ переходили в собственность местных властей или Наркомата просвещения.

Работа отдела по отделению Церкви от государства в Рыбинске набирала обороты и требовала все новых кадров. В августе 1918 г. начальник отдела Розов просит назначить постоянное жалование для себя и помощника. Просьба была удовлетворена, и по зарплатным ведомостям на 1 октября жалование комиссара составляло 250 руб. в месяц⁵⁸.

Тем временем Гражданская война влекла за собой все новые жертвы не только среди противоборствующих сторон, но и среди духовенства. Если в апреле в первом заупокойном синодике убиенных за веру Христову было 15 имен, то уже летом только из Ярославской епархии в канцелярию Совета Поместного Собора пришло представление о 13 клириках, умерших насильственной смертью. Среди них священник тюремной церкви Рыбинска Вячеслав Закедский и заведующий Рыбинским подворьем Ярославского

---

⁵⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

Толгского монастыря иеромонах Иосиф⁵⁹. В этих условиях Собор продолжал свою работу, и после выхода инструкции была составлена комиссия, которая 3 сентября подготовила проект для обсуждения текущих событий церковной жизни. По замыслу проекта храмы и часовни могли быть отторгнуты только путем насилия, защита святынь есть исповедание веры; ревнующих об этом до готовности душу свою положить, призвать давать торжественное обещание по нарочитом приготвлении говением и елеосвящением. Вместе с этим, старостам и членам приходских советов предписывалось при явной угрозе насилия отдавать властям ключи и описи. Всем христианам под угрозой церковного запрещения запрещалось принимать участие в фактической передаче и приемке храмов и часовен. Лишившиеся в силу насильственных действий храмов общины объединяются вокруг своего пастыря, который, с разрешения архиерея, будет совершать Божественные службы в выбранном для этого частном доме. При этом священные сосуды могут быть безо всяких украшений, «а облачение – из простой холстины: да ведают насильники и осквернители храмов Божиих, что вера православная не нуждается во внешнем великолепии и что соблазн удержать ее ценой покорности бесстыдному насилию не может сломать верных последователей Христа к подножию сатанинской власти»⁶⁰. Этот документ, оставшись только проектом, показал не только решимость членов Собора, но и пророчески предсказал дальнейшую судьбу верных чад Православной Церкви.

Одной из главных задач отделов по отделению Церкви от государства на первом этапе было подписание договоров о передаче храмов верующим. Образец договора был прислан в Рыбинский отдел по отделению Церкви от государства 9 сентября 1918 г. Можно считать эту дату началом процесса передачи храмов и имущества верующим, и продлится он до весны 1919 г.

В обязанности граждан, подписавших соглашение или «рописку», как она называлась в оригинале, входил довольно обширный круг обязанностей. Иногда, как например, в селе Некоуз Мологского уезда, соглашение называлось

---

⁵⁹ «Приспело время подвига...». С. 409–411.

⁶⁰ Там же. С. 447–451.

«приговоръ»⁶¹. Для подписания прихожане избирали уполномоченных по принятию церкви и церковного имущества. В конце «приговора» шло поименное перечисление двадцатки. Отдельно указывались граждане из двадцатки, избранные для получения инструкций от совета. Последними шли подписи прихожан, в данном примере – на трех листах.

Члены общины, приняв от совдепа в безвозмездное и бессрочное пользование богослужебное здание и богослужебные предметы, несли всю полноту ответственности за их сохранность, что впоследствии будет активно использоваться властями при предъявлении требований по возмещению украденных предметов на фоне участвовавших грабежей храмов⁶². Это дополнительно оговаривалось отдельным пунктом соглашения: «За пропажу или порчу переданных нам предметов, мы несем материальную ответственность солидарно, в пределе ущерба, нанесенного имуществу»⁶³. Отдельно оговаривалось, «что врученное имущество не будет использовано... мы обязуемся не допускать:

- Политические собрания, враждебного советской власти направления.
- Раздачи или продажи книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против советской власти или ее представителей.
- Произнесение проповедей и речей, враждебных советской власти или ее отдельных представителей.
- Совершения набатных тревог для созыва населения, в целях возбуждения его против советской власти, в виду чего, мы обязуемся подчиняться всем распоряжениям местного совдепа, относительно распорядка пользования колокольни»^{64, 65}.

Община брала на себя все расходы по содержанию и ремонту храма, а также оплату долгов местных обложений. Все имущество, существующее и

⁶¹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 32. Л. 77.

⁶² Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 330. Л. 21.

⁶³ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 330. Л. 21.

⁶⁴ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 330. Л. 21.

⁶⁵ Здесь и далее: все архивные документы публикуются с сохранением орфографии и пунктуации в источнике.

вновь поступившее, должно быть занесено в инвентарную опись. Уполномоченные совдепом имели беспрепятственный доступ для проверки имущества, но что характерно – во внебогослужебное время. Впоследствии, например, в договор с общиной Софийского женского монастыря от 1 апреля 1919 г. был добавлен пункт о кладбище, гласивший, что община обязуется «сопровождать своих единоверцев, в случае желания заинтересованных лиц, религиозными обрядами, в смысле торжественности одинаковыми для всех, и за одинаковую для всех без исключения граждан плату, размер которой должен быть нами ежегодно объявлен на всеобщее сведение»⁶⁶.

Тем временем в уезды из Москвы поступали новые разъяснения Декрета⁶⁷. 14 сентября Рыбинский отдел управления получил телеграмму, еще раз подтверждающую положения инструкции к Декрету. Запрещалось указывать в паспортах религиозную принадлежность. Во всех светских учреждениях не допускалось никаких религиозных изображений и обрядов. Отдельным пунктом указывался разрешительный характер всех религиозных шествий и обрядов на улицах и площадях⁶⁸. К этому моменту разрешения уже выдавались. Так, например, 10 сентября было выдано разрешение на хождение с иконой по домам до 10 октября 1918 г. без крестного хода⁶⁹. В случае, если выдавалось разрешение на крестный ход, сотрудникам отдела предписывалось сопровождать его для предотвращения агитации⁷⁰.

С 15 сентября отдел переименовывается в отдел культов при Наркомате юстиции⁷¹.

В сентябре идет активная работа по изъятию метрических данных из храмов. Многие приходы противились нововведениям. В Мологском уезде отдел юстиции в ультимативной форме обратился к таким приходам: «Посему предупреждаю, что все выступления святых отцов буду караться по всей

⁶⁶ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 3. Л. 19.

⁶⁷ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 26. Л. 13.

⁶⁸ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 7. Л. 13.

⁶⁹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 7. Л. 11.

⁷⁰ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 330. Л. 20.

⁷¹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 9.

строгости революционного времени»⁷². Для ознакомления населения с Декретом в отделы было передано 300 брошюр для распространения с разъяснениями Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществ⁷³.

В конце сентября завершается процесс организации отделов культов в уездах губернии. Основной задачей было проведение в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства. Проследим перечень и приоритет задач отделов на примере Мологского уезда. Первой задачей отдела было оборудование канцелярии и обеспечение финансами отдела из средств уездных исполкомов⁷⁴. Первым распоряжением был циркуляр всем волостям о необходимости срочного заведения книг учета браков, рождения и смерти. Стоит отметить, что схожее распоряжение, упомянутое выше, ранее было сделано и комиссаром юстиции, но ввиду упразднения его должности было проигнорировано. Данная работа была завершена к декабрю 1918 г. Вторым делом было изъятие метрических книг из храмов и организация в волостях отделов записей браков, рождений и смерти, что также было завершено к концу года⁷⁵. Выполнение требования инструкции по передаче в ЗАГСы функций учета брака, смерти и рождения шло неоднородно, кто-то противился и таких увещевали силой. Следующей задачей отдела была опись церковного имущества. Все волостные советы получили от отдела циркулярное указание о необходимости в двухнедельный срок произвести опись церковного имущества, переданного по желанию обществу верующих под особые расписки-соглашения⁷⁶. Описи необходимо было составлять в трех экземплярах. Эта работа шла непросто. К примеру, в том же Мологском уезде к концу года из 65 приходов только в половине все было исполнено в соответствии с указаниями. В отчете Мологский отдел культов обращает внимание на то, что в некоторых волостях население неохотно отнеслось к настоящему распоряжению, «но путем

---

⁷² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 32. Л. 8.

⁷³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 32. Л. 27.

⁷⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 330. Л. 144.

⁷⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 330. Л. 144.

⁷⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 330. Л. 144.

разъяснения и принятия мер удалось достигнуть осуществления»⁷⁷. Отдельно все волостные советы были извещены о необходимости в списках церковного имущества выделить все серебряные и золотые предметы, а также драгоценные камни. Впоследствии отделы культов при помощи агитаторов из комитета партии и исполкомов склоняли население в пользу добровольного пожертвования церковных ценностей. Стоит отметить, что нигде в архивных документах того времени нет упоминания о цифрах, свидетельствующих о какой бы то ни было добровольной сдаче. Более того, в декабре 1918 г. ярославский ликвидационный отдел получает из 8-го отдела Народного комиссариата юстиции (НКЮ) бумагу с грифом «спешно». По-видимому, из-за несогласованности действий между комиссариатами, а возможно, и из-за разного подхода и степени решительности в «церковном вопросе» по губернским ликвидационным отделам было распространено распоряжение Высшего совета народного хозяйства об изъятии из церквей предметов, сделанных из благородных металлов. 8-й отдел НКЮ даже не имел копии данного распоряжения и просит предоставить ее, в данном случае, в ярославский ликвидационный отдел, при этом еще раз разъясняя, что «учет находящихся в храмах изделий из благородных металлов следует производить и количественно и, по возможности, весом, не нарушая при этом целостности отдельных вещей»⁷⁸.

Четвертой задачей отделов культов была опись денег, имеющихся в монастырях и церквях губернии. Все уездные, а следом и волостные советы получили ведомости для немедленного заполнения их приходскими советами и с последующей передачей их в отделы культов. Последние, в свою очередь, параллельно с рассылкой и сбором финансовых ведомостей обращались во все банки казначейства со срочными запросами об имеющихся церковных капиталах⁷⁹. По Мологскому уезду капитал монастырей составлял около 560 000 рублей, хранившихся преимущественно в процентных бумагах в разных местах.

---

⁷⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 330. Л. 144.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. А353. Оп. 2. Д. 707. Л. 212.

⁷⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 330. Л. 144.

Также отдел отчитался о реализации плана совета депутатов об использовании монастырских жилых помещений. Так, в Афанасьевском монастыре был размещен инвалидный дом, и в Покровском предполагалось открыть инвалидный дом⁸⁰. Все храмы уезда были «востребованы» прихожанами и переданы им по договору⁸¹.

В октябре Рыбинский отдел культов размещается в Югской часовне на Крестовой улице⁸². Его все также возглавляет к тому времени уже бывший священник Розов, занимавший должность комиссара по церковно-монастырским имуществам. В отделе в первые месяцы трудилось семь человек⁸³. Оклад руководителя – 760 рублей, помощника руководителя, делопроизводителя-секретаря – 684 рубля, рассыльного – 261 рубль⁸⁴. Получив необходимые удостоверения, сотрудники отдела приступили к работе. С большим трудом удавалось наладить учет церковных доходов. Каждый приход должен был отчитываться в своих финансах перед отделом, но на деле многие таких данных Розову не предоставляли, за что последний в отчетах обличал их в антисоветской и контрреволюционной настроенности⁸⁵. Личность Розова вызывала недовольство не только у священства, но и у представителей советской власти. 2 октября отдел культов посетил заведующий ярославским отделом по учету церковно-монастырского имущества Серов. По результатам визита в заявлении он выразил крайнее удивление, что все в отделе, «начиная с руководителя и кончая курьером, исключительно из духовенства и монахов, что, конечно, крайне опасно, учитывая контрреволюционное состояние большинства таковых»⁸⁶. Это заявление не осталось без внимания, поэтому в ответном докладе в исполнительный комитет Розов пространно расписал важность и сложность проведения в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства. «Религия

---

⁸⁰ ГА РФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 758. Л. 260.

⁸¹ ГА РФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 758. Л. 260.

⁸² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 35. Л. 2.

⁸³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 35. Л. 34.

⁸⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 35. Л. 34.

⁸⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 35. Л. 34.

⁸⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 7. Л. 18.

играла и играет в жизни русского народа большое значение, как народа, не достигшего высокого развития, живущего и мыслящего больше образами, чем понятиями. Приступая к проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства, придется столкнуться с этой крепостью. Чтобы перевести сознание в новую плоскость мышления, нужно бережно дотронуться до того, что свято и неприкосновенно для толщи народа. Для этой тяжелой и ответственной перед положениями работы нужно подобрать людей, которые могли провести в жизнь названный декрет без болезненного для общества потрясения. Посему предлагаю Исполнительному комитету не отказать мне в свободе выбора лиц»⁸⁷.

1.4. Внутривполитическая обстановка и государственно-церковные отношения

Тем временем в Мологском уезде вспыхивает мятеж. Приведем описание этих событий по рапорту священника церкви села Николо-Замощье отца Сергия Розова на имя Высокопреосвященнейшего Агафангела, митрополита Ярославского и Ростовского⁸⁸. 16 октября в селе Николо-Замощье и в соседних с ним селах поднялось восстание против советской власти. Началось оно в дальних от станции Харино волостях. 14 октября повстанцы явились в смежные со станцией деревни и заставили население взяться за оружие. 16 октября отец Сергей посетил второго священника своего храма священника Димитрия Вознесенского для обсуждения мер по охранению храма и его имущества. В это самое время к ним являются депутаты с требованием благословить их на ратный подвиг, для чего проследовать крестным ходом на станцию Харино, где и совершить молебен. Несмотря на то, что это противоречило декрету советской власти, согласно которому всякое общественное моление может быть совершено только с разрешения властей, священникам после еще двух депутатий пришлось

---

⁸⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 7. Л. 19–20.

⁸⁸ Все мы – Христовы : Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие за веру православную в гонениях 1918–1953 годов. С. 149.

уступить настойчивым требованиям и проследовать на станцию, где и был совершен молебен Спасителю, Покрову Божией Матери и св. Николаю. Перед началом молебна отец Сергей просил народ молиться о даровании нам мира, согласия и порядка. При этом отец Сергей указал диакону на произнесение на ектении дополнительных прошений «о умножении любви и искоренении ненависти и всякия злобы»⁸⁹. В конце молебна священник Димитрий Вознесенский, несмотря на попытки со стороны отца Сергия его остановить, взял слово: «Я не ошибусь, если скажу, что всем нам в настоящее время живется очень тяжело. Грабят, отбирают хлеб, накладывают контрибуции, оскорбляют святыни, притесняют служителей приходов...» Следующим утром в село приехал карательный отряд красноармейцев, услышав колокол, солдаты направились к храму, где отец Димитрий совершал литургию. Не посмев прервать богослужение, солдаты пришли к священнику домой после службы с требованием проследовать за ними к станции Некоуз, где его спешно допросили и увезли на следующую станцию – Шестихино, где после очередного допроса в ночь с 17 на 18 октября отца Димитрия вместе с другими арестованными расстреляли, закопав тут же, почти на путях.

К этому времени ликвидация монастырей и преобразование их в трудовые артели шла полным ходом. Уже в конце октября процесс по Рыбинску и уезду был завершен. Предметы культа и храмы передавались на основании договоров аренды вновь образованным общинам. Жилые помещения предлагалось передать в отдел социального обеспечения для устройства в них убежища для престарелых, неспособных к труду, а равно и хронических больных, заботиться о которых предлагалось желающим остаться при них из монашествующих на правах трудовой коммуны⁹⁰. Первым этапом закрытия монастырей было преобразование их в трудовые общины. Так, 1 октября 1918 г. в Рыбинский отдел культов поступило прошение от настоятельницы Софийского женского

---

⁸⁹ Все мы – Христовы : Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие за веру православную в гонениях 1918–1953 годов. С. 150.

⁹⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 7. Л. 21.

монастыря игуменья Илларию с просьбой к комиссару церковно-монастырских имуществ о. Димитрию Розову (люди не успевали отслеживать изменения в наименованиях отделов, да и еще не знали о том, что Розов был уже «бывшим священником») «походатайствовать перед кем следует – чтобы из монастыря организовать трудовую общину сестер»⁹¹ и дальше подписи 30 сестер. Тогда же из Ярославля в Рыбинский отдел ликвидации церковно-монастырского имущества приходит требование: «До 15 ноября представить сведения о передаче церквей и монастырей и описи находящегося в них церковного имущества»⁹².

Стоит отметить, что осенью 1918 г. в государственно-церковных отношениях можно было еще увидеть некие попытки сосуществования. Это касалось обеспечения служебных потребностей храмов. Храмы присылали заявки на отпуск муки и вина. Необходимый объем отпускался обычно на один – два месяца. Так, храм села Васильевского на Шексне на заявку с просьбой отпустить муку для просфор получил 20 фунтов (около 9 килограмм) на ноябрь и декабрь⁹³, а в храм села Байловское было дано разрешение старосте Смирнову Степану Денисовичу получить со склада отдела свечи и вино.

Надежду на некую защиту выражали и многочисленные жалобы от храмов, монастырей и простых верующих, поступающие в Рыбинский отдел культов. 9 декабря 1918 г. игуменья Софийского женского монастыря Илларию просила принять меры в связи с продолжающейся вырубкой леса, принадлежащего монастырю в Борисовской пустоши, где граждане деревень Глазатова и Демихова безнаказанно вырубали лес⁹⁴. Данное заявление было передано в уездный земельный отдел. 23 декабря поступила жалоба на бесчинство расквартированных в монастыре солдат 7-й мортирной дивизии, которые и без того плохое сено, заготовленное для кормления монастырского скота, «тащат из сарая и никакия для них запоры и замки не существуют. Мы беззащитные в ужас

⁹¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 7. Л. 21.

⁹² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 6.

⁹³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 336. Л. 19.

⁹⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 9. Л. 9.

приходим, чем нам придется подкармливать скот, а кроме яровой соломы ничего нет; ведь монастырь с августа месяца молоко полностью доставляет в продовольственную (управу) лавку»⁹⁵. Вопрос был не праздный – как-никак обеспечение продуктами, наверное, поэтому реакция на данное заявление была довольно быстрой. Отдел культа написал резолюцию с призывом устранить данные преступления, а распоряжением Рыбинского исполкома в монастырь для проверки был командирован член коммунистической партии Петр Колонин.

Клирики обращались в отдел культов за поддержкой в вероучительных вопросах и вопросах церковного суда. Одним из примеров служит запрос в отдел по ликвидации церковно-монастырского имущества из епархиального совета Ярославля с просьбой уведомить совет о причинах арестов священников для рассмотрения этих дел по церковным канонам⁹⁶. Хотя возможно, что причиной такого запроса могло быть лишь желание соотнести вменяемое преступление с церковными канонами с точки зрения запрещения в служении и / или лишения сана. Необходимо отметить, что в это же время многие дела не доходили до суда. В Ярославской области вспыхнули мятежи. Многие священники, служившие молебны о противниках советской власти или отпевавшие контрреволюционеров, были расстреляны при подавлении мятежей.

К середине октября вступивший в силу запрет на преподавание вероучительных дисциплин в школе не оставил никаких надежд на обучение желающих школьников Закону Божию. 14 октября духовенство Рыбинска, откликнувшись на просьбы родителей, обратилось в отдел культов при Рыбинском совдепе с просьбой о разрешении организации внеклассных занятий по Закону Божию⁹⁷. Через несколько дней в тот же адрес от Рыбинского духовенства направляется расширенная петиция. Ее составители под руководством благочинного протоиерея Сергия Богородского ставят перед комиссаром церковных имуществ Розовым следующие вопросы⁹⁸.

---

⁹⁵ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 9. Л. 11.

⁹⁶ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 32. Л. 43.

⁹⁷ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 35. Л. 5.

⁹⁸ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 35. Л. 7.

«1. Может ли православное духовенство организовать в приходских храмах систематические религиозные беседы и уроки Закона Божия для детей школьного возраста и проводить во внеурочное время занятия, напр., вечерние или дневные, в какие-либо дни недели? Означенные уроки детьми с 8 до 16-летнего возраста будут посещаться с согласия их родителей, а свыше 16-летнего возраста по добровольному согласию самих детей.

2. Могут ли теперь духовенство и прихожане устраивать в храмах общия собрания всех прихожан и текущие деловые собрания приходских советов для обсуждения вопросов, касающихся внутренней религиозно-нравственной жизни прихода или связанных с ведением церковно-приходского хозяйства?»⁹⁹.

В заключении духовенство сообщает, что и вышеуказанная деятельность и наставления прихожан не противоречат ни духу, ни букве Декрета народных комиссаров об отделении Церкви от государства. «Мы просим Вас оказать зависящее от Вас содействие к положительному разрешению предложенных нами вопросов и поставить нас в известность о тех или иных условиях, отношениях и намерениях Советской власти в отношении к означенной деятельности духовенства в настоящее время»¹⁰⁰.

В целом, по приводимым аргументам и здесь, и в посланиях членов Собора складывается впечатление, что авторы пытаются аргументированно указать на уместность протестов, очевидность несправедливости и даже преступности тех или иных действий новой власти. Идут одна за другой попытки наладить существование в новой действительности и Церкви, и нового государства. При этом очевидна неустанная забота именно о пастве, а не о духовенстве или о материальном положении. Но все это напрасно, оппонент глух к любой логике, потому что ее нет, есть только горячее желание искоренить, уничтожить Православную Церковь, но сделать это так, чтобы не допустить волны возмущения в народе. Такая, с позволения сказать, тактика будет присутствовать вплоть до 1922 г., когда с изъятием церковных ценностей падет и без того уже

---

⁹⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 35. Л. 7.

¹⁰⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 35. Л. 7.

шаткое сопротивление насильственным действиям новой власти. Характерным в этой связи является ответ из отдела культов Рыбинскому благочинному протоиерею Сергию Богородскому, полученный им спустя полтора месяца, 23 ноября: «Проповеди в Советской Республике стеснения нет, дел защиты интересов какой-либо религии я на себя не принимал, разрешения на собрания религиозного характера выдает исполнительный комитет»¹⁰¹. Коротко и ясно.

Во второй половине ноября Рыбинский отдел культов получает уточнение об изъятии ценностей из храмов. Со ссылкой на распоряжение из Москвы от 16 ноября предписывалось «деревенские церкви ставить в покое и не каких ценных вещей не отбирать»¹⁰², правда, с оговоркой: «...до общего на то распоряжения»¹⁰³. По городским и богатым храмам все оставалось в силе, согласно старому предписанию. Бесприходные храмы следовало закрыть, о чем сделать соответствующие публикации в газетах в недельный срок, а затем «все имущество передать в приходские церкви, желательно в более бедные»¹⁰⁴. Указание передать все «в более бедные» ярко свидетельствует, что власть пыталась и в церковной среде «нащупать» бедный, а следуя большевистской логике, и угнетенный слой общества, чтобы обрести в нем поддержку.

К декабрю штат отдела культов увеличился до девяти человек, включая заведующего. Зарплата заведующего выросла до 950 рублей в месяц, его помощника – 838 рублей, далее 788 и до 261 – у рассыльного¹⁰⁵. В графе о совмещаемых должностях: у регистратора тов. Флоридова указано, что он по совместительству диакон Софийского Рыбинского монастыря, а два писмоводителя – тов. Михайловский и тов. Невский – диаконы Рыбинского собора и Софийского монастыря соответственно. Начавшийся призыв отразился и на работниках отдела. Руководитель отдела обращался с просьбой об освобождении от воинской обязанности Морозова – делопроизводителя 2-го

---

¹⁰¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 35. Л. 27.

¹⁰² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 10.

¹⁰³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 10.

¹⁰⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 10.

¹⁰⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 49.

разряда, но безрезультатно, в декабре он был уволен из отдела в связи с зачислением в резервные войска¹⁰⁶.

Отдел представлял регулярные отчеты о своей деятельности, очередной доклад охватывал период с 24 августа по 26 ноября 1918 г. Основным видом деятельности в данный период была опись церковно-монастырского имущества, учет церковных, монастырских и молитвенных зданий, а также учет капиталов¹⁰⁷. С уверенностью можно сказать, что результаты не удовлетворяли руководство. Темпы сбора материальных средств не давали требуемого дохода. Ярославский ликвидационный комитет прямо потребовал от Рыбинского отдела культов «озаботиться проведением в жизнь декрет[а] нар. комиссаров от 23.1.1918»¹⁰⁸. Не стесняясь в выражениях, констатировался факт, что «предыдущие губернские комиссары ничего не делали, а вели саботаж»¹⁰⁹. Рыбинскому отделу культов предлагалось в первую очередь взять подписные листы и «съездить в каждый монастырь лично для подписания на нужды Красной Армии как деньгами, так и вещами, принимая во внимание, что вещи дороже денег, а особенно белье»¹¹⁰.

18 декабря из Народного комиссариата юстиции поступает сообщение о начале издания журнала «Революция и Церковь». Для издания журнала в самое ближайшее время требовалось с мест выслать статьи и заметки о положении введения в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства. Запрашиваемая информация должна была включать в себя проекты практических действий по внедрению в жизнь Декрета, документальные данные, характеризующие политику клерикальных кругов по отношению к трудовому народу. Отдельно просили предоставлять данные о существующей монастырской жизни, причем, в сравнении – до и после революции: в какой мере и каким образом было использовано монастырское имущество для общепольных целей. Также были

---

¹⁰⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 35. Л. 36–37.

¹⁰⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 14.

¹⁰⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 21.

¹⁰⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 21.

¹¹⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 21.

необходимы данные по изъятым из храмов и монастырей деньгам. Для журнала также были бы интересны статистические данные о работе ликвидационной комиссии и данные о записях актов гражданских состояний. Подробно просили описать контрреволюционные выступления и данные об арестованных священниках, а также копии заявлений священников, снимающих с себя сан¹¹¹.

Рыбинский отдел культов, подводя итоги 1918 г., помимо непосредственных задач, подготовил отчет о финансовом состоянии отдела¹¹². За полгода с 1 июля по 31 декабря 1918 г. доход отдела составил 24 545 рублей 85 копеек, основным источником дохода (около 90 %) было ассигнование – 21 023 рублей, остальное отдел получал от сдачи в аренду церковных домов и с «найденных»¹¹³ кружках в часовнях. Расходы отдела за тот же период составили 50 032 рубля 10 копеек. Из них оборудование – 14 265 рублей, личный состав – 26 967,1 рубля, содержание канцелярии – 2 700 рублей, хозяйственные расходы – 1 100 рублей, непредвиденные – 500 рублей. К первой половине 1919 г. доходы от аренды и от «найденных» кружек прекратятся¹¹⁴.

Тогда же, в конце декабря, 28-го числа, начальник отдела культов Розов вступает в переписку с ярославским ликвидационным отделом¹¹⁵. Суть вопроса заключалась в том, что по сведениям Рыбинского отдела культов Ярославское епархиальное управление требовало с храмов сбор за вторую половину 1918 г. и высылку денег на бланки. Однако это противоречило новому законодательству, в частности, параграфу 19 инструкции Наркомюста № 62 статье 658-й, согласно которому все сборы, исключая личные взносы в Эмиритурную и Похоронную палаты, должны быть предоставлены в местные совдепы. С переходом же метрикации в нотариальные конторы не стало надобности и в закупке бланков через епархию. Усмотрев в данных нарушениях попытку «незаконного» финансирования епархиальной деятельности, Рыбинский отдел культов просил

---

¹¹¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 23.

¹¹² РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 5. Л. 47.

¹¹³ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 5. Л. 47.

¹¹⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 6. Л. 42.

¹¹⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 1.

ярославских коллег разобраться в данном вопросе, принять соответствующие меры и «о данных донести нашему отделу»¹¹⁶. Помимо этого, Рыбинский отдел культов был недоволен тем, что отдел ярославский проводил в храмах Рыбинского уезда сбор на вино и свечи, о чем в том же письме Розов требовал от Ярославля объяснений.

3 января 1919 г. пришел ответ из Ярославля, скорее похожий на ушат холодной воды¹¹⁷. «Не лезьте в чужие сани, если вас не приглашают садиться, не указывайте Центру, что, якобы он сам не знает, глядите, что творится у самих Вас, а особенно в отделе»¹¹⁸. Припомнили Розову и его недавнее прошлое: «Вы же из их среды, так я бы лично от себя сказал: как волка не корми, а все-таки глядит он в лес»¹¹⁹. Заметили и высокую зарплату сотрудников – «на каком основании вы платите жалование пребывающим у вас в отделе попам и монахам – 887 р 50», «на каком основании вы тов. Розов получаете сами 950 рублей и что вы сделали за все время вашего существования, лишь только грабите народное достояние, получая не за что жалование»¹²⁰. Пригрозив Розову ревизионной проверкой, ярославский комиссар спрашивает о сумме, собранной Рыбинским отделом с монастырей и храмов: «оправдываете ли вы свое жалование?»¹²¹. Ярославль же к этому времени смог изъять 2,5 миллиона рублей.

Реакцией на письмо из Ярославского ликвидационного комитета стало усиленное старание Розова привести отдел в соответствие с его назначением, особенно в отношении работников отдела. 14 января 1919 г. отдельным постановлением Рыбинского исполкома было предписано всем сотрудникам отдела «остричься и переменить костюм так, чтоб не было никаких подозрений в духовной фигуре и оставить церковную должность»¹²². Следом были уволены

¹¹⁶ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 1.

¹¹⁷ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 2.

¹¹⁸ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 2.

¹¹⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 2.

¹²⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 2.

¹²¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 2.

¹²² РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 30. Л. 34.

два сотрудника: Невский и Флоридов, возможно, не пожелавшие оставить своего диаконского служения в Софийском женском монастыре¹²³.

Тогда же, в январе, Розов пишет в ярославскую Ликвидационную комиссию доклад, в котором информирует о текущей деятельности отдела. Так, отдел приступил к «передаче икон для продажи в близлежащие храмы»¹²⁴, продолжается заключение соглашений с гражданами, пожелавшими взять храмы в бесплатное пользование, при этом описи передаваемого имущества составляются только при фактической проверке отделом передаваемого имущества. Тогда же будут составляться описи благородных металлов и драгоценных камней. Помимо этого Розов просил разъяснить, как существовать Рыбинскому отделу культов, если представленная им смета на первое полугодие 1919 г. все еще не была профинансирована, а также не было ясности, что делать с денежными суммами, оставшимися в церквях по сведениям на январь 1919 г.¹²⁵ Спустя несколько месяцев началось судебное разбирательство против Розова за «его бездеятельность»¹²⁶, на время которого он был отстранен от своих служебных обязанностей¹²⁷. 8 апреля на должность заведующего отдела культов Рыбинского совдепа назначается тов. Михайловский¹²⁸.

В начале 1919 г. государство полностью запретило преподавание всех вероисповеданий детям до 18 лет. Церкви было запрещено заниматься благотворительностью. При этом, закрывая глаза на помощь Церкви старикам и инвалидам, советская власть рьяно оберегала подрастающее поколение от влияния Церкви, упразднив все церковные приюты и национализировав все детские воспитательные учреждения¹²⁹.

В феврале 1919 г. отдел культов перемещается в гостиницу «Интернационал»¹³⁰. К 25 февраля 1919 г. в губернии все имущества согласно

¹²³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 30. Л. 37.

¹²⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 33.

¹²⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 33.

¹²⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 19.

¹²⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 19.

¹²⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 24.

¹²⁹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 86.

¹³⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

пункту 16 инструкции от 31 августа: дома, земли, угодья, подворья и гостиницы перешли в ведение жилищно-земельных отделов города и уезда, доходы с которых получают теми же жилищно-земельными отделами. Неприкосновенные же капиталы вероисповедных ведомств отбираются отделом культов¹³¹. «Всего было отобрано 264 владения: каменных 34, деревянных 160, холостых построек каменных и деревянных 70», общей площадью 2820 дес., 365 кв. саж.¹³². К этому времени также был национализирован один свечной завод, подчиняющийся ярославскому свечному заводу, находящемуся, в свою очередь, в ведении ярославского ликвидационного комитета¹³³. Всего по губернии было изъято денежных сумм 2 200 000 рублей, которые к концу февраля все еще не были полностью распределены¹³⁴. Процесс составления описей церковного имущества по храмам все еще не был завершен и в целом проходил неудовлетворительно. Для исправления ситуации отдел планировал самостоятельно объехать все храмы и на местах проверить описи¹³⁵. Это так и останется не до конца решенной проблемой, которая даст знать о себе при проведении кампании по изъятию церковных ценностей, когда в большинстве храмов описей 1918–1919 гг. просто не обнаружат, а имеющиеся документы, по словам руководителя Ярославской губкомиссии тов. Курзина, в основном не давали реального представления о церковных ценностях¹³⁶. К концу февраля 1919 г. проводилась фактическая проверка составленных описей, при этом, ввиду отсутствия директив, оценка описей и общая их сводка не проводилась¹³⁷. В уезде на этот период оставалось 2 монастыря, преобразованных в трудовые артели. В Рыбинске было: приходских храмов – 8, домовых храмов – 7, подворья – 2, часовен – 7, в уезде православных общин с храмами – 50¹³⁸. На все храмы уездов поступили заявления о желании взять их в ведение общин, кроме

---

¹³¹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹³² Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹³³ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹³⁴ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹³⁵ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹³⁶ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 34. Л. 26.

¹³⁷ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹³⁸ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

подворий и домовых. Толгское подворье обращено в склад предметов культа, 5 часовен закрыты постановлением Рыбинского исполкома от 29 сентября 1918 г. № 10680, «а монашествующие за неимением возможности приобретать средств к существованию чрез эксплуатацию часовен возвратились в свои монастыри»¹³⁹. К тому же времени жилые помещения Софийского женского монастыря после «уплотнения монашествующих и церковнослужителей»¹⁴⁰ были заняты воинскими частями. В Югском монастыре также проведено «уплотнение», и помещения планируются использоваться исполкомом. В школах окончательно прекращено преподавание религии, нет никаких богословских учебных учреждений. Кладбища национализированы с целью «уничтожения деления на разряды похорон и мест на кладбищах, а равно и платы за последния»¹⁴¹ и находятся в ведении отдела Управления. Случаев столкновения духовенства, населения с властями на религиозной почве, и «выступлений черной сотни под влиянием черного и белого духовенства»¹⁴² замечено не было. Ни одного дела ревтрибуналом заведено не было¹⁴³. Из храмов изъяты все доски согласно п. 30 инструкции из общественных, правовых и государственных помещений, согласно п. 35 той же инструкции шло изъятие икон, отделом проводилась приемка изымаемого имущества¹⁴⁴. Отдельное беспокойство вызывало отношение городской и деревенской бедноты к проводимым мерам по отделению Церкви от государства. Розов сообщает, что до публикации циркуляра об отделении Церкви от государства отношение было в целом спокойным за исключением некоторых недоразумений, которые решались в рабочем порядке. После же публикации в «Известиях» № 19 от 28 января 1918 г. отношение стало более напряженным и начало перерастать в протесты против проводимых мероприятий¹⁴⁵.

¹³⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹⁴⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹⁴¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹⁴² РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹⁴³ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹⁴⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

¹⁴⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

Несмотря на тяжелейшую ситуацию, церковная жизнь продолжалась. Еще открываются новые приходы, и даже строятся новые храмы. В селе Починок Рыбинского уезда был открыт новый приход. Жители обратились в отдел с просьбой предоставить необходимую для совершения богослужения утварь из закрывшихся церковей города. При этом прилагался и перечень: «потир с диском, звездицу, лжицу, корчик, два блюда и воздух, два Евангелия большое и малое, пасхальный трехсвечник, два креста, семисвечник, два подсвечника к местным иконам, хоргуви, кропило». Самостоятельно принять решение Розов не решался, скорее всего, после сгустившейся над ним тучи, поэтому данное прошение копией с запросом 27 апреля 1919 г. было отправлено в ярославский ликвидационный комитет¹⁴⁶. В конце ноября 1918 г. в Рыбинский отдел культов поступило заявление от жителей деревни Макарово о незаконченном строительстве церкви. Указывая на небольшой объем оставшихся работ, жители просили разрешить зарегистрировать религиозную общину, что, по их мнению, помогло бы избежать порчи и хищения материалов¹⁴⁷. Спустя непродолжительное время в Рыбинский отдел культов поступило заявление с просьбой разрешить образовать строительный комитет для завершения строительства, там же члены общины указывали на практически завершенное строительство, за исключением мелких предметов, о которых жители ходатайствовали перед отделом¹⁴⁸. 9 апреля 1919 г. Рыбинским отделом по отделению Церкви от государства со ссылкой на параграф 14 инструкции Наркомюста от 30 августа 1918 г. С.У. 62 были «выданы со склада предметов культов представителям церковноприходской общины д. Макарово для религиозного использования в их храм: царские двери, две иконы в серебряных ризах, пара медных хоругвей, панихидный столик и подсвечник, жертвенник дубовый и все остальное для Богослужения: сосуды, дароносица, дарохранильница»¹⁴⁹.

---

¹⁴⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 59.

¹⁴⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 41. Л. 1.

¹⁴⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 41. Л. 4.

¹⁴⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 41. Л. 16.

Весной 1919 г. в Ярославской губернии начался призыв в тыловое ополчение. Это коснулось и лиц духовного звания. В этой связи в Ярославский губернский военный комиссариат стали поступать многочисленные ходатайства об освобождении священников от призыва в тыловое ополчение «для удовлетворения религиозных нужд православного населения»¹⁵⁰. Губвоенком положительно решил данный вопрос, не видя препятствий, чтобы ради «удовлетворения религиозных потребностей населения духовенство не отрывалось бы от прямых своих работ в частях тылового ополчения, а привлекалось бы взамен к активному участию в общепользных работах на местах»¹⁵¹. Это лишний раз свидетельствует о большом значении религиозного вопроса в глазах новой власти.

Еще одним нововведением для церковной жизни стала возможность решать конфликтные ситуации в Конфликтном отделе Рыбинского районного отдела труда. Так, произошедший спор о выплате сторожу храма села Иваново, был решен в пользу истца и постановил обязать приходской совет выплатить сторожу причта за период с 1 сентября по 1 декабря 1918 г. 1162 рубля 50 копеек. Данную сумму отдел постановил выдать со сберегательной книжки церкви с. Иваново¹⁵².

1.5. Положение монастырей, материальное положение священства и их отношение к произошедшим переменам

Со сменой Розова и приходом на должность заведующего отделом культов Михайловского характер деятельности отдела с исполнительного и как бы имеющего вид и желание вписать Православную Церковь в новые реалии того времени сменился на решительное наступление на Церковь. Первым делом новый руководитель занялся монастырями. К тому времени Софийский женский

---

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 761. Л. 49.

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 761. Л. 49.

¹⁵² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 30. Л. 26.

монастырь был уже преобразован в трудовую артель, в монастырских корпусах располагались детские мастерские коммуны. С «заботой» о детях коммуны, лишенных «полезных развлечений», комиссия принимает решение ликвидировать домовую Спасскую церковь и на ее месте устроить зал для культурно-просветительских целей, чтобы дети могли воспользоваться организованным там «кинематографом, светлыми картинками, лекциями, концертами»¹⁵³. Данное решение вызвало протест со стороны насельниц, что привело к открытому сопротивлению при закрытии домового храма, но на другой день все было мирно улажено¹⁵⁴.

В конце 1919 г. советская власть озаботилась обновлением данных о духовенстве и монашествующих. С этой целью в ноябре было проведено анкетирование «для учета светского и монашествующего духовенства всех религий, существующих в пределах Ярославской губ.»¹⁵⁵. Как обычно, анкета включала в себя вопросы статистические: персональные данные духовенства, образование, срок служения на приходе, семейное положение и состав семьи и т. д. Подробно выяснялось о доходе «до Октября» и сейчас, причем с детализацией цен на требы. Был блок и непосредственно церковных вопросов: церковные награды, время вступления в сан, дополнительно требовалось указать «причины, побудившие к вступлению». Здесь же указывалось, сколько лет служит. Власть интересовалась политическими и общественными убеждениями пастырей, требовалось указать, в каких «политических, общественно-экономических и культурно-просветительских» организациях состоял или сочувствует анкетированный до Октября и сейчас. Отдельно ставились вопросы об отношении к Декрету об отделении Церкви от государства и школы и к советской власти. В конце анкеты было напечатано предупреждение: «За неправильно вписанные ответы будете отвечать перед судом Революционного трибунала». Поэтому, в основном, все старались отвечать «правильно».

---

¹⁵³ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 9. Л. 54.

¹⁵⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 273. Л. 8.

¹⁵⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

Рассмотрим несколько анкет священников и диаконов, служивших в Брейтовской, Сутковской и Прозоровской волостях Мологского уезда.

Священник Николай Петрович Васильев¹⁵⁶, происходивший из духовного сословия, за девять лет беспрерывного служения в храме с. Косково Сутковской волости не имел ни одной церковной награды. Возможно из-за недостаточного образования, так как он окончил лишь курс Ярославской духовной семинарии. До рукоположения был учителем церковно-приходской школы храма в Угличском уезде. До Октября состоял в драматическом кружке, а сейчас занимает по совместительству должность счетовода в Филимоновском обществе потребителей. Семья состоит из жены и трех дочерей. Ни капиталов, ни недвижимости, кроме бани, не имеет. До Октября доход был 400–450 рублей в год. Сейчас доход составляет от 100 до 400 рублей в месяц. За требы берется и деньгами, и натурой. Плата за требы «таксированная, случайная, никак не соответствующая в настоящее время курсу рубля»¹⁵⁷. Касательно Декрета о. Николай ответил, что «ответ на вопрос может дать только коллектив духовенства и мирян»¹⁵⁸. «Признаю Советскую власть и повинуюсь ей»¹⁵⁹.

Александр Петрович Вишневский¹⁶⁰ 1881 года рождения, сан принял в 36 лет в 1907 г. Служил к 1919 г. уже 13 лет в селе Орлово Сутковской волости Мологского уезда. Ранее принимал участие в кооперативе и сочувствует развитию в широких кругах земледельческой культуры. Женат, шестеро детей. Капиталов нет, недвижимость только сельскохозяйственные постройки. До революции годовой доход составлял 800 рублей. Из них 242 рубля жалование, сбор и требы – 500 рублей. Размер за требы на момент подписания анкеты: венчание – до 40 р.; крещение – до 20 р.; молебен – от 3 до 10 р.; панихиды – от 1 до 7 р.; заказные молебны – от 1 р.; отдельное поминовение – 25 коп.

¹⁵⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

¹⁵⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

¹⁵⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

¹⁵⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

¹⁶⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 8.

Месячный доход на сегодняшний день в среднем 500 рублей. Отношение к Декрету благожелательное. О советской власти «должен сказать, что как священнослужитель по закону своей религии обязан повиноваться установившейся власти, потому что всякая власть от Бога, в частности же сочувствую стремлению власти освободить трудовой народ от когтей нищеты и невежества»¹⁶¹.

В селе Сутка одноименной волости служил семь лет священник Алексей Николаевич Калинин, принявший сан в 35 лет из «желания служить народу, и не возможности в другом деле приложить свои силы»¹⁶². Женат, трое малолетних детей. До рукоположения был учителем в церковно-приходской школе села Покровское на Сити. Имел административное наказание по ст. 103 «за оскорбление велич., за что и не был допущен до окончания курса (исключен), отбывал заключение в 1908 г. В духовном порядке получал выговор от начальства»¹⁶³. У семьи недвижимое имущество только сельскохозяйственного назначения. Доход до Октября в год: жалование 294 рубля, законоучитель и учитель – 120 рублей, сборы и требы – 400–500 рублей. В настоящее время требы: венчание – до 20 рублей, крещение – 3 рубля, похороны – 5 рублей, молитва по домам – 3–5 рублей, панихида – 1 рубль, заказные молебны – от 10 коп. до 1 рубля, поминовение от 30 коп. до 2 рублей. Что дает месячный доход на сегодня – 150–400 рублей.

По отделению Церкви от государства – «желал и ранее»¹⁶⁴. К советской власти «как вообще к власти – по завету апостолов Павла повинуюсь не только за страх, но и за совесть»¹⁶⁵.

Не все относились к отделению Церкви от государства так благосклонно. Точнее, к отделению от государства не встречается каких-либо критических замечаний, но вот касательно отделения Церкви от школы несколько

---

¹⁶¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

¹⁶² РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 9.

¹⁶³ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 9.

¹⁶⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 9.

¹⁶⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 9.

анкетированных имели свое мнение. Так, диакон церкви села Горелово Мологского уезда считал, что отделение школы от Церкви и устранение преподавания евангельских истин в школе повредит образованию в целом¹⁶⁶. В том же храме у священника Петра Константиновича Горицкого сын служил в Красной армии¹⁶⁷. У него же из имущества недвижимого было «случайно куплено два сарая при селе»¹⁶⁸. Это ярко свидетельствует о полном отсутствии какого-либо недвижимого имущества у сельского священства.

В основном опрошенные священники рукополагались в 32–36 лет. Исключением был священник Александр Николаевич Соловьев из села Копань Мологского уезда, принявший сан в 26 лет. Как он сам пишет, сделал это от безвыходности: «Доступ в высшие учебные заведения был закрыт для кандидатов священства, кроме Духовной академии, в которую попадали 2–3 студента 1-го разряда из всего курса (70–80 человек)». Отчасти на решение стать священником повлияли и семейными обстоятельства (вероятно отец, который был священником в селе Коприно, Рыбинского уезда), но призвания отец Александр в себе не имел. Да и убеждения, как он сам говорит, были неподходящие, «так как любил очень светскую литературу и поглощал ее запоем в неопределенном количестве, что не могло не сказаться на убеждениях, которые еще только складывались»¹⁶⁹. Видимо, не находя необходимого удовлетворения в своем служении, отец Александр был активным членом «Пастырского кружка ревнителей обучения пастырства и паствы на незыблемых основах Евангелия», а также нескольких кружков драматического искусства. Имея пятерых детей, отец Александр один из немногих имел некоторые сбережения – 530 рублей в сберегательной кассе села Лацкое и, как и большинство священников, несколько сельскохозяйственных построек. Сегодняшний доход на примере прошедшего 1918 г. составил около 5000 рублей. Цен за требы не назначал, предоставляя прихожанам самим определиться с платой. Приведенные примеры

---

¹⁶⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 12.

¹⁶⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 15.

¹⁶⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 15.

¹⁶⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 19.

укладываются в описанные выше платы в других приходах. На 17-й вопрос анкеты (отношение к Декрету об отделении Церкви от государства) отец Александр прежде ответа пишет, что это существенный вопрос. Далее он пишет, что в лице лучших своих представителей, особенно из молодых, духовенство всегда стремилось к абсолютному отделению Церкви от государства, в чем, по словам о. Александра, «есть глубокий смысл и несомненная справедливость»¹⁷⁰. «Что же касается отделения школы от церкви, – продолжает о. Александр, – то в этом не вижу ничего существенного, если не сказать больше»¹⁷¹. И дальше излагает открыто и аргументированно свою точку зрения. Во-первых, от преподавания Закона Божия и христианской морали школа не престаёт быть светской. «Во-вторых, Закон Божий, как в хронологическом, так и историческом отношении, есть древнейшая из всех наук и необходима в ряду других общеобразовательных наук»¹⁷². Далее он развивает свою мысль, что, если с точки зрения религии как истины у новой власти и могут быть сомнения, то с точки зрения нравственно-воспитательной сомнений быть не может. Для будущих «хороших для общества граждан» религиозная наука является необходимой. «Религиозная наука по существу есть наука о высоком достоинстве человеческой природы, примером чего является Христос», и дальше приводит обширные примеры из Евангелия¹⁷³.

Принятие сана от безвыходности упоминает и о. Федор Евгеньевич Шаховский из села Борисоглеб Мологского уезда. Причина вступления в духовный сан – «женитьба и невозможность женатому учителю начальной школы (каковым тогда опрашиваемый был) существовать на тогдашнее жалование в 19 рублей месячных»¹⁷⁴. Он также пишет о сочувственном отношении к отделению Церкви от государства и о «протестном» к отделению школы от Церкви. Отец Федор пишет «именно опрашиваемый протестует против

¹⁷⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 19.

¹⁷¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 19.

¹⁷² РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 19.

¹⁷³ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 19.

¹⁷⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 33.

устранения из школы преподавания закона Божия представителями той церкви, к которой принадлежит большинство учащихся»¹⁷⁵. К советской власти отношение «почтительное и солидарное в отношении взгляда на выбор экономической системы устройства государства, необходимости уравнивания всех граждан и прочее, но не солидарное касательно отношения к религии, как к предрассудку и как к чему-то вредному»¹⁷⁶. Также священник Иоанн Афонский из села Покровское на Сити считает, что детей необходимо обучать в школе Закону Божию¹⁷⁷.

У о. Геннадия Николаевича Тюльпанова, священника села Покровское на Сити, сын – красноармеец. Священник Иван Павлович Каменский села Байловское к Декрету относится приветственно, «так как Церковь пришла в нормальный вид»¹⁷⁸, так же у диакона той же церкви Ивана Федоровича Горопова¹⁷⁹.

В подавляющем большинстве анкет священники оставались на своем первом месте служения, сроки были от 2 лет до 35 у отца Александра из села Леонтьевское.

Попытка удержаться в своем отношении к новой власти в рамках евангельского «всякая власть от Бога», при этом сохранив неприкосновенным духовное пространство Православия, будет для Русской Православной Церкви и для ее духовенства, да и для мирян, оставшихся под новой советской властью, одной из главных задач или вызовов в первые послереволюционные годы. Поначалу, казалось, что и власть также видит возможность сосуществования с Православной Церковью. Отобрав материальные средства, отделив от государства и лишив права быть юридическим лицом, власть, опираясь на поддержку части населения, рассчитывала на поступательное прозрение народа, чтобы таким образом окончательно удалить религию из новой советской жизни.

¹⁷⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 34.

¹⁷⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 34.

¹⁷⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 118.

¹⁷⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 121.

¹⁷⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 122.

Как итог и главные направления наступления на Православную Церковь 1918–1919 гг. можно привести список вопросов из анкеты, поступившей в Рыбинскую милицию из НКВД РСФСР. Помимо общих вопросов о количестве храмов различных вероисповеданий, о том, какие храмы и для чего были использованы и как относится к этому местное население, были вопросы по количеству оставленных монашествующих и о причинах оставления таковых, о не вскрытых мощах и о вскрытых, и куда последние были помещены. Какие должности занимает духовенство в государственных учреждениях, и отпускает ли местная власть для церквей продукты, причем необходимо было указать, сколько в месяц отпускалось: воска, ладана, вина, муки и др.¹⁸⁰ Тем самым можно подытожить список волновавших власть вопросов.

Таким образом, в течение первых двух лет советской власти государственно-церковные отношения и церковная жизнь на территории современной Рыбинской епархии претерпели драматические изменения. Прошедшие два первых года новой советской власти принесли многочисленные жертвы. Попытки Православной Церкви выстроить новые отношения с государством на всех уровнях приносили не желаемого результата. Надежд на перемены в отношениях между государством и Церковью не оставалось. Положение новой власти в целом укрепилось, хотя Гражданская война все еще продолжалась. Отсюда проистекала суровость мер по пресечению любых контрреволюционных поползновений. Специфика Гражданской войны состоит в том, что в ней отсутствует четкое разделение на врагов и сторонников, большинство из воюющих являются гражданами одной страны, схожих национальностей. Поэтому противоборствующие стороны могли отличить врага только по идеологическому признаку. По мнению новой власти, все, что связано со старым, разрушаемым до основания миром, являлось почвой для контрреволюции. К тому времени «в тылу» новой власти такое место занимала Православная Церковь. Пытаясь отделить ее от государства, большевики

---

¹⁸⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

боялись народного возмущения. Поэтому вслед за «кавалерийскими» наскоками 1917 г. последовала планомерная, хотя и не мене разрушительная, работа в последующие годы. С осени 1918 г. создаются отделы по отделению Церкви от государства, координирующие и направляющие работу по внедрению одноименного декрета в жизнь. Повсюду новая власть сталкивалась с трудностями. Начиная от персонала – им в Рыбинской губернии оказались на 80 % действующие и бывшие клирики – и заканчивая возмущением и жалобами со стороны народа. На первом этапе удалось изъять все церковные сбережения и провести кампанию по изъятию и последующей передаче храмов верующим с подписанием соответствующих соглашений – «рописок» и «приговоров». Началась работа по описи церковного имущества в переданных храмах с неудавшейся попыткой добровольного пожертвования драгоценностей на нужды советской власти. На вновь образованные отделы поначалу были возложены не только «карательные» функции. Отдел по запросу обеспечивал храмы мукой, вином, свечами, необходимыми для богослужения, – это была некоего рода компенсация за изъятые капиталы. В начале своей работы отдел виделся как орган, который может помочь наладить отношения с новой властью. Это хорошо видно и из прошений от рыбинского духовенства, и из бумаг, поступающих из рыбинского Софийского женского монастыря. Однако вскоре по ответам на жалобы и прошения становится понятно, что помощи от отдела точно ждать не стоит. Да и сам отдел из-за своего церковного состава вскоре был почти полностью реформирован.

2. Кампания по изъятию церковных ценностей на территории Рыбинской губернии

С принятием Декрета об отделении Церкви от государства началась летопись гонений на Церковь всей государственной машины советской власти. Церковь для многих была частью их жизни, поэтому «отделение» Церкви часто более походило на расчленение живого организма. Новая власть стремилась показать, что государство, а следовательно, и его граждане могут прекрасно обходиться без «пережитков» царской России, основным из которых была православная вера. Церковь виделась как система уловок и сетей, привлекающих к себе непросвещенные светом социализма и образования слои населения. А раз это всего лишь искусно сделанные декорации, надо решительно их разрушить, чтобы с исчезновением источника исчезли и последствия.

Давление на Церковь в первые 10 лет становления советской власти принимало разные формы и находило разный по силе и охвату отклик и протест в среде верных чад Православной Церкви, но особенно резонансным был этап, известный как кампания по изъятию церковных ценностей. Разразившийся в 1921–1922 гг. страшный голод в Поволжье стал отправной точкой нового этапа по разрушению церкви.

В данной главе будет прослежено проведение изъятия церковных ценностей на территории современной Рыбинской епархии.

2.1. Общая политическая обстановка и положение Русской Православной Церкви накануне кампании по изъятию церковных ценностей

Для Церкви изъятие ценностей уже не являлось чем-то новым. За несколько лет до объявления кампании по изъятию церковных ценностей в

пользу голодающих Поволжья советская власть проводила частичное изъятие ценностей из приходских храмов и монастырей. Проходило это в рамках внедрения Декрета по отделению Церкви от государства и проводилось соответствующим отделом при уездных советах рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В ноябре 1918 г. уездными отделами культов Ярославской губернии были получены из Ярославля срочные предписания о том, чтобы принять самые энергичные меры для изъятия всех серебряных и золотых церковных предметов и драгоценных камней¹⁸¹.

При этом в уездах из многих отделов культов, в частности из Мологского, докладывают, что не в силах выполнить все предписания, так как не имеют в своем штате квалифицированных лекторов, и, обращаясь в местный комитет партии коммунистов, настоятельно просят оказать содействие с посылкой в уезд лекторов, чтобы провести ряд лекций с целью объяснить, что Советская Федеративная Республика находится в беднейшем состоянии, ввиду чего необходимо изъять все ценные вещи, которые лежат в храмах без движения и не приносят никакой пользы, а страна в это время переживает острый кризис в финансовом отношении. В данных лекциях предлагается напомнить гражданам исторический опыт, в частности, Петра I, перелившего колокола на орудия для спасения Отечества. Членам партии рекомендовалось принять в данных собраниях и лекциях самое деятельное и горячее участие, также рекомендовалось следить, чтобы на всех собраниях присутствовали священнослужители и старосты, которые должны оказывать всяческое содействие всем распоряжениям из центра. Само изъятие производить добровольно, без насилия¹⁸².

Надо сказать, что по имеющимся архивным данным, уездным властям приходилось сдерживать революционный пыл работающих на местах. Так, согласно архивным документам Рыбинского отдела по отделению Церкви от государства, в ноябре 1918 г. из Ярославского отдела по ликвидации церковного

---

¹⁸¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 30. Л. 124.

¹⁸² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 30. Л. 131.

и монастырского имущества приходит распоряжение со ссылкой на распоряжение из Москвы от 16 ноября, строго предписывающее оставить в покое деревенские церкви до общего на то распоряжения. Относительно же городских богатых церквей и монастырей, то из таковых сделать выборку, согласно старому предписанию. Далее в этой же бумаге предписывается закрыть все безприходные церкви, опубликовав при этом объявление в газете в недельный срок, а затем все имущество передать в приходские церкви, желательно более бедные¹⁸³. Позднее, правда, станет известно, что вопреки данным распоряжениям, изъятия продолжались. Так, согласно рапорту начальника Рыбгубполитдела тов. Крупена в Рыбгубчека, поданного им в апреле 1922 г. в разгар кампании по изъятию, обследованные им монастыри: Афансьевский, Мологский; подворье Михайловского монастыря, тюремная домовая церковь, усадеб: Иловна, Борисоглебская, Майчуг, Мурзино и Андреевское в районе Мологского уезда дали лишь один серебряный подстаканник весом 18 золотников, так как изъятие было уже проведено ранее, начиная с 1918 г., представителями различных ведомств¹⁸⁴.

Разрушительные последствия Гражданской войны в 1921 г. были усугублены страшной засухой, приведшей к потере значительного количества урожая. На это время приходится пик голода в Поволжье, продолжавшийся вплоть до весны 1922 г. «Масштабы голода потрясали. "Руку помощи" России предложили зарубежные страны. Анатолий Франс пожертвовал голодающим свою Нобелевскую премию. "Американская административная помощь" (АРА) выделила 25 тысяч вагонов продовольствия. Христианский долг взывал и церковь прийти на помощь жертвам великого потрясения. Римский Папа пожертвовал голодающим 1 миллион лир»¹⁸⁵.

Для борьбы с голодом большевики вынуждены были обратиться за помощью к иностранным государствам, не преминув воспользоваться этим же

¹⁸³ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29. Л. 10.

¹⁸⁴ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 80.

¹⁸⁵ *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. С. 82.

поводом для повсеместной атаки на Православную Церковь, развязав кампанию по изъятию церковных ценностей.

27 декабря 1921 г. издается Декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквах и монастырях», а спустя неделю, 2 января 1922 г., принимается постановление «О ликвидации церковного имущества» и выходит декрет об изъятии музейного имущества. 23 февраля 1922 г. ВЦИК издал Декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», согласно которому местные власти должны были изъять из храмов все изделия из золота, серебра и драгоценных камней и передать их в Центральный фонд помощи голодающим.

Незамедлительно после издания Декрета Патриарх Тихон обратился к верующим с Воззванием от 15 (28) февраля 1922: «Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чём и оповестили Православное население 6 (19) февраля с.г. особым воззванием, которое было разрешено Правительством к напечатанию и распространению среди населения. Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 10 (23) февраля ВЦИК, для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства... Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство – миряне отлучением от Неё, священнослужители – извержением из сана (Апостольское правило 73, Двукратн. Вселенск. Собор. Правило 10)»¹⁸⁶.

---

¹⁸⁶ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М. Е. Губонин. М. : ПСТБИ, 1994. С. 237.

Судя по предписаниям и срокам, указанным в разъяснительных телеграммах, создается впечатление, что ВЦИК представлял изъятие как дело, не составляющее больших трудностей. На всю кампанию отводился месяц, судя по формулировкам о принципе изъятия, была уверенность, что вопреки мнению святителя Тихона, удастся провести изъятие драгоценностей, оставив самое необходимое для богослужения.

23 февраля ВЦИК направляет всем Губотделисполкомам телеграмму за подписью Калинина о постановлении ВЦИК в дополнении к Декрету об изъятии музейного имущества¹⁸⁷. В месячный срок со дня публикации постановления все местные советы должны были изъять из «церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа»¹⁸⁸. Нельзя не отметить, что в данной формулировке есть противоречие между словами «все драгоценные» и «изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа». Как покажет впоследствии фактическое изъятие, описи зачастую будут отсутствовать, и месячный срок будет превышен в несколько раз.

Далее в телеграмме разъяснялся порядок изъятия и учета и организационные мероприятия. Изымаемые ценности должны передаваться в органы Наркомфина со специальным назначением в фонд центральной комиссии помощи голодающим. В каждой губернии должна быть создана комиссия в составе ответственных представителей Губисполкома, Губпомгола и Губфинотдела под председательством одного из членов ВЦИК, в функции которой входит проведение кампании и точный учет изъятого. Само изъятие предписывалось проводить с обязательным привлечением верующих, в чье пользование было передано данное имущество. Изъятые ценности сдаются в особый фонд и используются исключительно на нужды помощи голодающим.

---

¹⁸⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 2.

¹⁸⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 2.

Центральная комиссия, в свою очередь, периодически публикует в печати информацию об изъятых ценностях и их расхождении. В местной печати в такого рода публикациях предписывалось предоставлять подробный перечень изъятого имущества и название храмов.

Данные разъяснения, хотя и давали руководство к действиям, но оставляли и множество вопросов. Одним из самых важных был вопрос сохранения ценностей, имеющих высокую культурную и музейную ценность, что для большинства непосредственных участников изъятия не имело никакого значения. Косвенно можно утверждать, что данным вопросом занимались и в Москве. 28 февраля все губернские и уездные исполнительные комитеты получают телеграмму ВЦИК, строго предписывающую проводить изъятие при «непременном условии присутствия представителей Губмузея с правом экспертизы изъятию ценностей, выяснению условий хранения и специальной упаковки музейных ценностей».

Вскоре, вслед за постановлением, 4 марта председатели отдела музеев глав науки и его органов на местах получили инструкцию, подробно описывающую порядок изъятия имущества, представляющего музейную ценность¹⁸⁹. Согласно разъяснениям, безусловно не допускалась «ликвидация ценностей, имеющих древность, кончая 1725 годом. В виде исключения допускается ликвидация ценностей, относящихся к эпохе от 1725 до 1835 года, при этом, наиболее характерные предметы, отражающие стили эпох Людовика XV, XVI и эпохи империи безусловно не ликвидируются. Из ценностей, работа которых относится ко времени после 1835 года, ликвидируются все предметы за исключением имеющих высокохудожественную ценность. Недопустимо нарушение целостности предметов и ансамблей: срывание древней басмы, цат и венцов, крестов царских врат и т.п.; выемка жемчуга и камней»¹⁹⁰. Неприкосновенными должны оставаться и древние храмы и их убранство, с иконостасами, паникадилами и т.д., как составляющие в общем ансамбль художественно-

---

¹⁸⁹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 113. Л. 14.

¹⁹⁰ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 113. Л. 14.

исторического значения¹⁹¹. Представителем от Рыбгубмузея назначается заведующий этим музеем С. Д. Белявин¹⁹².

2.2. Подготовка кампании по изъятию церковных ценностей

2 марта Рыбинский губернский комитет партии принимает постановление об активной агитационной работе по разъяснению проводимой кампании по изъятию церковных ценностей¹⁹³. Первым пунктом предполагалось организовать кампанию среди верующих за добровольное пожертвование церковных ценностей в пользу голодающих, для чего предлагалось собрания среди верующих приурочить к волостным собраниям. Состав комиссии должен был включать в себя представителя горкома / укома, Упомгола, представителей из верующих, «желательно, чтобы был поп или авторитетный гражданин, ратующий за сдачу драгоценных церковных предметов без изъятия»¹⁹⁴. План агитации должен строиться на основе прилагаемых к данному постановлению тезисов¹⁹⁵. Собрания должны быть тщательно подготовлены, чтобы не провалить «это весьма существенное начинание»¹⁹⁶. Цель каждого собрания – добиться единогласной резолюции о добровольной сдаче церковного имущества, при наличии таковых добиваться создания комиссии по передаче имущества с участием представителей местной власти, которые должны незамедлительно приступить к выяснению перечня драгоценностей по описям и актам, сообщая Упомголу. В случае противодействия таким пожеланиям граждан со стороны духовенства, укомам использовать такие примеры для проведения в дальнейшем широкой антирелигиозной пропаганды, подчеркивая алчность «пастырей духовных», подрывая их авторитет.

---

¹⁹¹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 113. Л. 14.

¹⁹² Р6Ф ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 4.

¹⁹³ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 7.

¹⁹⁴ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 7.

¹⁹⁵ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 8.

¹⁹⁶ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 7.

Для оценки объема ценностей, находящихся в храмах, необходимо было обновить данные по действующим храмам и монастырям. Тогда же, 3 марта, губернская милиция получает из Народного комиссариата внутренних дел отношение № 76/С, с требованием предоставить сведения о количестве действующих монастырей и храмов. Данные из губернии предоставлялись секретно, с нарочным, под расписку¹⁹⁷. В Рыбинске и уезде на тот момент действующим был 61 храм¹⁹⁸.

Спустя неделю, 11 марта, Народный комиссариат внутренних дел издает секретный циркуляр всем губернским и уездным отделам управления, предписывающий, среди прочего, прекратить всякую реализацию церковного имущества и выслать копии всех епархиальных описей церковного имущества ликвидированных монастырей и храмов, также те описи, по которым означенное имущество принимались местной властью¹⁹⁹. К этому времени в прессе развернуто полномасштабное наступление на Церковь. Газеты пестрят призывами отдать ценности на нужды голодающих, вместе с этим не стесняясь размещать оскорбительные тексты о священстве и верующих²⁰⁰.

В первой декаде марта состоялись заседания губернских исполкомов, на которых были приняты решения об образовании комиссий по «изъятию церковного драгоценного имущества для обращения его на борьбу с голодом». В Рыбинске такое заседание прошло 6 марта, председателем комиссии был избран член президиума губисполкома Нестеренко. Постановили к работе приступить немедленно, к следующему очередному заседанию внести вопрос относительно изъятия колоколов и лома меди из закрытых церквей²⁰¹. На этом же заседании была выработана инструкция для работы уездных подкомиссий, которая после утверждения губисполкомом 17 марта была разослана по уездам для немедленного исполнения²⁰².

---

¹⁹⁷ РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 273. Л. 1.

¹⁹⁸ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 22.

¹⁹⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 3.

²⁰⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 11.

²⁰¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 1.

²⁰² РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 46.

В Ярославле 15 марта создается губернская комиссия²⁰³ с подкомиссиями, на каждую из которых приходилось по одной-две церкви²⁰⁴. Данные структуры, образованные на скорую руку, не имели четкого понимания, как подходить к изъятию, не было этого понимания и в созданном Помголе, что видно из следующих одного за другим разъяснений и уточнений. Спустя почти два месяца после вступления в силу Декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей председатель Ярославского губисполкома Левин обращается в Москву с просьбой о конкретных указаниях, «какие предметы подлежат изъятию, в частности кресты с мощами, раки»²⁰⁵. 20 марта губкомиссия приступила к фактической работе по изъятию церковных ценностей²⁰⁶.

В это же время к верующим обращается епископ Рыбинский Борис (Соколов). Указывая на тяжелейшее положение голодающих, владыка говорит, что «теперь ли думать о благолепии храмов, когда миллионы рук тянутся к нам с мольбой о помощи. Вспомним, братие, заветы Учителя. Безумцы и слепцы, сказано в евангелии от Матфея, что больше – золото или храм, освящающий золото?»²⁰⁷. В отличие от послания святителя Тихона, четко указывающего на канонические прецеденты к изъятию священных предметов, преосвященный Борис под давлением властей в своем послании все облакает в более обтекаемую форму: «Нет никакого греха в том, если мы заменим золото и бриллианты стеклом и деревом, не все ли равно, с какими предметами совершать богослужение. Святые основатели Христианства когда-то молились под открытым небом или в темных голых подземельях. <...> Я призываю Вас, братие, пойти навстречу особой комиссии, которой поручено за счет богатства церкви оказать помощь голодным и со всей любовью отозваться на призыв голодающих братьев о помощи»²⁰⁸. С воззванием к пастве обращается и

---

²⁰³ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

²⁰⁴ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

²⁰⁵ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

²⁰⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 6.

²⁰⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 9.

²⁰⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 9.

священномученик Агафангел, митрополит Ярославский и Ростовский, благословляя прийти на помощь голодающим. В своем воззвании митрополит Агафангел описывает ужасы голода, говоря о поездах, привозящих умирающих детей и взрослых: «Подайте хлеба взрослым. Примите ребенка, один лишний ребенок в вашей семье не обуза великая. Воззвание прочитать в храме в праздничный день. Производить сборы хлебом, вещами, плодами урожая»²⁰⁹.

17 марта в уездные комиссии поступает инструкция по изъятию церковных ценностей²¹⁰. Изъятие предлагается проводить по описям до 1917 г., что также будет именоваться как «епархиальные описи», при отсутствии таковых изъятие проводить по описям, составленным уже в революционный период в 1918 г. Спорные с точки зрения музейной ценности вещи изымать и хранить до особого распоряжения губкомиссии. Особую осторожность предписывалось соблюдать при изъятии святынь. Во избежание конфликтов необходимо организовать кампанию в уезде среди верующих для добровольного пожертвования ценностей. Данная инструкция запрещала какую-либо реализацию или замену изъятых вещей на местах. Далее шло подробное описание принципа изъятия, точнее, что можно оставить.

– Сосуды, чаша, дискос, две тарелки, корчик, звезда в нескольких экземплярах, могут быть оставлены один – два комплекта: один праздничный и один будничный;

– ковчеги на престольные, дарохранильница, – если в нескольких экземплярах, то оставить в храме по одному, хотя бы в храме и имелось несколько приделов;

– кресты на престольные – могут быть изъяты за исключением двух – трех: два больших и один малый;

– ризы с икон – могут быть изъяты за исключением храмовых (местных) икон и особо чтимых;

– подсвечники серебряные – могут быть изъяты все без исключения;

²⁰⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 44.

²¹⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 28.

- б люда и чаши водосвятные – могут быть изъяты все без исключения;
- кадила серебряные – также могут быть изъяты все без исключения.

Примечание (по вышесказанным – с учетом, что в храме есть таковые же изделия медного происхождения).

- Киоты отдельные и киоты к отдельным иконам и оклады к ракам – могут быть изъяты за редким исключением;
- всякого рода подвески, венки должны быть изъяты без исключения;
- лампы серебряные большого и малого образцов – могут быть изъяты за редким исключением;
- всякого рода кубики, кувшины, стаканчики, встречающиеся в больших храмах и монастырях, могут быть изъяты;
- весь лом серебряный, запасные ризы на иконы и монеты могут изъяты без исключения²¹¹.

Стоит отметить, что данная инструкция могла быть истолкована вразрез с предшествующими указаниями губмузеев. Вскоре губернские и уездные исполкомы получили от председателя ВЦИК Калинина разъяснения, что в интересах сохранения музейных ценностей работы по изъятию должны производиться «при обязательном условии присутствия представителей Губмузеев с правом экспертизы по изъятию ценностей, выяснению условий хранения и специальной упаковки музейных ценностей»²¹².

Эта необходимость для комиссии по изъятию ценностей координировать свою работу с губмузеем впоследствии будет названа одной из основных причин задержки кампании. По завершении изъятия в отчете, предоставленном в июле 1922 г.²¹³, председатель Ярославской губкомиссии по изъятию церковных ценностей Курзин сетует на ненормальное отношение к делу представителей губмузея, которое «нервировало местные подкомиссии и тормозило работу. По этому вопросу губкомиссия имела суждение с Центром и в результате

---

²¹¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 30.

²¹² РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 32.

²¹³ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

переговоров уполномоченным Главмузея была дана линия в их работе»²¹⁴. Курзин прямо говорит о явном желании представителей музейной комиссии «как можно больше оставить вещей как древности или художественной работы»²¹⁵. Причем оценка вещей, по мнению Курзина, была произведена спешно, на глаз. При этом заметно, что более ценные золотые вещи и бриллианты именно оказывались древностью. Недоверие к музейным экспертам доходило до того, что губкомиссия постановила некоторые предметы изъять, опасаясь, что они могут исчезнуть или будут заменены простыми камнями. Затем, правда, Курзин пишет, что данное постановление может быть и ошибкой, но он полагает, что если и будет ошибка с нашей стороны, то ведь комиссия в центре, состоящая из экспертов, ее исправит²¹⁶. Не было у губернских властей и полного понимания, какие храмы находились в ведении губмузея и есть ли в них описи имущества, необходимые для проведения изъятия²¹⁷.

Стоит отметить, что проведение кампании по изъятию ценностей в Ярославской губернии, столкнулось не только с внутренней неразберихой в финансировании и, так сказать, с противодействием музейных работников. Одной из основных проблем, помимо самого изъятия, и, следовательно, встречи с клиром и прихожанами, которая будет подробно описана ниже, стало отсутствие описей церковного имущества. Дело в том, что при проведении в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства основополагающим документом вместе с договором с церковной общиной была опись имущества, находящегося в храме. Подразумевалось, что таковые имеются во всех открытых храмах, но по данным из доклада председателя губкомиссии в большинстве храмов описей найдено не было²¹⁸. Можно предположить, что таким образом духовенство пыталось затормозить проведение кампании, хотя в некоторых уездах, например, в Пошехоно-Володарском, комиссия по изъятию ценностей,

---

²¹⁴ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

²¹⁵ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.

²¹⁶ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.

²¹⁷ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

²¹⁸ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.

докладывала (июль 1922 г.), что описи 1918 г. были в большинстве храмов, в крайнем случае, их можно было найти в делах волисполкома. Но епархиальные описи, действительно, в большинстве храмов отсутствовали, что объяснялось клириками множеством причин²¹⁹.

Для выполнения предписания добиться добровольной сдачи церковных ценностей, комиссиями были организованы общие приходские собрания. Так, городские церкви Рыбинска 13 марта провели соединенное собрание приходских советов²²⁰. На собрании присутствовали Преосвященный епископ Рыбинский Борис (Соколов), настоятели храмов, члены приходских советов и представители комиссии по изъятию церковных ценностей. Епископ обратился к участникам собрания, попросив всех проявлять сдержанность и осторожность, быть особо вдумчивыми при разрешении данного вопроса, а главное, сохранять спокойствие. Было предложено членам комиссии ознакомить всех с содержанием Декрета об изъятии ценностей и порядке изъятия.

С самого начала духовенство начало выстраивать линию, что хозяевами имущества является народ, в данном случае верующие. Председатель собрания предложил высказаться по вопросу, имеют ли право приходские советы без согласия верующих распоряжаться церковным имуществом, в данном случае дать свое согласие на изъятие церковных ценностей в пользу голодающих? Высказывались в том смысле, что приходские советы есть только хранители церковного имущества и не имеют полномочий распоряжаться им по своему усмотрению, таким образом, вопрос изъятия должен быть обсужден на общеприходских собраниях. Было внесено предложение в ближайшее воскресенье провести приходские собрания по этому вопросу.

В противовес данной тактике председатель комиссии по изъятию ценностей Михайловский предлагает принципиально решить вопрос: «Согласны ли верующие передать церковное имущество в помощь голодающим?»²²¹ Голод

---

²¹⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 265. Л. 2.

²²⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 90–92.

²²¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 90–92.

велик и помощь требуется великая, а государство для ликвидации этого не располагает ресурсами. «Как и что изымать, – успокаивает он, – это дело приходских советов и может быть решено только при их ближайшем участии»²²². Эти заверения не встречают доверия, и духовенство продолжает настаивать на прямом ответе на вопрос: кто хозяин церковного имущества и какие предметы будут изъяты, а какие оставлены? Михайловский, следуя той же тактике – ложь во спасение, – уверяет собравшихся, что представители культа знают лучше, что можно изъять и что оставить. На что резонно следует возражение из зала: «Безусловно, представители культа знают, что отдать и оставить, но еще вопрос – будет ли с их мнением считаться комиссия»²²³.

В целом, позицию духовенства озвучивают Данилевич и Богданов, объявляя, что предметы, используемые в богослужении, не могут быть изъяты ни в коем случае – те, которые находятся на престоле, так как изъятием предметов, имеющих богослужебный характер, будет нанесено оскорбление религиозным чувствам верующих. Это находит широкое одобрение у собрания, расширяющее «границы изымаемых предметов» до того, что нельзя изымать то, к чему мирянин не имеет права прикасаться, а также нельзя снимать ризы с почитаемых икон. Михайловский возражает, задаваясь вопросом, каким же образом тогда попали церковные ценности в музеи и почему за изъятие их из храмов никто не был отлучен?

Затем собрание переходит к обсуждению практических вопросов. Протоиерей Валентин Стратилатов: «Если взгляд комиссии и верующих разойдется на изъятие того или иного предмета, можно ли будет его выменять хлебом, деньгами или каким-либо другим предметом, одинаковым по ценности, но менее чтимым верующими?»²²⁴. Михайловский, ссылаясь на запрет реализации изъятых вещей на местах, предлагает в таких случаях возбуждать ходатайство о замене вещей, против этого комиссия ничего иметь не будет. Для

---

²²² РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 90–92.

²²³ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 90–92.

²²⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 90–92.

возврата вещей в протоколах об изъятии можно будет помещать свои замечания относительно вещей, которые верующие хотели бы сохранить при храмах. Это вызывает сомнения у присутствующих, так как сделать замену вещей в Москве в виду массового скопления там ценностей со всей России не представляется вероятным. Почему бы комиссии не произвести их замену здесь?

Епископ Борис (Соколов) задал вопрос о частных иконах, переданных в храм на хранение. Михайловский однозначно подтвердил, что иконы не церковные, а частные, будут оставлены. Закончив прения, собрание постановило, что в воскресенье 19 марта по всем храмам Рыбинска созвать общеприходские собрания после литургии, на которых верующие должны решить вопрос, желают ли они оказать помощь голодающим путем изъятия из храмов церковных ценностей, и если они изъявляют таковое желание, то какие предметы они находят возможным отдать. Намеченные собрания прошли в указанные сроки во всех храмах города.

Для полноты картины приведем решения, принятые на приходах. В храме Казанской иконы Божией Матери на приходском собрании, возглавляемом митрофорным протоиереем Валентином Стратилатовым, постановили: «Прийти на помощь страждущим, сдав ценные предметы не богослужебного пользования: 15 серебряных лампад весом 12 фунтов. Пожертвовать же богослужебные предметы не представляется возможным»²²⁵. Через три дня, 22 марта, приход получил извещение с просьбой сообщить количество предметов, пожертвованных на помощь голодающим, для последующего помещения в газете²²⁶. Приход храма Святителя Тихона, епископа Задонского, на собрании постановил пожертвовать 2 ризы и 2 серебряные лампы общим весом 7 фунтов серебра, но никаких богослужебных предметов²²⁷. Собрание общины Рыбинских соборов постановило пожертвовать «предметы, не нарушающие целости и благолепия Соборных храмов, что не противоречит постановлениям Вселенских

---

²²⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 94.

²²⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 93.

²²⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 96.

Соборов: 2 подсвечника, 30 лампад, 8 венков, 1 запасную старую ризу, 2 кадила, 1 блюдо, 1 раму к Югской иконе, 1 старое блюдо»²²⁸, общим весом 3 пуда серебра²²⁹. В протоколе собрания Рыбинской градской Покровской церкви зафиксировано, что была произведена опись предметов, подлежащих изъятию согласно постановлению ВЦИК: «Три напрестольных ковчега для хранения Святых даров. Одна дароносица. Четыре комплекта сосудов для Евхаристии. 6 напр. крестов. Одно Евангелие в окладе. 12 окладов на иконах. 6 лампад. 1 кадилница. В виду того, что вышеперечисленные предметы освящены для отправления богослужения, собрание постановило их оставить, найдя возможность пожертвовать 5 лампад, кроме того произвести в приходе сбор драгоценностей и продуктов»²³⁰. Общий вес пожертвования – «не менее двух фунтов»²³¹. Остальные храмы: Всехскорбящинский, Великомученика Георгия, Спасский, Крестовоздвиженский и Софийский женский монастырь постановили ничего богослужебного не трогать, все драгоценности, находящиеся в храмах оставить на старом месте, помочь голодающим частными пожертвованиями²³².

2.3. Начало фактического изъятия

Попытки изъятия ценностей проходили по всем городам страны. На примере Рыбинска и многих других городов отчетливо видно глухое сопротивление верующих и духовенства проводимой кампании. В ряде мест сопротивление переходило в открытые столкновения. Известные события в Шуе, где 15 марта по толпе верующих был открыт пулеметный огонь, вначале привели власть в лице политбюро ЦК РКП(б) к решению приостановить изъятие, но 19 марта Ленин, напротив, настоял на решительных действиях.

²²⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 98.

²²⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 97.

²³⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 100.

²³¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 99.

²³² РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 102, 104, 105, 109, 110.

После того как власти потерпели неудачу в привлечении на свою сторону духовенства и верующих, они перешли к решительным мерам в вопросе изъятия на местах. В Рыбинске, по протоколам заседания комиссии по изъятию церковных ценностей от 21 марта 1922 г., было принято решение начать проверку имущества церквей с 23 марта 1922 г. в 11 часов. В первую очередь произвести проверку имущества Рыбинского собора. Для дополнения описей, произведенных в 1918 г., уездным подкомиссиям был сообщен перечень церковного имущества из золота, серебра и драгоценных камней, переданного в соответствующие храмы Рыбинской губернии из закрытых храмов города²³³. За день до этого губкомиссия телеграммой напомнила уездам, что изъятие церковных ценностей на местах предоставлено только уездным подкомиссиям²³⁴.

22 марта в уездные исполкомы поступает новое распоряжение с грифом «Срочно. Секретно», регламентирующее порядок изъятия ценностей из храмов. Для предварительной проверки уполномоченная комиссия совместно с тремя – пятью верующими осматривает храм. После осмотра, только в своем составе, без верующих, комиссия принимает решение об изъятии тех или иных предметов. Затем принятое решение озвучивается верующим. При этом комиссии предписывается всячески стараться добиться поддержки верующих. В крайнем же случае, при невозможности заручиться их поддержкой, действовать осторожно, не разжигая страстей. При этом, несмотря на указание о недопустимости нарушения целостности предметов и ансамблей в инструкции для председателей отделов музеев, в данной бумаге отдельно предписывается изымать все драгоценные камни²³⁵.

Для непосредственного изъятия ценностей необходимо было иметь на руках опись церковного имущества, либо, в случае отсутствия таковой, описать имущество храма заново. Эта работа вместе с выбором представителей

---

²³³ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 51.

²³⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 57.

²³⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 113. Л. 16.

верующих для участия в изъятии была завершена на территории современной Рыбинской епархии к середине апреля 1922 г. Обычно представители общины получали письменное уведомление о дате и времени изъятия, в некоторых случаях сообщалось количество изымаемых ценностей. Из протокола заседания Весьегонской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей о фактическом изъятии ценностей из Троицкого и Рождественского соборов г. Пошехонья-Володарск: «К изъятию приступить сего 13 апреля в 3 часа дня, для чего пригласить представителей от группы верующих, указав последним количество подлежащих изъятию ценностей»²³⁶. Приход получал письменное уведомление: «Срочно. Приходскому совету Казанской церкви г. Рыбинска. Губкомиссия по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих просит вас выделить из своей среды от 3–5 человек, членов Совета, направит их 25 сего марта к 12 часам дня в Вашу церковь для присутствования при проверке церковного имущества»²³⁷. Комиссия, придя в храм, описывала и развешивала вещи, предназначенные к изъятию. На другой день проводилась упаковка и само изъятие²³⁸.

Однако первые изъятия, проведенные в Рыбинском уезде, были произведены с большими отклонениями от рекомендаций из центра. Согласно мартовскому секретному циркуляру от председателя губкомиссии по изъятию церковных ценностей, на местах имеется множество «ненормальностей, происшедших на почве изъятия церковных ценностей», в связи с чем губкомиссия настоятельно рекомендует «проявить максимальную выдержку и такт» и «следовать инструкции», руководствуясь лозунгом «больше дела – меньше шума»²³⁹.

---

²³⁶ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 262. Л. 2.

²³⁷ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 60.

²³⁸ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 262. Л. 6.

²³⁹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 113. Л. 17.

Первые изъятия взволновали церковную общественность, и 27 марта в Рыбинске состоялось очередное собрание приходских советов рыбинских православных храмов по следующей повестке дня²⁴⁰:

- об организации помощи голодающим;
- о выработке вопросов на епархиальное собрание;
- сообщение распоряжений местного епископа;
- ознакомление с уставом Восковая свеча.

29 марта Рыбинский губисполком с грифом «секретно» сообщает в губкомиссию по изъятию ценностей о полной готовности к массовому изъятию ценностей:

- перепись церковно-монастырских ценностей была произведена в 1918–1919 гг., описи имеются в распоряжении Губкомиссии;
- были ли конфликты при производстве переписи – неизвестно;
- из церковных ценностей ввиду состоявшегося постановления губкома до настоящего времени ничего не изъято;
- отношение масс носит характер глубокого недовольства, как это было видно на собрании в церквях г. Рыбинска, о конфликтах сведений не поступало;
- количество церквей и монастырей в губернии будет сообщено по получении списка из всех уездов. Примерно 550–600 церквей, монастырей – 16;
- агитация ведется губкомами и укомами;
- губкомиссия в настоящее время ведет поверку ценностей наиболее богатых храмов Рыбинска и уезда, намечает ценности, подлежащие изъятию, и по получении телеграммы из центра немедленно приступит к изъятию, предварительно сговорившись с представителями приходских советов церквей.²⁴¹

Несмотря на ясно выраженное нежелание отдавать богослужебные предметы, власть жестко продолжала проводить намеченную линию. Это поставило перед духовенством и мирянами вопрос о последней возможности

²⁴⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 62.

²⁴¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 112.

спасти от поругания богослужебные предметы и святыни путем замены намеченных к изъятию ценностей эквивалентным количеством золота или серебра. 31 марта ВЦИК за подписью Калинина направил всем губисполкомам добавление к инструкции ВЦИК, согласно которому данные ходатайства должны быть рассматриваемы в каждом случае исполнительный комитет Помгола, само ходатайство не должно приостанавливать изъятие. Предметы, о которых такие ходатайства поступили, должны быть занесены в протокол и по возможности упакованы в отдельную тару, если этого требует культ укладки в тару предметов духовными лицами. Все подобные заявления должны рассматриваться на местах и свои заключения необходимо пересылать в центральный комитет Помгола²⁴².

Эпизодически, крайне редко, в архивных документах встречаются случаи положительного решения о замене изымаемых ценностей. В первой декаде мая в Рыбинскую губернскую комиссию поступило обращение приходского совета Успенского собора г. Мышкин «О необходимости возвращения некоторых изъятых вещей: комплект сосудов, ковчеги, напр. кресты, которые крайне необходимы для совершения богослужения, особенно в великий пост, когда количество причащающихся достигает 500–600 человек и совершается тремя священниками. Потребность настолько велика, что приходской совет, для успокоения возбужденного настроения среди прихожан, готов сделать добровольный сбор между собой, чтобы возместить стоимость означенных крайне необходимых предметов»²⁴³. Резолюция неизвестна. В Краснохолмский уездный исполнительный комитет в конце мая поступило заявление от прихожан Зосимовской церкви о замене изъятой ризы с иконы Божией Матери «Всех Скорбящих радости», в этот же период из церкви погоста Мицина поступает заявление о замене изъятого креста. Резолюция председателя Рыбгубкомиссии Михайловского на прошениях гласит: «Разрешается при условии

---

²⁴² РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 126.

²⁴³ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 277. Л. 7.

предоставления соответствующих количества и пробы серебра»²⁴⁴. Несколько ранее верующие Углича просили оставить ризу чтимой иконы «Всех скорбящих Радосте» городской Ильинской церкви²⁴⁵. Позднее, в сентябре, приход Рудиной слободки Мышкинского уезда получил разрешение от Рыбгубкомиссии на замену «подлежащей изъятию серебряной ризы с престольной иконы Тихвинской... Серебро, в количества 15 фунтов, надлежит сдать в Рыбинский губфинотдел»²⁴⁶. Всего четыре заявления при изъятии ценностей из более чем 500 храмов. Забегая вперед, стоит отметить, что тот же Михайловский в конце февраля 1923 г. в докладной записке в президиум Рыбгубисполкома о потенциале «доизъятия» церковных ценностей, среди прочего, указывает, что «в некоторых церквях по разрешению комиссии была произведена замена серебряных риз соответствующими количеством серебра, эти ризы также должны быть изъяты»²⁴⁷.

11 апреля все уездные исполкомы Рыбинска получили секретную телеграмму от председателя губкомиссии по изъятию ценностей: «Приступайте к фактическому изъятию ценностей церковных 19 апреля. О могущих встретиться недоразумениях и о ходе работы телеграфируйте Губкомиссии»²⁴⁸. Итак, среда Светлой седмицы – фактическое начало кампании.

С началом изъятия ценностей участились случаи грабежей храмов. Возможно, это было попыткой спасти церковное имущество, возможно, что, почувствовав грабительский настрой властей, криминальные элементы решили тоже «включиться в процесс». Как бы то ни было, но ВЦИК четко определил виновных. В телеграмме Калинина Рыбинскому губкому прямо говорится, что на фоне участвовавших в связи с изъятием случаев грабежей, пресекать такого рода действия со всей строгостью: «Предлагается обязывать попов, как лиц подписавших договор, что они отвечают за хищения и грабежи в первую голову.

---

²⁴⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 207.

²⁴⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 224.

²⁴⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 249.

²⁴⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп.1. Д. 356. Л. 2.

²⁴⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 143.

Одновременно обязать установить секретные наблюдения и также и окарауливание богатых церквей для предотвращения грабежей и хищений. В отношении уже имевших место грабежей и хищений арестовывать виновных попов и лиц, подписавших договора, для привлечения их к суду»²⁴⁹. Другой неожиданностью для комиссий было наличие храмов, где невозможно было провести изъятие ввиду отсутствия вторых комплектов сосудов. В таких случаях рекомендовалось использовать для замены предметы незначительной ценности из других храмов губернии и магазинов бывшей церковной утвари²⁵⁰.

Спектр изымаемого имущества менялся не только из-за усиливающегося давления из Москвы, но и в силу субъективного понимания, что и как изымать на местах. Изначальная установка по изъятию четко описывала перечень и принцип изъятия. Но, возможно, с нарастанием сопротивления со стороны верующих, с одной стороны, и со все возрастающим давлением из Москвы – с другой, позиция на местах резко меняется. На основании первых протоколов (от 1 апреля) заседания губкомиссии по изъятию церковных ценностей предписывалось изымать лишь драгоценности и излишки, оставляя при этом все, что является художественно-историческим и имуществом, необходимым для отправления культа, замена которого не представляется возможным²⁵¹. При этом принимается решение возбудить ходатайство перед губисполкомом о представлении губкомиссии права брать из губснабторга медную церковную утварь для замены²⁵². Но спустя менее чем две недели, 13 апреля, губкомиссия резко меняет свою позицию, предписывая произвести дополнительное изъятие, оставляя в церквях лишь самые необходимые предметы, в связи с изъятием которых обезображивается храм²⁵³. Создается впечатление о желании нанести максимально возможный урон не только убранству храмов, но и самому духовенству. Помимо драгоценностей изымалась одежда и предметы быта. Так,

²⁴⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 145.

²⁵⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 145.

²⁵¹ ГАЯО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 13. Л. 70.

²⁵² ГАЯО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 13. Л. 70.

²⁵³ ГАЯО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 13. Л. 72.

добычей комиссии в очередном изъятии стали: шуба суконная с бобровым воротником поношенная; бывшие в употреблении: ковер бархатный, покрывала шелковые, полотенец 3, ковер тканевый длиной 12 аршин, платок шелковый, и даже свечи восковые 667 штук²⁵⁴. Нет, сомнений, что это никак не шло на помощь голодающим. Например, комиссия по изъятию ценностей удовлетворила заявку отдать в распоряжения районного театра изъятые рясы и подрясники²⁵⁵.

Проводимые отдельно описи, а лишь затем изъятия, существенно тормозили кампанию. В одном из первых протоколов Рыбинской подкомиссии по изъятию было сделано предложение, считать нецелесообразным выезжать отдельно для описи и отдельно для изъятия. Выезжая на место, сразу добиваться определенных результатов²⁵⁶. Обнаруженные при изъятии несоответствия описей и фактического имущества, без наличия в этом преступного умысла, Народный комиссариат юстиции рекомендовал трактовать, как небрежность, и ограничиться внесением обнаруженного имущества в опись²⁵⁷.

Начало фактического изъятия, несмотря на решительный настрой при подготовке, проходило в целом в духе крайней осторожности. Власти боялись народного возмущения. Протоколы, поступающие с мест, ежедневно анализировались. Уже 12 апреля секретарь ГПО Логинов всем губотделам ГПУ разослал следующее извещение: «Установлено, что при изъятии ценностей в некоторых местах, члены комиссии на глазах верующих производят бесчинства как в церквах, так и над священными предметами, что разжигает толпу верующих и оскорбляет их религиозные чувства. ГПУ предлагает:

Первое: дать указания представителям губотделов, чтобы ни в коем случае не допускали подобные бесчинства. Второе: в случае, если кто-либо позволит

²⁵⁴ ГАЯО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 13. Л. 52.

²⁵⁵ ГАЯО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 13. Л. 49.

²⁵⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 146.

²⁵⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 53.

себе произвести подобные бесчинства, привлекать таких к суровой ответственности»²⁵⁸.

В отчете Яргубком характеризует отношение населения в большинстве своем, как недоброжелательное. Основной причиной такого настроения власти видели в «контрреволюционной агитации духовенства и врагов советской власти»²⁵⁹. В подтверждение приводился аргумент, что в местностях, где изъятие не предварялось вступительным словом священника, изъятие проходило нормально. «Подстрекаемые врагами Советской власти верующие, а главным образом женщины, уже кричали при проведении работ: не дадим грабить церковь, надругательство, грабеж, погибнем, но посрамления религии не допустим»²⁶⁰. Священство призывало отстаивать свои святыни, определяя кампанию, как что-то подобное татарскому игу. При этом комиссия свидетельствует, что столкновений при работе не было, изъятие прошло нормально²⁶¹.

Стоит отметить, что по имеющимся данным отношение к проводимой кампании среди духовенства и прихожан было неоднородным. По свидетельству губкомиссии были и призывы беспрекословной передачи ценностей. Так, в храме Николы Тропина священник говорил, что получен циркуляр от Патриарха Тихона, в котором говорится, что церковное достояние – это народное достояние, и предлагал беспрекословно его сдать в пользу голодающим²⁶². Но в большинстве случаев и священство, и духовенство резко выступало против разорения храмов, не стесняясь в оценках происходящего.

Приведем несколько примеров, попавших в отчет губкомиссии. В Федоровском храме, священник Михаил на проповеди бранил советскую власть, проводя аналогии с первыми гонениями на христиан, которые все перетерпели: «Теперь идут гонения на нас, православных, на церковь Христову со стороны

²⁵⁸ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 153.

²⁵⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 18.

²⁶⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 18.

²⁶¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 18.

²⁶² ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

большевиков. Они православными были, как и вы, но теперь заблудшие и не знают, что делают. Но и мы, православные, будем терпеть по примеру Христа и всех погибших от рук злодеев язычников. Еще много теперь скорбящих матерей, которые скорбят по своим детям. Ваших детей не учат, а только развращают. Закону Божьему не учат и не подготавливают к будущей жизни. Потерпим, православные, и помолимся Отцу нашему небесному, может быть, Он услышит нашу молитву и погубит наших врагов-гонителей, тогда мы опять заживаем по-старому»²⁶³. В храме Димитрия Солунского священник Понгильский в проповедях говорил, что ценности берутся не для голодающих Поволжья, а для пустых карманов. В храме Иоанна Златоуста священник Хилеев: «Хотя у нас и приход порядочный, но только прихожане не согласятся и не дадут обокрасть церковь. Чем так обокрасть, так лучше попросили бы, можем отдать ненужные нам ризы и только»²⁶⁴. В храме Иоанна Предтечи, говоря о приходской комиссии по изъятию, составленной из пяти верующих, священник проклял их: «Какие они верующие эти трижды анафемы проклятые»²⁶⁵.

Часто, для обсуждения набиравшей обороты кампании, приход проводил собрание. В храме Ильи Пророка в селе Дядьково о таком собрании предупредили за два дня, развесив объявления. После всенощной в субботу священник собрал всех в церкви, где сказал, что коммунисты собираются обокрасть православную церковь. «Вместо золотых сосудов будут глиняные, вместо золотых крестов медные и деревянные, а парчовые ризы заменят ситцевыми. Услышав это, богомольцы закричали: "Не дадим на поругание свои церкви". В сам день собрания обедня была устроена на час позже, и тут повторилось то же самое. Поп просил граждан, чтобы они не позволили грабить православную церковь и в дополнение после обедни сам обошел всех видных контрреволюционеров. В день собрания публики собралось столько, как никогда не видывала наша волость. Пришли и упомянутые лица, приглашенные попом.

²⁶³ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²⁶⁴ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²⁶⁵ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

Шум, гам, толкотня, женщины кричат: "Не дадим поругание церковь". При открытии собрания, когда ячейка наметила в президиум коммунистов, поднялся шум и свист против выдвигаемых кандидатов. Чернобровкин выдвинул кандидатуру беспартийного старика Шипунова, который не только не может вести собрание, но не может даже правильно говорить, темный и малограмотный, но его кандидатуру единогласно утверждают. Во повестке собрания три вопроса: 1) о свержении самодержавия; 2) об изъятии церковного имущества; 3) разное. Когда докладчик по первому вопросу начал развивать речь послышалось жужжание, что мы это слышали и не затем сюда пришли, и получился беспорядок, и докладчику пришлось кратко закончить свою речь. Объявляются прения, но поднялся шум и крик: "Делайте скорее тот доклад, это нам уже надоело". Когда слово предоставили докладчику по второму вопросу, то в это время, не сказав ни слова докладчику, поднимается поп с таким видом, что я мол-де здесь, ребята, не робейте, и спрашивает: "А покажите нам декрет об изъятии церковного имущества?" Гражданам же заявляет, что у них всех вещей только по одному прибору и, если их возьмут, то придется церковь закрыть. Более 5-ти часов продолжалось движение с криками – не дадим грабить церковь. После сего выступил докладчик и постарался обрисовать наше положение в связи с неурожаем Поволжья, рисует кошмарные картины голода, объясняя, что коммунисты не собираются идти и все брать у церкви, а просят лишь присоединиться к общему голосу трудового населения и оказать помощь голодающим, изъяв из церкви старые и лишние вещи. В ответ на такие объяснения, раздаются крики: "Не дадим!" Доклад срывается. Коммунистам высказываться не дают. Тут и начинают высказываться жандармы: Ершов, Чернобровкин, Цветков, поп и другие. И их слушают. Начинается агитация против Соввласти. Говорят, что приехавшие сюда голодающие жалуются, что им не оказывают никакой помощи, поля не засеиваются, чтобы лучше коммунисты сняли кольца со своих рук – награбленное имущество, чем грабить церковь. Это продолжалось с полчаса и все попытки коммунистов высказаться не удаются. Начинают уже говорить с обращением "господа", а не товарищи. Это было

начало волновать массы, но Ершов живо успокоил. Выступает курсант Совпартшколы Пониткин и, возмущаясь, говорит, что недопустимо, чтобы граждан на собрании называли "господами", что позволил себе поп, за это все бросились на него с криками: "Бить надо таких коммунистов" и остальным коммунистам пришлось стеной защищать Пониткина. Волнение происходило минут 15, и вскоре Ершов водворил порядок. Коммунисты предлагают вынести резолюцию и присоединиться к голосу всего трудового народа, прося скорейшего проведения в жизнь постановления ВЦИК. Все присутствующие были против, за исключением попа, который заблаговременно исчез совместно со своей сворой, указанной в начале параграфа. Рабочие говорили, что мы лучше отдадим хлебом и вещами, а церковных принадлежностей и приборов для богослужения не отдадим. Такова была резолюция, принятая собранием. На предложение спеть "интернационал" все отказались»²⁶⁶.

Случалось, что представителей власти просто не допускали в церковь. По сообщениям гормилиции, командир конного отряда Бахвалов, направленный с отрядом милиционеров для изъятия драгоценностей, наряд не исполнил, так как в каждой церкви к их приходу заседал церковный совет, который не пускал милиционеров в храм²⁶⁷.

На первых порах были примеры и лояльного отношения к церковному имуществу со стороны властей. В г. Любим, по сообщению Ярославского ГПУ от 26 апреля, член комиссии Чернышев охотно шел на уступки духовенству и верующим. «Во время изъятия ценностей из собора им было оставлено несколько серебряных венчиков и 3 штуки сосудов, приглашенный ювелир Любимов для определения металла вместо серебряных вещей, назвал их медными, и они оставались в пользу церкви»²⁶⁸. Ценности спасали и сокрытием их в тайниках внутри храмов, что иногда раскрывалось самими же членами клира. В конце марта, в самом начале кампании, прислужник Спасского

---

²⁶⁶ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²⁶⁷ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

²⁶⁸ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

монастыря, сообщил сотрудникам ГПУ, «что в темном проходе из алтаря в другой алтарь есть западная лестница, которая ведет в подвал, и в этом подвале есть еще много ценных вещей, которых никогда и никто не прикасался, хотя тут несколько раз были воры, различные обыски, но туда не доходили почему и можно судить, что есть там много ценностей нужных сейчас»²⁶⁹.

Первые дни изъятий дали пищу для размышления. Возмущение в храмах, попытки отстоять святыни, все это вынуждало адаптировать сам процесс изъятия. На пятый день кампании губкомиссия телеграфирует с грифом «секретно» всем уездным исполнительным комитетам Рыбинской губернии фактическую инструкцию изъятия церковных ценностей. В данной телеграмме рекомендуется под строгим секретом держать день, назначенный к изъятию ценностей. Представителей церковного совета вызывать в храм в самый день изъятия, кроме них в храм никого не впускать. Присутствие служителя культа обязательно. Под строгой ответственностью членов комиссии не допускать при изъятии оскорбительного отношения к присутствующим служителям культа и предметам, находящимся в храме²⁷⁰.

Помимо сложностей из-за возмущенного населения, комиссии по изъятию ценностей ощущали острый недостаток в финансировании. Председатель Ярославской губкомиссии Курзин телеграммой в Москву просит центральный комитет Помгола уточнить порядок финансирования губкомиссии и их уполномоченных в уездах²⁷¹, не дождавшись ответа, 28 апреля, деньги были в размере 50 миллионов рублей временно заняты в губпомголе²⁷². Перебои с финансированием сопровождали Губкомиссию всю кампанию, заставляя обращаться в Москву с новыми просьбами: «Москва Цекпомгол. Получено сто тысяч, для ликвидации без уплаты подсчетов необходимо еще двести тысяч. Просим перевести немедленно, ибо отсутствие денег тормозит работу»²⁷³. В

---

²⁶⁹ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

²⁷⁰ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 159.

²⁷¹ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²⁷² ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

²⁷³ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

целом же, установленные сроки по проведению кампании не выдерживались. 11 мая Рыбинский губком получает телеграмму от ВЦИК за подписью Калинина, где говорится о недопустимой медлительности в изъятии ценностей. Намеченный срок для европейской части – 1 мая – сорван. Москва требует ускорить, чтобы закончить изъятие в первой половине мая²⁷⁴. Позднее приходит уточнение срока окончания кампании – не позднее 20 мая²⁷⁵.

Имевшаяся на первых порах решительность духовенства и верующих отстаивать церковное имущество, натолкнувшись на нарастающее репрессивное давление советской власти, постепенно начинает ослабевать. Если, как показано выше, в марте 1922 г. основным мотивом проводившихся приходских собраний было решительное «нет» изъятию ценностей, то, как пишет в своем отчете председатель губкомиссии Курзин, «небольшие аресты показали духовенству твердость губкомиссии в проведении Декрета с одной стороны»²⁷⁶. Он также отмечает «отказ населения пойти за попами». Со злорадством в том же докладе отмечается, что после Пасхи (16 апреля), «как митрополит, так и низшее духовенство изменило свою позицию и уже не ссылались на свои каноны, а уже сквозило в словах духовенства – как прикажете, так и исполним»²⁷⁷.

Перейдя к решительным действиям с середины апреля, уездные комиссии стали методично, храм за храмом, изымать ценности. Обычно изъятие занимало два дня. В первый день комиссия в присутствии представителей верующих описывала и развешивала предназначенные для изъятия вещи, во второй день вещи упаковывались и перевозились. Редко все проходило спокойно, иногда протестующих было немного, в основном женщины и старухи, которых удавалось рассеивать силами сопровождающих милиционеров. Но бывало и по-другому, когда комиссия сталкивалась с более серьезным противодействием. Из доклада Мышкинского уездного комитета РКП(б): «Работа во второй церкви уже осложнилась. Здесь собралась большая толпа с плачем, криком и истерикой,

²⁷⁴ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 180.

²⁷⁵ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 187.

²⁷⁶ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.

²⁷⁷ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.

пробралась в церковь и стала мешать работе. Пришлось выслать отряд милиционеров, при помощи которых толпа из церкви была удалена. На второй день, когда вызвали представителей от группы верующих, последние наотрез отказались от участия, осложняя этим работу. Священник, церковный староста тоже самое отказались участвовать и даже передали ключи от церкви, а сами ушли. После чего было созвано экстренное совещание, на котором было решено, во избежание эксцессов, представителей верующих, отказавшихся участвовать в работе, священника, старосту и целый ряд лиц буржуазного класса на время изъятия изолировать, подвергнув их аресту, что и было сделано. Всего было арестовано 23 человека. Священник же был вызван из другой церкви. Сразу же, как стало известно, что произведены аресты, кучки людей стали постепенно стекаться к храму. Был вызван наряд милиционеров пеших, коней разъезд разъезжал по городу, не давая собираться»²⁷⁸.

К концу мая в газетах стали появляться первые публикации о процессе над духовенством и мирянами, оказавшими сопротивление изъятию ценностей. Первым был осужден священник Розов за утайку двух пудов монет и в оглашении перед верующими послания святителя Тихона. 28 мая суд признал его виновным и осудил на пять лет. По схожему обвинению на том же судебном процессе проходил и настоятель Крестовоздвиженской церкви священник Шестаков, ему присудили подписку о «неотлучке с постоянного места жительства»²⁷⁹.

В начале июня стали поступать первые сводки по изъятию: «по г. Мологе изъято серебра: 38 п. 39 Ф. 70 зол. 72 доли»²⁸⁰.

9 июня в уездные исполкомы поступает дополнительная инструкция по изъятию церковных ценностей в Рыбинской губернии. Судя по всему, столкнувшись с протестами населения, власти решили смягчить свою позицию, состоявшую в тотальном изъятии всех драгоценных предметов. В новой

---

²⁷⁸ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 356. Л. 6.

²⁷⁹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р74. Известия. № 116 от 27.05.1922; № 120 от 01.06.1922.

²⁸⁰ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 218.

редакции предлагалось по предметам из золота серебра и драгоценных камней: «1. Сосуды с принадлежностями дискос, звезда, блюда, ковчцы, лжица – оставлять по одному комплекту на церковь. 2. Ковчег на престольный, дарохранительница – по одной на церковь. 3. Кресты на престольные – по одному на церковь (монастыри в независимости от количества храмов считаются за одну церковь) 4. Венцы брачные – по одному комплекту. Должны быть изъяты без исключения: ризы с икон серебряные и из камней; подсвечники всякого рода; кадила; киоты от икон, серебро, всякого рода подвески к иконам, венки и т. п.; лампы; кубки, кувшины и стаканчики, лом серебряный»²⁸¹.

2.4. Судебный процесс над рыбинским и угличским духовенством.

Итоги кампании

В целом, начало кампании, по мнению губкомиссии, характеризуется несколько слабой линией поведения комиссий по отношению к изъятию ценностей, в ведении общин и храмов часто оставались вещи, подлежащие, по точному смыслу циркуляра ВЦИК, безусловному изъятию. Это было учтено и центром, и губкомиссией, и работа в тех районах, где она дала крайне незначительные поступления, была повторена. Наряду с этим имели также место и случаи добровольного пожертвования ценностей в пользу Последгола, давшие всего за время кампании 13 пудов серебра и 12 карат драгоценных камней, плюс 590 разных вещей, принятых без описи веса²⁸².

Подводя промежуточные итоги своей работы, Рыбинская комиссия по изъятию церковных ценностей отмечала, что изначальные попытки организовать добровольную сдачу путем обсуждения на совете приходских советов провалились, так как большинство приходов было настроено отрицательно. После такого отпора власть решила перейти к более решительным мерам, «объявив совету городского собора, что раз вы не соглашаетесь, мы принуждены

---

²⁸¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 216.

²⁸² РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 18.

еще раз осмотреть все на месте»²⁸³. Для объявленного осмотра комиссия еще раз выехала на место, но уже для фактического изъятия, «чего никто не ожидал, думая, что опять приедут договариваться»²⁸⁴. Так же пошли изъятия и по остальным храмам Рыбинска. Комиссия отмечает, что не встретила осложнений, за исключением конфликтов в Спасской церкви, «где первоначально же церковный совет не пожелал считаться с мнением Комиссии, а посему работа была остановлена и часть членов совета вместе с настоятелем были приглашены на Политбюро»²⁸⁵. Отмечались и другие конфликты – в Никольском на Шексне, Пошехонье, Весьегонском, Краснохолмском и Мологском уездах, «но все они ликвидированы без особых осложнений»²⁸⁶. К началу июня комиссия считала, что «работы выполнена на пять восьмых и надо полагать к 10 июня работа будет окончена»²⁸⁷.

В этот же период Рыбинский губисполком принимает решение о проведении дополнительного изъятия. 8 июня на заседании президиума обсуждались обнаруженные случаи утайки ценностей. Так, «в Югском монастыре было произведено изъятие ценностей 28 сего апреля, после которого обнаружена злостная со стороны духовенства утайка 2.5 пудов серебра, 2 фунтов золота и драгоценных камней, а также обнаружение в Рыбинском соборе сокрытых от описи предметов из серебра и камней и денег»²⁸⁸. Исходя из этого, «президиум не может быть уверен, что подобных явлений не было и в других церквях, поэтому считает необходимым срочно провести по всех церквям, главным образом, в городах поверку ценностей имеющихся до и после изъятия»²⁸⁹. Впоследствии эти и другие случаи станут основанием для судебного процесса, а дополнительное изъятие даст 50 % золота и 30 % серебра от общего количества²⁹⁰.

---

²⁸³ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 230.

²⁸⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 230.

²⁸⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 230.

²⁸⁶ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 230.

²⁸⁷ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 230.

²⁸⁸ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 232.

²⁸⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 232.

²⁹⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 247.

К 15 июня по Рыбинской губернии было изъято 7 фунтов золота, 165 пудов серебра, 1903 жемчужины, 743 бриллианта и 203 алмаза²⁹¹.

16 июня Яргубком пишет ВЦИК «объяснения о неокончании в срок работ по изъятию ценностей»²⁹². Основными причинами являются «бездорожица, **благодаря** (выделено мной. – А. Р.) которой пришлось сделать двух-недельный перерыв»²⁹³. Виноваты и уездные комиссии, и недостаточное количество работников по изъятию в сельских местностях. «Большой тормоз в работе саботаж со стороны духовенства», который проявлялся, в основном, в отсутствии описей церковного имущества и т. п., пришлось применять ряд воздействий вплоть до ареста²⁹⁴. Также задержку кампании губком объясняет длительной работой по подготовке населения. Были проведены собрания и митинги, «на которых уполномоченные комиссией товарищи разъясняли населению цель и задачи работы, добиваясь согласия на изъятие»²⁹⁵.

Обнаруженные в начале июня в Югском монастыре спрятанные под иконостасом наперстные кресты и ризы с икон привели к первым арестам. Епископ Борис (Соколов) как настоятель монастыря был помещен под стражу. Вместе с ним арестованы ризник и пономарь. Архимандрит Игнатий Галанов «за старостью лет пока оставлен под подписку»²⁹⁶. В скором времени был арестован архимандрит Николо-Улейминского монастыря и еще четыре человека, обвиняемых в утайке церковных ценностей²⁹⁷. К середине июня завершается следствие по делу о сопротивлении Рыбинского духовенства изъятию церковных ценностей, в рамках которого арестован 21 человек: епископ Рыбинский Борис (Соколов), епископ Угличский Серафим (Самойлович), архимандрит Христофор (Либерман), секретарь владыки Серафима и наместник Покровского монастыря Углича, архимандрит Павел (Чистяков) Николо-Улейминского монастыря,

²⁹¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 213. Л. 237.

²⁹² ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

²⁹³ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

²⁹⁴ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

²⁹⁵ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

²⁹⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р74. Известия. № 122 от 03.06.1922.

²⁹⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р74. Известия. № 133 от 17.06.1922.

архимандрит Игнатий (Таланов) Югского монастыря, протоиерей Валентин Стратилатов Казанского храма Рыбинска, протоиерей Алексей Всехсвятский Спасского храма Рыбинска, протоиерей Николай Воскресенский, благочинный Углича, иеромонах Иероним, ризничий Николо-Улейминского монастыря, староста того же монастыря Бабаев, иеромонах Афанасий (Гиляревский) ризничий Югского монастыря, иеродиакон Аполлинарий (Комиссаров) того же монастыря, монахиня Анна (Данилова) Николо-Улейминского монастыря, иеромонах Виктор (Феоктистов), духовник Николо-Улейминского монастыря, хранил в келье ценности, староста Рыбинского собора Милютин Дмитрий, верующая крестьянка Козина, члены церковного совета Спасской церкви Рогозин, Новиков и Алексей Данилевич, староста Спасской церкви, Кузнецов из Углича и Глафира Ивановна Голубева (19 лет), обвиняемая в перепечатке воззвания святителя Тихона²⁹⁸. Суд был намечен на воскресенье 16 июля²⁹⁹.

После семидневного судебного процесса, ежедневно в деталях освещаемого в прессе, был вынесен приговор: освобождены из-под стражи 13 человек, 7 человек осуждены. Епископ Борис (Соколов) осужден на 7 лет, протоиерей Спасской церкви Алексей Всехсвятский и староста того же храма Алексей Данилевич – на 5 лет, епископ Угличский Серафим (Самойлович) – на 3 года. Остальные получили срок от 1 до 2 лет, двое осуждены условно на 6 месяцев³⁰⁰.

К 1 августа комиссия отчиталась об окончании изъятия. По Рыбинской губернии было изъято 459 пудов серебра, 12 фунтов золота, почти 2 тысячи драгоценных камней, около 3 тысяч штук жемчуга и проч.³⁰¹ По уездам, входившим в Ярославскую губернию (Тутаевский, Даниловский и Любимовский), было изъято 136 пудов серебра, 48 зол. золота и 875 штук драгоценных камней.

²⁹⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р74. Известия. № 153 от 11.07.1922.

²⁹⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р74. Известия. № 156 от 14.07.1922.

³⁰⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р74. Известия. № 165 от 25.07.1922.

³⁰¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 356. Л. 111.

2.5. Окончание кампании. Дополнительное изъятие

С окончанием кампании по изъятию губкомиссия по изъятию церковных ценностей в лице ее секретаря Д. И. Михайловского 24 февраля 1923 г. пишет докладную записку в президиум Рыбгубисполкома. В записке оценивается потенциал дополнительного изъятия в пределах Рыбинской губернии от 250 до 300 пудов серебра и некоторое количество жемчуга. Михайловский указывает, что только по городу Рыбинску может быть доизъято от 50 до 75 пудов серебра. При этом он объясняет такое количество неизъятого серебра, ссылаясь на инструкцию ВЦИК, согласно которой в церквях оставались серебряные ризы «на так называемых "местных иконах" и "особо чтимых" каковые по весу и по качеству являются наиболее ценными»³⁰². Далее, как уже было указано выше, Михайловский предлагает также изъять те ценности, в обмен на которые верующие сдали эквивалентное количество серебра. В заключении приводится экономический расчет данного мероприятия, которое, по мнению Михайловского, принесет государству 200 пудов серебра, общей стоимостью 145 800 рублей зн. 1923 г., при расходах по изъятию не более 10 % к названной сумме³⁰³. На ближайшем заседании президиума Рыбгубисполкома инициатива была поддержана с выделением Губкомиссии 1000 рублей зн. 1923 г. Причем в протоколах заседания источником инициативы названы сами верующие: «Идя навстречу пожеланиям церковно-приходских советов разрешить комиссии по изъятию церковных ценностей прием добровольно сдаваемых ценностей»³⁰⁴. А расходы губкомиссии называются расходами по «принятию ценностей»³⁰⁵.

Отчасти такая инициатива имела место, но среди обновленцев, так как уже с августа 1922 г. в Рыбинске была образована самостоятельная обновленческая епархия, возглавляемая епископом Филиппом (Перовым)³⁰⁶, бывшим до этого

---

³⁰² Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп.1. Д. 356. Л. 2.

³⁰³ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп.1. Д. 356. Л. 2.

³⁰⁴ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 356. Л. 3.

³⁰⁵ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 356. Л. 3.

³⁰⁶ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 149.

епископом Валуйским, викарием Воронежской епархии, под давлением советских властей перешедшим в обновленчество. Под его председательством 25 января 1923 г. проходит объединенное собрание Рыбинского городского духовенства и церковно-приходских советов, собравшее лишь 7 протоиереев, 8 иереев и 8 диаконов, а также 20 мирян. Данное собрание открыл епископ Филипп, выразив полное согласие с постановлением Высшего церковного управления (ВЦУ) от 29 октября 1922 г. о сдаче оставшихся ценностей в Последгол, в подкрепление чему было принято решение так называемого Рыбинского епархиального управления о необходимости сдачи указанных ценностей. Затем слово взял протоиерей Вл. Закедский, сделавший доклад, в котором объяснил, «что церковные ценности не являются существенным средством воспитания религиозного чувства и потому могут быть безболезненно обращены на дела помощи Последгола»³⁰⁷. Добровольно сдали ценности приходские советы Спасской и Соборной церквей, своими силами снявшие ризы с икон, о чем Михайловским была составлена отдельная докладная записка³⁰⁸. В частности, от Спасской церкви 8 марта было принято 2 пуда серебра и 3 алмаза³⁰⁹. Всего в период с 26 февраля по 14 апреля было дополнительно изъято 46 пудов серебра, 2 фунта золота, 22 фунта жемчуга, 12 алмазов и 1 бриллиант³¹⁰.

После окончания изъятия комиссия перепрофилируется на закрытие храмов, считающихся разрушенными или опасными для людей. Реставрационная комиссия производила обследование храма в присутствии инструктора-ревизора губернского отдела управления, инженера-реставратора, комиссии, археолога и представителя «Живой церкви» о. Шипова. На основании осмотра церковь представлялась либо безопасной, либо опасной, либо поврежденной, но неопасной³¹¹. Так из 68 осмотренных ярославской комиссией храмов: 40 безопасных, 11 не представляющих опасности, 13 опасных и

---

³⁰⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 356. Л. 4.

³⁰⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 356. Л. 5.

³⁰⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 356. Л. 6.

³¹⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 356. Л. 14.

³¹¹ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 32. Л. 19.

закрытых. Приход храма мог получить следующее уведомление: «Старосте ц. Пятницы. Осмотром особой комиссии обнаружено угрожающее состояние колокольни, вследствие чего вход в теплый храм признан опасным для входящих, посему постановлено теплую церковь закрыть, впредь до производства ремонтных или предохранительных работ под наблюдением Реставрационной комиссии»³¹². Для проведения таких работ часто от приходов поступали следующие прошения: «Желая приступить к ремонту нашей Воскресенской церкви, но, не имея на то нужных средств, прошу отдел управления выдать Мне право на сбор пожертвований среди верующих»³¹³. Тем самым, советская власть получила готовую структура для продолжения наступления на Церковь. Причем, структуру, «закаленную» в процессе изъятия.

Таким образом, в рассматриваемый период церковная жизнь и государственно-церковные отношения на территории современной Рыбинской епархии преимущественно определялись проводимой советской властью кампанией по изъятию церковных ценностей. Еще при первых попытках в 1918 г., власть столкнулась с нехваткой ресурсов для формирования поддержки проводимых мер среди населения, а возмущение сельского населения даже вынудило выпустить распоряжение оставить сельские храмы в покое. Боязнь народного возмущения будет главным сдерживающим фактором для советской власти и в кампании в 1921 году. Разразившийся голод стал главным аргументом для проведения кампании и агитационной работы среди населения. Обращались к верующим и архипастыри, призывая помочь голодающим.

Сама кампания на территории современной Рыбинской епархии проходила в несколько этапов. Надеясь на поддержку изъятий, власть на этапе подготовки организует приходские собрания, где, как видно на примере Рыбинских городских приходов, терпит полную неудачу. Духовенство на призывы поддержать кампанию отвечало, что хозяином имущества является народ, в

---

³¹² ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.

³¹³ ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 32. Л. 8.

данном случае верующие, а прихожане, в свою очередь, единогласно заключали, что готовы помочь голодающим частными пожертвованиями, а богослужебного ничего не трогать, все драгоценности, находящиеся в храмах оставить на старом месте.

Старания власти придать легитимность проводимой кампании зашли в тупик, о чем ярко свидетельствует Рыбинская комиссия по изъятию церковных ценностей, отмечая, что изначальные попытки организовать добровольную сдачу путем обсуждения на совете приходских советов провалились, так как большинство приходов было настроено отрицательно. На этом фоне власть переходит к решительным мерам по изъятию.

В процессе изъятия инструкции о перечне изымаемых предметов, поступающие в отделы культов, в частности в Рыбинский, сменяли одна другую, внося неразбериху. Несмотря на решительный настрой при начале изъятия, сам процесс проходил в целом в духе крайней осторожности. Боясь народного возмущения, протоколы, поступающие с мест, ежедневно анализировались Рыбинским губернским ГПУ. Помимо этих сложностей, комиссии по изъятию ценностей ощущали острый недостаток в финансировании, что вкуче привело к срыву намеченных сроков проведения кампании на территории Рыбинской губернии. Пиком изъятия стали май – июль, когда, подключив репрессивный аппарат, изъяли основной объем церковных ценностей. Отдельно стоит повторное изъятие, проведенное в начале 1923 г.

Итогом кампании стало не только изъятие огромных материальных ценностей, которые веками благоговейными подношениями собирались в храмах, но и пройденный для власти барьер в виде боязни возмущения верующих и духовенства. Именно в этот момент обновленческое движение на фоне судебного процесса в Угличе о сопротивлении рыбинского духовенства изъятию церковных ценностей смогло открыто показать лояльность новой власти, тем самым закрепляя свои позиции в борьбе против Православия. Можно сказать, что проведение кампании по изъятию церковных ценностей сломило

последний оплот и без того зыбкой обороны и создало все предпосылки для окончательного разгрома Русской Православной Церкви.

3. Епархиальная и приходская жизнь в Рыбинске и соседних с ним уездах в 1920–1927 гг.

Несмотря на то, что для начала 1920-х гг. определяющим событием церковной жизни на территории не только современной Рыбинской епархии, но и всей Русской Православной Церкви стала кампания по изъятию церковных ценностей, в это же время на уровне епархий и приходов выстраивались новые взаимоотношения между Церковью и советской властью, образовывались и закрывались приходы и монастыри, формировалась новая финансовая основа для существования приходов в рамках действующей религиозной политики. В данной главе будут прослежены главные события и процессы в церковной жизни на территории современной Рыбинской епархии в указанный период.

3.1. Начало 1920-х гг. Религиозная политика советского государства и положение Русской Православной Церкви

Наступивший 1920 г. существенно не изменил отношения государства и Церкви. Несмотря на то, что положение советского государства в целом упрочилось, ему все еще угрожали продолжавшаяся Гражданская война, а также внутреннее напряжение и потенциальное противодействие населения. Обеспечивая сохранность завоеваний Октября, советская власть оправдывала суровые меры против любых поползновений на органы власти и государственный строй Советской России. Продолжая придерживаться в целом осторожной политики по отношению к Церкви, новая власть не ослабляла натиск, по-прежнему рассматривая духовенство и верующих как потенциальную угрозу новому строю.

Первые несколько лет советской власти внесли изменения в политику высшего церковного руководства. Пройдя через годы испытаний в 1919–1920 гг.,

Патриарх Тихон старается найти путь сосуществования с новой властью, отдавая власти должное, но при этом не уступая в вопросах самостоятельности Церкви³¹⁴. Эта позиция была основана на его глубоком убеждении, «что Церковь, и, следовательно, иерархия и духовенство не должны быть вовлечены в политическую борьбу, и этой позиции придерживался Первосвятитель до последних дней жизни»³¹⁵. Война и давление советской власти значительно осложнили коммуникации между епархиями и патриархией. 18 мая 1920 г. циркуляром Наркомата юстиции были ликвидированы почти все епархиальные советы³¹⁶. Позднее Патриарх Тихон издает постановление, предоставляющее епархиальным архиереям право на местах решать все церковные дела в случае прекращения связи с высшим церковным управлением³¹⁷. По мнению Л. Л. Регельсона, данное постановление наделяло «отдельного епископа правами исключительными, не имеющими прецедента в церковной истории константиновской эпохи»³¹⁸.

Одним из действенных методов в борьбе с религиозными предрассудками, по мнению советских властей, было публичное вскрытие мощей. Эта кампания была одной из крупнейших с четкой целью дискредитировать Церковь. Начатая летом 1918 г., она принимает особый размах весной 1919 г. Кошунственные акции отзывались болью в сердцах православных и часто сопровождались столкновениями и беспорядками. 21 июня 1919 г. святитель Тихон обратился с посланием ко всем чадам Православной Церкви, призывая «не губить в крови отщепенца и свою душу. Не будьте побеждены злом. Побеждайте зло добром»³¹⁹. Кампания завершилась летом 1920 г., по стране было вскрыто 63 раки со святыми мощами. «Однако сохранившийся значительный авторитет Церкви, активное сопротивление верующих помешали полному осуществлению задуманного

³¹⁴ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 89.

³¹⁵ Лобанов В. В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М. : Русская Панорама, 2008. С. 85.

³¹⁶ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 91.

³¹⁷ Там же. С. 90.

³¹⁸ Регельсон Л. Л. Трагедия Русской Церкви. С. 70.

³¹⁹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 88.

плана»³²⁰. По имеющимся архивным данным проводимая кампания на территории современной Рыбинской епархии не имела сколько-нибудь заметного эффекта. Косвенно это подтверждается отсутствием каких-либо данных в анкете НКВД³²¹.

Антирелигиозная политика Совнаркома поначалу давала возможность сохранения монастырских хозяйств путем создания артелей и коммун. Это еще подтверждает наличие, как пишет историк М. В. Шкаровский, внутривластной идеи о соединении «социализма научного и христианского»³²². Получив одобрение священноначалия весной 1918 г., монастыри приступили к реорганизации своих хозяйств и уже к марту 1921 г. по неполным сведениям в 116 обителях возникли артели и коммуны³²³. Однако отношение к монастырям, следуя общей тенденции в религиозной политике государства, стало ухудшаться. Уже к концу 1918 г. начала преобладать установка на закрытие обителей. Юридическим основанием служило постановление Декрета об отделении Церкви от государства, по которому монастырское имущество подлежало безусловной национализации. Сам процесс выселения монахов часто сопровождался протестными выступлениями.

Как пишет М. В. Шкаровский, первый этап закрытия монастырей приходится на 1918–1923 гг.³²⁴ В 1919 г. для усиления линии на закрытие возникших монастырских артелей и коммун Наркомюст издает циркуляр, предписывающий строго отличать хозяйства, имеющие религиозные цели. Они не могли быть зарегистрированы в качестве производственных и хозяйственных объединений, не наделялись инвентарем и землей. Членами артелей и коммун не могли быть монахи и священники, как лишенные избирательных прав граждане. Проводимая линия дала свои плоды, и к концу 1920 г. было закрыто 60 %

---

³²⁰ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 91.

³²¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д 23. Л. 2.

³²² Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 86.

³²³ Там же.

³²⁴ Там же. С. 87.

находившихся на территории страны обитателей, а к началу 1922 г. советская власть национализировала две трети монастырских комплексов³²⁵.

Данная линия четко прослеживается и на территории Рыбинской губернии. Так, в июле 1921 г. отдел ЗАГС выпустил заключение об обследовании Мологского Афанасьевского женского монастыря³²⁶. На тот момент из четырех корпусов один был занят под нужды народного образования а три занимала артель, состоящая из монахинь, по словам работников ЗАГСа, «перекрестившимися на советский лад»³²⁷. Далее в заключении отмечалось, что, «состоя членами общины, монахини продолжают извлекать доход от служения и от хождения с чудотворной иконой. И хотя у монастыря имеется приход, состоящий из 11 деревень и церковный староста монастыря, настоящими хозяевами монастыря являются монахини»³²⁸. И далее делается вывод: «Не могут существовать коммуны тунеядцев, извлекающих доходы, эксплуатируя народное невежество»³²⁹, а потому единственный выход – это «полный запрет коммуны»³³⁰. При этом предлагается трудовой коллектив бывшей коммуны привлечь для обслуживания детской коммуны, а не желающим подчиниться – предложить выехать к себе на родину. «Нетрудовой элемент принудительно выселить и через врачебную комиссию определить их трудоспособность и при наличии таковой отправить их в распоряжение комтруда»³³¹. В конце августа в присутствии уже известного товарища Розова и игумении Августы проведена перепись монахинь – всего 200 человек, из них – 130 работающих³³². И вскоре на заседании Мологского уездного исполнительного комитета принимается

---

³²⁵ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 87.

³²⁶ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 158. Л. 2.

³²⁷ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 158. Л. 2.

³²⁸ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 158. Л. 2.

³²⁹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 158. Л. 2.

³²⁹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 158. Л. 2.

³³⁰ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 158. Л. 2.

³³¹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 158. Л. 2.

³³² Р6Ф ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 158. Л. 3.

решение о «необходимости ликвидации Афанасьевской трудовой артели» с передачей освободившихся помещений под нужды народного образования³³³.

Еще одним характерным процессом для начала 1920 г. была конфискация денежных средств и земельного и недвижимого имущества у Церкви. Начавшийся вслед за выходом Декрета об отделении Церкви от государства, этот процесс завершается в рассматриваемый нами период. К осени 1920 г. по отчету 8-го отдела Наркомата юстиции было изъято 7 150 миллионов рублей, 828 тысяч десятин земли и 1112 доходных домов.

Усилия, направленные на ослабление, а порой и уничтожение Православной Церкви, не принесли ожидаемых результатов. Пройдя Гражданскую войну, пережив унижения и кощунства, приняв на себя исповеднический подвиг, Церковь сумела сохранить веру в своей пастве. Этого не могли не видеть в руководстве РКП(б), постепенно внедряя новую тактику по отношению к Церкви, основанную на активизации пропагандистской работы среди населения. В августе 1920 г. учреждается отдел пропаганды и агитации ЦК РКП(б). 12 ноября принимается декрет о создании Главного политико-просветительского комитета во главе с Н. К. Крупской. Ослабление «военного» напора на Церковь видно и в высказываниях высшего партийного руководства, так В. И. Ленин писал В. М. Молотову о необходимости «избегать всякого оскорбления религии»³³⁴.

К началу 1921 г. внутренняя обстановка оставалась накаленной. Крестьянство стонало под гнетом продразверстки. Во многих местах возмущенные действиями продотрядов крестьяне отказывались сдавать хлеб и поднимались на вооруженную борьбу. Роптала и армия. 1 марта 1921 г. вспыхнул мятеж в Кронштадтском гарнизоне. Военные под лозунгом «Советы без коммунистов!» потребовали «освобождения из заключения всех представителей социалистических партий, проведения перевыборов Советов и, как следует из лозунга, исключения из них всех коммунистов, предоставления свободы слова,

---

³³³ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 158. Л. 6.

³³⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1982. Т. 52. С. 386.

собраний и союзов всем партиям, обеспечения свободы торговли, разрешения крестьянам свободно пользоваться своей землёй и распоряжаться продуктами своего хозяйства, то есть ликвидации продразвёрстки»³³⁵.

14 марта 1921 г. X съезд РКП(б) провозглашает новую экономическую политику (НЭП), сменившую политику военного коммунизма. Понимая острую необходимость в финансовой стабилизации в условиях кредитной блокады, советское правительство вводит смешанную экономику с применением плановых и рыночных механизмов. Основной целью НЭПа было быстрое восстановление разрушенного народного хозяйства. С этой целью вводится разрешительный порядок открытия торговых заведений, а главное, вводится продналог (30 %), отменявший продразвёрстку, при которой изымалось до 70 % зерна.

С наступлением НЭПа в религиозной политике советского государства продолжают попытки поставить Церковь под полный контроль, но, уступая требованиям внешней политики, налаживающей дипломатические отношения с Западом, ситуация в религиозном вопросе всё же становится несколько мягче.

Период 1918–1920 гг. ознаменовался массовым убийством верных чад Православной Церкви. По данным Свято-Тихоновского гуманитарного университета было репрессировано 20 000 священнослужителей и мирян, из них 15 000 расстреляно. Из 564 членов Собора репрессирован 171, из них 75 убиты³³⁶. Источник таких бессмысленных зверств историк М. В. Шкаровский видит в «засильи левацких, военно-коммунистических настроений в партийной и советской среде»³³⁷. Подпитываемые надеждой на скорую победу мировой революции, большевики стремились как можно скорее сокрушить крепостные стены старой жизни, где одним из главных бастионов виделась Православная Церковь.

---

³³⁵ *Крестьянинов В. Я.* Кронштадтский мятеж, хроника событий. СПб. : Остров, 2016. С. 32.

³³⁶ *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 83.

³³⁷ Там же.

3.2. Епархиальные и приходские события во время кампании по изъятию церковных ценностей 1921–1922 гг.

Получив первый опыт борьбы с религией в течение трех лет советской власти, применив все возможные меры давления на Церковь – от законодательных до репрессивных – и все еще не достигнув желаемого уничтожения своего идеологического противника, коммунисты предприняли попытку расколоть Церковь изнутри. Для этого был использован внутрицерковный запрос на оживление и обновление церковно-приходской жизни, уходящий корнями ко времени восстановления патриаршества и широкой общественной и церковной дискуссии о путях развития Православия в России.

В годы Гражданской войны призывы к обновлению приобрели соответствующий духу времени революционный характер. Как пишет протоиерей Владислав Цыпин, в годы Гражданской войны в среде духовенства в епархиях Центральной России появились группировки, призывавшие к «революции в Церкви» и к «всестороннему обновлению»³³⁸.

Стараясь в этот период всячески ослабить Православную Церковь, советская власть дала мощный импульс обновленческому расколу. Как пишет М. В. Шкаровский на основании рассекреченных документов ЦК РКП(б), обновленческий раскол был напрямую организован государством и без такого вмешательства во внутреннюю жизнь Церкви «ничего подобного бы не произошло»³³⁹. Предприняв первые попытки раскола в 1919–1920 гг., весной 1922 г. советская власть сумела добиться в этом проекте ощутимых результатов.

Образованный еще при временном правительстве «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян», получил пристанище в храме святых Захария и Елисаветы, под покровом настоятеля – священника

---

³³⁸ Цыпин В., *прот.* История Русской Церкви. С. 56.

³³⁹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 21.

Александра Введенского, вскоре возглавившего обновленческий раскол. С его слов, «после избрания Патриарха в Церкви можно оставаться лишь для того, чтобы уничтожить патриаршество изнутри»³⁴⁰. В 1921 г. образовывается «Петербургская группа обновленческого духовенства», которую и возглавил священник Александр Введенский. Данную группу активно поддерживал заштатный епископ Антонин (Грановский). Будучи сам активным участником обновленческого движения, он в богослужении вводил многочисленные новшества, за что и был запрещен Святейшим Патриархом в служении.

Распространяющийся вирус обновленчества не остался без внимания священноначалия. 17 ноября 1921 г. Патриарх Тихон выступил с посланием «О недопустимости богослужебных нововведений в церковно-богослужебной практике»: «Божественная красота нашего истинно назидательного в своем содержании и благодатно действенного церковного богослужения, как оно создано веками апостольской верности, молитвенного горения, подвижнического труда и святоотеческой мудрости и запечатлено Церковью в чинопоследованиях, правилах и уставе, должна сохраниться в святой Православной Русской Церкви неприкосновенно, как величайшее и священнейшее ее достояние»³⁴¹.

На территории современной Рыбинской епархии обновленчество также оставило свой след. Уже в августе 1921 г. храмы получили извещение с печатью епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии. Приходы извещались о том, что решением ВЦУ от 4 августа (протокол № 20) была образована самостоятельная Рыбинская епархия. На «вновь образованную» кафедру был назначен епископ Валерский (от руки Валуйский) Филипп. Тем же постановлением утверждено Рыбинское епархиальное управление в составе: протоиерея Рудинского, священника Оносовского и диакона Головкова, каковое вступило в отправление обязанностей. В этой же бумаге шла речь о содержании епископа. Помимо этого епархиальное управление предлагало причту

---

³⁴⁰ Цытин В. *прот.* История Русской Церкви. С. 60.

³⁴¹ Там же. С. 62.

разъяснить своим прихожанам, «что те нелепые слухи, по отношению к обновлению церкви, которые распространяются среди верующих, есть плод досужих умов, не выдерживающих никакой критики»³⁴². Предлагалось заверить прихожан, что никаких изменений до созыва Поместного Собора, на котором будут рассматриваться все вопросы религиозной жизни, в богослужении не предполагается. «Вся деятельность обновленческого движения не к искоренению уставов Православной церкви, а к ее оживлению в духе Евангельского учения и совершенству, согласно Завету Основателя Ея Господа Нашего Иисуса Христа»³⁴³.

В августе 1921 г. 9 августа (27 июля по ст. ст.) скончался епископ Рыбинский Василий (Бирюков)³⁴⁴. Это, по-видимому, и послужило толчком для обновленцев к «созданию» самостоятельной Рыбинской епархии. Вскоре было проведено общеприходское собрание православных храмов Рыбинска, на котором было решено «обратиться к митр. Агафангелу с покорнейшей просьбой о назначении в Рыбинск епископа Вениамина, параллельно обратиться к Епископу Вениамину от лица всех прихожан г. Рыбинска о занятии Рыбинской кафедры»³⁴⁵.

Помимо этого на таких общеприходских собраниях обсуждались и текущие вопросы епархиальной жизни. Так, в августе прошло собрание, где помимо помощи голодающим обсуждался вопрос о планировавшемся на конец августа съезде духовенства и мирян³⁴⁶. Обсуждалась повестка съезда, где было отмечено, что важнейшим вопросом является скорейшее преподавание Закона Божия во всех храмах города, «в чем имеется насущная нужда, ввиду полного незнания этих предметов малолетними»³⁴⁷. Также на съезде планировалось обсудить создание пастырских и псаломщицких курсов, что представителями приходов виделось как дело желательное, но трудно осуществимое. Стоял

---

³⁴² РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 149.

³⁴³ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 149.

³⁴⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 140.

³⁴⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 143.

³⁴⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 137.

³⁴⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 137.

вопрос и об избрании и содержании уездного апологета-проповедника, на что было постановлено, что кандидат должен обладать большими познаниями и вполне отвечать своему назначению. Такое предварительное обсуждение вопросов, выносящихся на общий съезд, скорее всего, свидетельствует об опасениях, связанных с планируемым участием в данном съезде обновленцев, которые, вероятно, и являлись организаторами этого мероприятия, стараясь использовать такую возможность для проведения в жизнь своих взглядов и воззрений на оживление церковной жизни.

Осенью того же года православное духовенство готовилось к встрече епископа Балахнинского, vicария Нижегородской епархии, Петра (Зверева), будущего священномученика. Для подготовки было созвано объединенное собрание церковно-приходских советов Рыбинска, на котором присутствовали «35 человек от церквей: гор. Собора, Воздвижения, Спаса, Георгия, Введения, Покрова, Казанской, Всехскорбящей, Тихановской»³⁴⁸. С докладом выступил протоиерей Сергей Богородский. Было решено по приему епископа Петра избрать комиссию из трех лиц, которым поручалось «подыскать помещение и найти соответствующую обстановку»³⁴⁹. Встреча епископа поручалась двум представителям, на содержание епископа было решено отпустить 1 200 200 рублей, «для чего означенную сумму распределили по причтам церквей. На каждое лицо причта падает по 75 000 р.»³⁵⁰. Вторым вопросом была организация электрического освещения в заутреню на Рождество Христово, для чего постановили «внести в управление электрической станции 1 875 000 р. Означенную сумму распределить согласно причта церкви»³⁵¹. Далее собрание затронуло вопрос помощи голодающим – было решено ходатайствовать перед комиссией помощи голодающим о разрешении израсходовать суммы, собранные на голодающих, по своему усмотрению. Последним вопросом данного собрания было обустройство иордани на Волге – «по примеру прошлых лет обратиться к

---

³⁴⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 121.

³⁴⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 121.

³⁵⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 121.

³⁵¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 121.

обществу Хоругвеносцев с покорнейшей просьбой взять устройство Иордана на себя, в помощь дать рабочую силу»³⁵².

В декабре прошло очередное объединенное собрание церковно-приходских советов Рыбинска. Как и в прошлый раз на нем присутствовали представители всех православных храмов города. Открыл собрание протоиерей Сергей Богородский докладом. Первую часть выступления о. Сергей посвятил вопросу церковных библиотек. Было решено «библиотеки привести в надлежащий вид, т. е. составить каталог книг»³⁵³. Каждый приходской совет должен был изготовить каталог в 10 экземплярах для обмена с другими церквями. Вторая часть доклада была посвящена торжественным всенощным по воскресным дням. Постановили «совершать торжественные богослужения все время в городском соборе, кроме Воскресных дней Великого поста»³⁵⁴. Помимо этого на собрании было решено просить через отдел Управления разрешение на торжественные богослужения: на Рождество Христово в 3 часа утра, на Новый год в 12 часов ночи, и 6 января совершить крестный ход на воду. Также обсуждался вопрос о замещении свободной епископской кафедры, «ввиду того, что назначение на Епископскую кафедру принадлежат согласно канона – Собору Епископов, Собрание постановило возбудить ходатайство через Митрополита о назначении на свободную кафедру г. Рыбинск Епископа Андрея, для чего президиуму поручается привести означенные постановление в исполнение»³⁵⁵. Последним был вопрос о соборных часах – «постановили содержать в исправности, для чего обязать все приходские советы уплачивать часовщику по 150000 р. в месяц»³⁵⁶.

В марте – апреле 1922 г. советская власть произвела аресты ряда членов Синода и Высшего Церковного Совета. В стране началась «беспрецедентная операция государства по замене ее "контрреволюционного"

---

³⁵² РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 121.

³⁵³ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 122.

³⁵⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 122.

³⁵⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 122.

³⁵⁶ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 122.

состава на "лояльный"»³⁵⁷. При этом, несмотря на открытые нападки на Церковь и духовенство во всех органах печати и проводимые уже несколько лет различные кампании, направленные на ослабление веры в народе, храмы все еще были полны молящимися.

К марту 1922 г., по данным анкеты городской милиции, в Рыбинске оставалось 9 православных храмов и 3 сектантских³⁵⁸, по уезду было 64 храма³⁵⁹. Из закрытых храмов и молельных домов 2 были заняты под школы и 2 под квартиры. В Мышкине было 4 православных (остальных нет) храма, в уезде – 60 храмов³⁶⁰. Никакие церковные помещения ни подо что не заняты³⁶¹. В городе Молога и уезде было 58 церквей, 2 монастыря: Покровский и Афанасьевский³⁶². В Угличе и уезде насчитывалось 4 монастыря и 26 храмов³⁶³. Пошехоно-Володарский уезд насчитывал 71 храм³⁶⁴. В других уездах губернии к этому времени оставалось 79 храмов³⁶⁵. Передача храма верующим осуществлялась при подписании соглашения³⁶⁶.

В разгар кампании по изъятию ценностей городская милиция получала данные, ярко свидетельствующие о количестве молящихся в православных храмах, и эти данные не могли не настораживать. В первой декаде мая 1922 г. в Рыбинский горотдел милиции поступило обращение от приходского совета Успенского собора Мышкина. В прошении указывалось на острую «необходимость возвращения некоторых изъятых вещей: комплект сосудов, ковчеги, напр. кресты»³⁶⁷. Данные предметы были крайне необходимы для совершения богослужения, так как служили три священника и количество

³⁵⁷ Архивы Кремля : Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. : в 2 кн. Новосибирск : Сибирский хронограф ; М. : РОССПЭН, 1997–1998. Кн. 1. С. 162.

³⁵⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 273. Л. 8.

³⁵⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 274. Л. 1.

³⁶⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 274. Л. 1.

³⁶¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 273. Л. 10.

³⁶² РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 269. Л. 1.

³⁶³ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 269. Л. 4.

³⁶⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 269. Л. 6.

³⁶⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 269. Л. 4.

³⁶⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 269. Л. 10.

³⁶⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 277. Л. 7.

причащающихся, особенно в Великий пост, достигало 500–600 человек. Нехватка означенных предметов была настолько велика, что «приходской совет, для успокоения возбужденного настроения среди прихожан, готов сделать добровольный сбор между собой, чтобы возместить стоимость означенных крайне необходимых предметов»³⁶⁸.

У приходов еще оставалась возможность получить церковную утварь и прочее храмовое имущество из закрытых к тому времени храмов. Достаточно было обратиться в бывший отдел культов, к тому времени ставший подотделом ЗАГС. Так, в июне 1922 г. общины сел Воятицы Мологского уезда, Михайловское Рыбинского уезда и Спас-Мякса Череповецкого уезда просят отпустить их храмам колокола взамен разбитых из закрытых ранее церковью Рыбинска³⁶⁹. Причем приходы готовы оплатить стоимость колоколов из собственных средств. В сентябре заведующий подотделом ЗАГС Михайловский пишет «заведующему Рыбгубогуправом на его усмотрение предложение об отпуске колоколов в означенные приходы, демонтаж с закрытых храмов провести за счет просителей, с них же взыскать разницу в весе между сданными разбитыми колоколами и полученными целыми»³⁷⁰. Глава Рыбгубогуправа Клоков предложение одобрил³⁷¹, и приходам в ноябре того же года доставили 5 колоколов, снятых с закрытых храмов Рыбинска: Фроловский приют, Толгское подворье, городская богадельня, и тюремная церковь³⁷². За демонтаж 5 колоколов весом 178 пудов и доставку разбитых на 4-й механический Иваново-Вознесенский завод с приходов было получено 124 950 рублей³⁷³. Помимо этого, каждая община заплатила за разницу в весе, например, за колокола с Толгского подворья приход храма села Спас-Мякса по постановлению Михайловского

³⁶⁸ РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 277. Л. 7.

³⁶⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 164. Л. 10.

³⁷⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 164. Л. 12.

³⁷¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 164. Л. 13.

³⁷² РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 164. Л. 42.

³⁷³ РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 164. Л. 42.

должен был сдать 5 пудов сливочного масла и 20 пудов муки, а также 81 000 рублей в два этапа: 10 октября – 20 000 рублей и 10 декабря – 61 000 рублей³⁷⁴.

Летом 1922 г. завершился судебный процесс в рамках кампании по изъятию церковных ценностей над угличским и рыбинским духовенством. Параллельно с подробным освещением судебного процесса в прессе идут активные публикации об обновленческом церковном движении, всячески показывающие его лояльность новой власти на словах и на деле. Нельзя не отметить очевидную попытку показать населению, какая церковь занимает действительно «народную» позицию с точки зрения советской власти по отношению к помощи голодающим. Синхронность публикаций об обновленцах с нарастающим давлением на Православную Церковь достигает кульминации в день оглашения приговора. На той же странице, где размещен приговор Рыбинскому духовенству, публикуется призыв «инициативной группы прогрессивного духовенства Рыбинского викариатства»³⁷⁵ ко всем благочинным и пастырям Углича и Рыбинска в связи с «осуждением гражданским судом еп. Бориса и еп. Серафима»³⁷⁶ собраться для обсуждения создавшейся ситуации и для «высказывания своего отношения к новому церковному движению»³⁷⁷. На данной встрече ожидался и представитель высшего церковного управления. Встреча состоялась 31 июля, в президиуме были: Рудницкий, Гиляревский, Страхов, Закедский, Титов (противник обновленцев)³⁷⁸.

Позднее, в сентябре 1922 г., состоялось общее собрание рыбинского духовенства, созданное по инициативе Комитета рыбинской группы белого духовенства «Живая Церковь». На собрании присутствовали 17 человек: 2 протоиерея, 6 иереев, 1 протодиакон, 6 диаконов и 2 псаломщика (к примеру, на собрании общин города в декабре 1921 г. было 36 представителей, что позволяет предположить, что участвующих было минимум в четыре раза больше, чем на

---

³⁷⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 164. Л. 15.

³⁷⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 149.

³⁷⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 149.

³⁷⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 149.

³⁷⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р74. Известия. № 172 от 02.08.1922.

данном мероприятии). Среди прочего обсуждались пастырские курсы, от которых дипломатично, но довольно твердо отказывались представители церковных общин Рыбинска³⁷⁹, и теперь, видя, откуда исходила инициатива, понятно – почему. Живоцерковники настаивали на обязательности курсов для всех причтов церквей Рыбинска, не исключая и сверхштатных членов их. По предложению Н. Миролюбова принята следующая резолюция: «Только коллективный разум и коллективная воля может вынести нас на истинный путь обновления церковно-приходской жизни, а потому все должны быть активными участниками собрания и свободно» высказывать свои мысли³⁸⁰. В октябре того же года прошло очередное собрание под эгидой «Живой церкви» под руководством председателя данного общества протоиерея Владимира Закедского (брата священномученика Владислава Закедского). На собрании присутствовало 13 человек, включая вышеозначенного председателя и секретаря – священника Василия Оносовского. Обсуждались вопросы: о квартире для епископа, о встрече епископа, о церковной работе ближайшего момента³⁸¹.

В ноябре 1922 г. обновленцы от имени Рыбинского епархиального управления разослали по храмам требование «прекратить возношение за богослужением имени Патриарха»³⁸². Предлагалось возносить поминовение: «вселенские православные патриархи, высшее церковное управление, преосвящ. Филипп епископ Рыбинский, честное пресвитерство, во Христе диаконство, весь причт и люди». Помимо этого предлагалось представить списки священнослужителей, пострадавших при патриаршем управлении за свои революционные убеждения³⁸³.

На приходском уровне помимо вопросов, связанных с замещением вакантной Рыбинской кафедры, обсуждались текущие задачи церковной жизни. Перечень обсуждаемых тем создает впечатление если не стабильности

---

³⁷⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 122.

³⁸⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 153.

³⁸¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 156.

³⁸² РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 157.

³⁸³ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 157.

церковной жизни, то надежды на будущее. Помимо богослужебных вопросов, вполне серьезно обсуждалась необходимость преподавания Закона Божия и создание межприходских библиотек. Еще существовало общество хоругвеносцев, активно участвовавших в церковной жизни города.

Храмы все еще были полны молящимися. В Успенском соборе Мышкина постом причащалось 500–600 человек. В целом, власть все еще шла навстречу религиозной части населения, в частности, давая возможность получить приходам церковное имущество закрытых храмов.

3.3. Епархиальные и приходские события после окончания кампании по изъятию церковных ценностей. 1923–1924 гг.

Драматические изменения в социальном и материальном положении духовенства вынуждали клириков искать новые способы существования. Новый строй не признавал трудовой деятельности священства, при этом не отказывая в светском трудоустройстве. В рассматриваемый период многие нашли работу в различных советских учреждениях. Клириков, совмещающих в новых условиях служение с работой, можно было встретить во многих отраслях – от больниц до судов, где, в основном, занимаемые должности были связаны с делопроизводством и учетом³⁸⁴. Судя по всему, процесс трудоустройства клириков проходил отчасти стихийно, без контроля со стороны советской власти, так как только к началу 1923 г. по имеющимся документам, городские советы озаботились учетом списка служащих культа, работающих в светских учреждениях³⁸⁵.

В марте – апреле в печати разворачивается кампания с призывами к расправе над находившимся под арестом в Донском монастыре Патриархом Тихоном, выходят многочисленные статьи с заголовками: «Тихоновщину надо обезвредить», «Тихон Кровавый». При этом обновленческое движение

---

³⁸⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 273. Л. 8.

³⁸⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.

предпринимает на территории современной Рыбинской епархии ряд попыток по захвату православных храмов. На этом фоне в апреле 1923 г. ВЦУ открыло «2-й поместный всероссийский церковный собор»³⁸⁶. Собор открылся в Храме Христа Спасителя, его возглавлял так называемый митрополит Антоний Введенский в сослужении 8 епископов и 18 протоиереев. В организации и работе собора наблюдалась полная поддержка советской власти. В свою очередь, собор своими постановлениями старался воплотить все пожелания власти гражданской. Так, в постановлениях от 5 мая собор принял решение о переходе к григорианскому календарю: «Перейти с 12 июня 1923 года», причем было принято решение, вполне соответствующее духу времени: «С этого Воскресенья 21 мая соединить два последующих воскресенья и, кроме того, 10 июня уплотнить два воскресенья в одно»³⁸⁷. Днем раньше, 4 мая, собор принял постановление о святых мощах и суевериях: «Во избежание могущей быть и впредь фальсификации – предать их земле»³⁸⁸. Также было решено лишить Патриарха Тихона всех званий: «Отныне патриарх Тихон – мирянин Василий Белавин»³⁸⁹.

Для более полного представления о позиции обновленцев по отношению к Православной Церкви и взятой ими на себя функции рупора советской антиправославной машины рассмотрим кратко доклад Александра Введенского «О современном положении Православия». В своем выступлении «митрополит» дает общую характеристику положения христианства в современный исторический момент. Далее оратор описывает причины церковного разделения, которые лежат, по его мнению, во внутреннем состоянии Церкви, уходящем корнями еще в дореволюционное время. Здесь главной причиной упадка веры и религиозности как интеллигенции, так и простого народа Введенский видит в казенно-ведомственной церковности, корни которой, в свою очередь, лежат в подчиненности Церкви государству, превратившем ее в ведомство православного исповедания. Далее обновленческий «митрополит» развивает

---

³⁸⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 2. Д. 87. Л. 176–177.

³⁸⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 2. Д. 87. Л. 176–177.

³⁸⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 2. Д. 87. Л. 176–177.

³⁸⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 2. Д. 87. Л. 176–177.

свою мысль, говоря, что «Тихоновский раскол – только стадия внутреннего процесса расслоения нашей церковности»³⁹⁰. Это казенная Церковь, а те, кто стоят за Введенским – живое подлинное Православие, «которое всегда струилось в помутневшем потоке исторической церковности»³⁹¹. Далее, вполне логично соединив старую власть со «старой церковью», Введенский обвиняет последнюю и в поддержке свергнутой царской власти: «Источником вдохновения Тихоновских заправил является старая церковно-политическая идеология царского режима»³⁹². В том же духе оратор обвиняет и монастыри, которые по его словам «духом своим не здесь, а там, где сосредоточились последние могикане царизма – в заграничных белогвардейских штабах»³⁹³. И далее все в том же ключе, вполне соответствующем линии советской власти по отношению к Православной Церкви.

В июне был освобожден Святейший Патриарх Тихон, который сразу же обратился к пастве с воззванием о своем возвращении к управлению Русской Православной Церковью и о «признании ничтожными всех действий обновленческого ВЦУ и ВЦС». Спустя довольно короткое время началось массовое возвращение верующих из обновленчества в Православную Церковь, в которой, воспользовавшись относительным затишьем после освобождения Патриарха, шла интенсивная работа по восстановлению церковной организации.

27 апреля 1923 г. выходит инструкция Наркомата юстиции и Наркомата внутренних дел «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых». Основным новшеством было разрешение регистрировать религиозные объединения в форме обществ, что давало несколько больше прав по сравнению с двадцатками. Так, общество имело свой устав, для регистрации которого требовалось 50 человек.

Стоит отметить, что местами храмы были уничтожены, в связи с чем верующие, не имея возможности получить по закону в пользование здание

---

³⁹⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 106–109.

³⁹¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 106–109.

³⁹² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 106–109.

³⁹³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 106–109.

культы, вынуждены были собираться в частных домах или квартирах. Местами, несмотря на имевшиеся разрешения у верующих, милиция препятствовала таким собраниям, мотивируя это тем, что количество собравшихся менее 20 человек. Народ жаловался в ЦИК Калинин, и вскоре НКЮ и НКВД получили циркуляр, в котором данная практика отказов, если она не обусловлена конкретной опасностью собраний в контрреволюционном отношении или в отношении общественной безопасности, признана незаконной и противоречащей Декрету об отделении Церкви от государства³⁹⁴.

Попытка ликвидировать Церковь в прошедшие годы не дала желаемого результата, хотя и существенно ослабила силу сопротивления. В этой ситуации государство вынуждено было искать новые способы ослабления Православия.

В 1924 г. обновленчество предпринимает новые активные попытки по проникновению в православные общины. Конечно же, главной целью для обновленцев был Рыбинский собор. Наверное, не имея возможности получить собор напрямую, обновленцы надеялись взять общину изнутри. Достоверно не известно обо всех членах соборной общины, симпатизировавших обновленчеству, но в декабре на приходском собрании настоятель соборной общины К. Розов отверг предложение гормилиции о пересмотре ранее принятого решения об исключении двух бывших членов общины А. Н. Цехового и М. Н. Тихова. Милиция не зря пыталась добиться отмены исключения из общины этих двух граждан. По словам о. настоятеля «граждане Ар. Н. Цеховой и М. Н. Тихов не могут быть в общине: во-первых, они не состоят в религиозном единомыслии с нашей общиной, во-вторых, граждане Цеховой и Тихов состоят членами другой, так называемой обновленческой общины, что подтверждается изложением их взглядов в заявлениях об уходе из членов приходского совета. Гр. Цеховой состоял, а может быть и состоит членом и секретарем чуждого нам по религиозным воззрениям Обновленческого управления. Гр. Цеховой рядом письменных обращений от имени управления, в котором он состоит секретарем,

---

³⁹⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 109.

требовал с угрозами принять разделяемые им и его единомышленниками религиозное учение, чем и производил беспорядок и смущение в общине. Община не против оставления и приема гр. Цехового, но при условии его раскаяния в своих заблуждениях»³⁹⁵.

В мае 1924 г. обновленческие общины Рыбинска предпринимают попытку получить в свое пользование один из трех храмов, находящихся в пользовании православной Свято-Георгиевской общины, о чем было подано соответствующее прошение³⁹⁶. Для придания законности такому захвату советская власть поручила подотделу ЗАГС провести проверку состояния Всехсвятского храма. Поводом послужило заявление обновленцев о том, что данный храм находится в брошенном «безхозяйственном состоянии»³⁹⁷. Для проверки состояния храм был опечатан, что взволновало прихожан Георгиевской общины. В подотдел ЗАГС поступило заявление от церковного совета Георгиевской кладбищенской общины: «7-го августа Всехсвятский кладбищенский храм был опечатан. Причина не известна. Это нервирует Георгиевскую общину. На ней налог и страховка на этот храм. В храме совершается ежедневное богослужение. Поэтому просим ЗАГС указать причины опечатки»³⁹⁸. В течение недели общиной был получен ответ: «Храм опечатан на предмет исследования того как находящегося в зимний период в бесхозяйственном состоянии несмотря на то, что храм оборудован паровым отоплением»³⁹⁹.

По результатам проверки была составлена докладная записка на имя начальника городской милиции от заведующего подотделом ЗАГС Иванова, который и в этот, и в последующие разы старался придерживаться только фактов и действующего законодательства, не принимая во внимание политический подтекст поддержки советской властью обновленческого раскола. Им было

---

³⁹⁵ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 45.

³⁹⁶ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 23.

³⁹⁷ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 23.

³⁹⁸ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 28.

³⁹⁹ Р6Ф ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 29.

указано, что в заявленном обновленцами «безхозяйственном состоянии» Всехсвятский храм находится только зимой, тогда как теплый период «в нем каждый день совершается служба»⁴⁰⁰. Далее отмечалось, что внутри состояние храма оценивается как удовлетворительное, за «исключением левого придела, где штукатурка с потолка отлетела»⁴⁰¹. Также в отчете было указано, что крыша храма не окрашивалась с 1914 г., и краска совершенно исчезла. Помимо этого было неисправно и паровое отопление – что, по-видимому, и было причиной «безхозяйственного состояния» храма в зимний период – паровой котел находился в воде. Все эти недочеты трактовались проверяющими как «небрежность к народному достоянию и нарушение п. 4 и 7 договора»⁴⁰². При этом в отчете указывалось, что верующие, присутствующие при обследовании храма, заверили, что ремонт храма и крыши будет произведен в июле – августе 1925 г. В летнее время в храме бывает мало прихожан – всего 8–10 человек. Далее заведующий подотделом ЗАГС делает следующее заключение: «Ввиду изложенного со своей стороны полагал бы от передачи храма воздержаться до 1926 года. Передачу производить в случае, если не будет проведено ремонта храма в 1925 году. Епархиальному управлению предложить войти в согласие с данной общиной или же это вопрос поставить на ближайшем заседании президиума ГОРУИК-а, т. к. указанная община пользуется тремя храмами»⁴⁰³.

Несмотря на такое заключение, президиум ГОРУИК все же принял решение о передаче храма. 1 октября 1924 г. группа обновленцев Спасо-Преображенской и Никольской общины получают в пользование Всехсвятский храм в Рыбинске. Указом начальника рыбинской городской уездной милиции Громова уполномоченному ГПУ по Рыбинскому уезду приказано организовать передачу храма (Всех Святых) близ городской дачи за рекой Коровка вновь образовавшейся группе обновленцев. На момент передачи храм находился в

---

⁴⁰⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 23.

⁴⁰¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 23.

⁴⁰² РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 23.

⁴⁰³ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 23.

пользовании Георгиевской общины⁴⁰⁴. Группе обновленцев предлагалось «выбрать из среды верующих уполномоченных»⁴⁰⁵.

Накануне, 28 сентября, состоялось собрание членов обновленческой общины соборной и Спасской под новым названием Всехсвятской. Среди прочего были заблаговременно выбраны депутаты для приема Всехсвятского храма, а также решено пригласить для служения на открытие храма ярославского архиепископа Корнилия, для чего постановлено изыскать средства и помещения для его приема⁴⁰⁶.

Получив в пользование Всехсвятский храм, обновленческая община продолжала чинить препятствия священникам Георгиевской общины. Чувствуя поддержку властей во всех начинаниях, обновленцы обратились в городскую милицию с заявлением о запрете клирикам Георгиевской общины совершать требы на новом Георгиевском кладбище. Резолюция гормилиции была неожиданной. Проанализировав сложившуюся ситуацию, гормилиция пришла к выводу, «что Всехсвятская община желает посредством вмешательства местных адм. органов воспретить совершения служителям культа других общин религиозных предрассудков на указанном кладбище»⁴⁰⁷. Далее следует еще более неприятный для обновленцев вывод: «По соображениям надо полагать, что данная община ходатайствует о воспрещении совершать другими служителями культа на кладбище религиозных церемоний чисто из-за своих прибылей»⁴⁰⁸, которых, по данным милиции, общине не хватает на проведения ремонта и уплаты налогов. В заключении говорится, что удовлетворение данной просьбы было бы, с одной стороны, нарушением имеющейся инструкции Декрета об отделении Церкви от государства, а с другой – привело бы к возбуждению в среде верующих против существующих законоположений. Решением милиции предлагается оставить данный вопрос открытым, предупредив церковно-

---

⁴⁰⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 132. Л. 1.

⁴⁰⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 74. Л. 3.

⁴⁰⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 3.

⁴⁰⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 119. Л. 47.

⁴⁰⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 119. Л. 47.

приходской совет Всехсвятской обновленческой общины, «что в будущем за повторение такого ходатайства ни на что необоснованного будет привлечен к административной ответственности в установленном порядке»⁴⁰⁹.

Советская власть ввела разрешительную систему на любые собрания религиозных обществ. Необходимо было не только письменно уведомить о дате и повестке собрания и получить на него разрешение, но и предоставить протокол прошедшего собрания в милицию. «Благодаря» такой процедуре мы имеем возможность в деталях ознакомиться с приходской жизнью в 20-е годы прошлого века.

Тяжелым вопросом для приходов было повсеместное хулиганство со стороны подростков. Быстро впитывая призывы атеистической пропаганды того времени, с молчаливого, а может быть, и с вполне гласного одобрения властей, хулиганы порой просто терроризировали приходские общины. В октябре 1924 г. прошло собрание общины храма иконы Божией Матери Казанская. Первым и главным вопросом были «меры для ограждения храма от хулиганства мальчиков»⁴¹⁰. За лето в храме выбили два больших стекла над воротами, во время всеобщего бдения – стекло в храме. Дальше – больше: «Загажено крыльцо церкви человеческими испражнениями, сторож терроризирован»⁴¹¹. При этом, необходимо отметить, что руки у приходского совета были связаны, сделать что-либо с хулиганами не представлялось возможным. О заявлениях в милицию даже не шла речь. Община решает: «Во избежание озлобления хулиганов и их в будущем с их стороны мести, испробовать пока мирный путь воздействия на них, а в праздник Казанской на время Всеобщего богослужения поставить у храма двух человек для окарауливания»⁴¹².

К сожалению, хулиганство было не самой большой проблемой. Уже во время кампании по изъятию церковных ценностей многие храмы подвергались грабежам. Словно получив разрешение, воры по примеру властей набросились

---

⁴⁰⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 119. Л. 47.

⁴¹⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 4.

⁴¹¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 4.

⁴¹² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 4.

на иконы и оставшуюся утварь. Большинство приходов к этому времени были ограблены, многие – неоднократно. Все похищенное согласно договору об использовании храма и церковного имущества полагалось возместить заключившей договор общине. Так, 10 декабря была ограблена Спасская община. На приходском собрании 14 декабря было принято решение нанять двух сторожей для охраны в ночное время. Запрет на колокольный звон не давал возможности в случае ограбления подать сигнал тревоги и оперативно задержать воров. Община приняла решение обратиться в Рыбинскую гормилицию о разрешении отбивать часы колокольным звоном, как это разрешено для Георгиевского кладбища, а также разрешить в случае необходимости для скорейшего задержания воров набатный звон⁴¹³. Позднее были наняты два сторожа с окладом 360 рублей в год, для чего было сделано добровольное самообложение общины⁴¹⁴.

В Рыбинске церковная жизнь требовала общих решений с участием всех приходов города. С инициативой провести собрания всех приходских советов выступила община Рыбинских соборов, причем, как говорится в протоколе, «нужду в собрании признать неотложной»⁴¹⁵. Материальное положение приходов было крайне тяжелым. Перед храмами остро стоял вопрос обеспечения дровами. Каждый приход решал это по-своему, например, в Александропустынской общине было принято решение обеспечение дровами возложить на каждый дом прихода⁴¹⁶. В другой общине Рыбинска, Спасской, требовались средства на продолжение ремонтных работ в храме – промывке. Было принято решение работы производить, а для покрытия расходов продолжить тарелочный сбор⁴¹⁷. Та же община позднее, в декабре 1924 г., на приходском собрании снова вернулась к вопросу материального положения прихода. Не хватало денег на уплату налога, приходскому совету было поручено выяснить условия залога и

---

⁴¹³ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 22.

⁴¹⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 50.

⁴¹⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 12.

⁴¹⁶ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 7.

⁴¹⁷ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 9.

перейти к экономии, в том числе и электричества, сократив его потребление до той нормы, которую позволяют церковные средства⁴¹⁸. Тогда же община храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» Рыбинска на приходском собрании обсуждала вопрос об изыскании средств на ремонт храма. «Решили ввести добровольное обложение главы семейства ежемесячно в размере от 50 копеек до 1 рубля (284 члена общины) а кто может – и более»⁴¹⁹.

Несмотря на финансовые трудности, приходы старались сохранить оклады причта. Соборная община пригласила псаломщика Константина Ивановича Расторгуева с окладом от 15 до 20 рублей. При этом было решено приглашение регента в собор на свободное место оставить открытым до приезда Нечаева⁴²⁰. Приходы старались обеспечить священников жильем, и, хотя в Троицкой общине Александровской пустыни этот вопрос был отложен⁴²¹, сам факт постановления его на повестку дня говорит о многом. Примечательно, что эта же община на требование Ульяновского волостного исполнительного комитета предоставить церковный кирпич, постановила употребить кирпич на ремонт ограды и церкви⁴²².

Требовал материального содержания и хор. Введенская община приняла решение о прибавке жалования хору: «Плату назначит 60 руб в месяц и за отдельные праздники доводить из расчета 60 руб на один месяц»⁴²³. Тогда же было принято решение о вспоможении причту: «В виду крайне нужды и поступления холодов выдать единовременно пособие как-то: священнику 3 сажени дров, диакону 2 сажени и псаломщику 1/2 сажени»⁴²⁴. Обсуждались на приходах и вопросы об увеличении зарплат причту. Община села Петровское заслушала выступление старосты церкви и сторожа о прибавке жалования – старосте 5 рублей в месяц, сторожу – 7 рублей, диакону – 10 рублей⁴²⁵.

⁴¹⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 22.

⁴¹⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 142. Л. 25.

⁴²⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 15.

⁴²¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 40.

⁴²² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 40.

⁴²³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 52.

⁴²⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 52.

⁴²⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 54.

В обязанности приходов, по крайней мере, городских, входило содержание епископа. Так, соборная община Рыбинска на собрании постановила по вопросу об обложении городских церквей на содержание епископа – увеличить содержание епископа. При этом было принято решение отложить ремонт храма до весны⁴²⁶.

Епархиальная структура управления все еще сохраняла благочиннические советы. В декабре 1924 г. благочинный протоиерей Петр Рождественский запросил в Рыбинском уездном отделе просвещения разрешение на собрания 3-го благочиннического округа⁴²⁷. В январе 1925 г. на собрании округа под председательством благочинного протоиерея Петра Рождественского приняли решение о помощи сиротствующему духовенству. Для этого были разосланы подписные листы по благочинию. Было принято решение оказывать помощь только вдовам и сиротствующим округа⁴²⁸.

Несмотря на всеобщее давление на Церковь и верующих, некоторые общины продолжали расти. Так, в конце декабря приходской совет Николозадубровской церкви принял в члены общины 18 человек⁴²⁹.

Некоторые храмы для содержания облагали налогом всех членов общины. В конце декабря Софийская община на приходском совете постановила для изыскания средств на содержание храма, на уплату налога и на ремонт храма ежегодно с каждого верующего собирать по три рубля в три срока: 1 января, 1 марта, 1 сентября. Там же было решено ходатайствовать перед исполкомом о приобретении колоколов из других общин во временное пользование⁴³⁰.

В последующие два года после повсеместной атаки на Церковь в рамках кампании по изъятию церковных ценностей мы видим резкое ухудшение положения Русской Православной Церкви. Клирики вынуждены искать работу в светских учреждениях, что пока еще было возможным. Храмы подвергались

---

⁴²⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 43.

⁴²⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 26.

⁴²⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 28.

⁴²⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 59.

⁴³⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 48.

постоянным хулиганским нападкам, остававшимся безнаказанными. После изъятия началась волна грабежей храмов, лишивших их последней утвари, икон и даже облачений, причем украденное имущество община обязана была возместить государству.

Материальное положение приходов становилось крайне тяжелым, трудновыполнимой для многих становилась выплата налога, жалованья, даже обеспечение дровами. Выходом из такого положения оставалось добровольное самообложение – на плечи прихожан ложилась все более и более тяжелая ноша. При этом местами еще сохранялись оплачиваемые хоры, собирались средства на содержание епископа.

Второй угрозой церковной жизни было обновленчество, которое особенно активизировалось после ареста Патриарха Тихона. В прессе развернулась травля Патриарха с прямыми призывами к физической расправе над ним. В 1924 г. в Рыбинске было предпринято несколько попыток захватить православные храмы. Одну из них – изнутри – в Рыбинском соборе удалось предотвратить, несмотря на давление властей, исключив из членов общины двух обновленцев. Вторая – внешняя – оказалась для обновленцев успешной. После череды прошений власть отдает им один из трех храмов Георгиевской общины – Всехсвятский, что за рекой Коровка. При этом стоит отметить, что иногда власть проявляла и вполне взвешенный юридический подход в конфликтах между православными и обновленцами. Дальнейшие попытки обновленцев по препятствию православным клирикам отправлять требы на кладбище при Всехсвятском храме оказались безуспешными, власть указала на незаконность таких притязаний.

3.4. Епархиальная и приходская жизнь в период местоблюстительства. 1925 г.

7 апреля (25 марта по ст. ст.) скончался Святейший Патриарх Тихон. Лишившись своего предстоятеля, Русская Православная Церковь, не без «помощи» советской власти, вступила в период еще более глубокого

управленческого кризиса, усугубляемого внутрицерковным разномыслием по вопросу местоблюстительства. Вскоре благочинным Рыбинска, по приходам были разсланы разъяснения о местоблюстительстве: «По благословению Святейшего Тихона (усопшего) место патриаршего блюстителя состоит Петр Митрополит Крутицкий. Формула поименования: "господина нашего патриаршего местоблюстителя Петра митрополита крутицкого и коломенского, Высокопреосвященства Агафангела митрополита ярославского и ростовского Высокопреосвященнейшего Серафима архиепископа". И так далее»⁴³¹.

Приходские общины всеми силами старались сохранить храмы если и не в былом их виде, то хотя бы сделать все возможное для поддержания чистоты и порядка. Все это требовало материальных средств, которых не хватало. Вместе с этим деньги требовались и на содержание причта и хора. Введенская община на своем собрании в феврале 1925 г. принимает решение довести оплату хора до 80 рублей, а с наступлением летнего времени, если доход уменьшится, иметь право сумму понизить. При этом главным источником оплаты хора признать желательным самообложение, так как финансовое положение прихода не позволяло обеспечить озвученную сумму оплаты⁴³². С течением времени финансовое положение приходов, да и прихожан становилось все хуже. Самообложение либо сокращалось, либо становилось недостаточным. Казанская община в мае 1925 г. постановила «в виду скудости церковных средств и прекращения на сей счет добровольных пожертвований» хор сократить и сумму их содержания свести до самого минимума⁴³³.

Требовались средства и для ночных сторожей, причем власти считали возможным указывать общинам на недостаточность жалования последних, как это было в Воскресенско-Тихоновской общине, которая в марте на собрании обсуждала вопрос об отношении Союза транспортных рабочих о недостаточности жалования сторожа, которое должно быть увеличено до 28 руб.

---

⁴³¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 197.

⁴³² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 94–95.

⁴³³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 169.

50 коп. в месяц. Приходской совет постановил, что, не имея такой суммы, сторожа рассчитать «причем по ставкам Союза»⁴³⁴.

Налоги, взимаемые властями, так же в большинстве случаев не могли финансироваться из приходских доходов. К примеру, в марте Спасская община постановила ввести самообложение для оплаты налога на церковные строения за первое полугодие в сумме 96,88 рублей. При этом на том же собрании обсуждался вопрос о приеме оконченного ремонта в храме, который признан приходским советом вполне удовлетворительным, а мастеру Балину было выдано рекомендательное письмо за добросовестность выполнения работ⁴³⁵.

Следя за убранством храмов и заботясь о внешнем ходе богослужения, приходские советы не оставляли без внимания и благочиние богослужений. На мартовском собрании Спасской общины обсуждался вопрос о выработке инструкции благочиния богослужения и отношений между причтом. Причиной столь необычной повестки стали неоднократные случаи нарушения благочиния богослужений, приводящие в смущение верующих, каковыми, например, были резкие открытые замечания от настоятеля храма В. Всехсвятского младшим членам причта. Отец настоятель произносил замечания в грубой оскорбительной форме перед лицом верующих, производя «хождения между верующими, разговоры во время богослужений»⁴³⁶. В духе времени совет принимает решение для предупреждения подобных явлений в будущем – поставить о. настоятелю на вид допущенные беспорядки, нарушающие церковное благочиние и ненормальное обращение с младшими членами причта. Как наказание совет не видит возможным выдачу о. настоятелю квартирного и других пособий, отпускаемых за счет церковных средств, о чем он ранее был словесно предупрежден казначеем Девяткиным⁴³⁷. Для укрепления церковного благочиния в будущем необходимо предупреждать церковный совет о приглашении посторонних священнослужителей, всем же членам совета принять

---

⁴³⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 134.

⁴³⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 132.

⁴³⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 132.

⁴³⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 132.

непосредственное участие в сохранении во время богослужений полного порядка. Обсуждался также вопрос о распределении облачений на праздничные дни; принято решение поручить приготовление необходимых облачений на праздничные дни монахине Анне (Михайловой)⁴³⁸.

В апреле Община Рыбинских соборов на собрании утвердила в должности председателя приходского совета действующего настоятеля протоиерея К. Розова. Несмотря на необходимость ремонта, ввиду отсутствия средств, вопрос был оставлен открытым. Община готовилась к грядущим Страстной и Пасхальной седмицам, постановив порядок богослужений оставить прежним, а настоятелю поручить выяснить с хором вопрос о пении в эти седмицы. Также единогласно принято решение пригласить на богослужения епископа⁴³⁹. В продолжение подготовки к святым дням совет соборной общины направил начальнику Рыбинской гормилиции запрос на разрешение на крестный ход и звон:

«Четверг 16 апреля звон в 3ч. утра.

Пятницу 17 апреля ход между 2ч. и 4ч.д. из собора в Казанский храм и обратно по ул. Урицкого/вынос Плащаницы/.

Субботу 18.04 звон в 3ч. ночи и крестный ход вокруг собора.

Воскресенье 19 апреля звон в 2 ночи и крестный ход вокруг храма.

Понедельник 20.04 крестный ход вокруг храма.

Вторник то же.

Среда то же»⁴⁴⁰.

Все так же остро стоял вопрос о детском хулиганстве. Казанская община Рыбинска на приходском собрании в мае 1925 г. постановила обратиться «с просьбой воздействия к родителям на своих детей, а если мера не подействует, то о тех хулиганах, относительно действий которых будут иметься свидетели, сообщить гражданским властям»⁴⁴¹.

⁴³⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 132.

⁴³⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 156.

⁴⁴⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 162.

⁴⁴¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 169.

31 января 1925 г. Святейший Патриарх Тихон резолюцией № 743 удовлетворил прошение епископа Рыбинского викариатства Гервасия (Малина) о добровольном уходе на покой. В викариатстве прошли собрания благочиннических округов, на которых были проведены выборы епископа на Рыбинскую кафедру. 5-й благочиннический округ единогласно избрал на Рыбинскую кафедру епископа Серафима (Силичева), бывшего Сызранского⁴⁴².

30 апреля 4-й благочиннический округ (благочинный – священник Алексей Захаровский) под председательством священника Константина Орликова также единогласно избирает на кафедру епископа Серафима⁴⁴³.

Тем временем группа верующих, возглавляемая уже бывшим епископом Гервасием, не сидела сложа руки. 23 апреля прошло совместное собрание инициативной группы, поддерживающей епископа Гервасия, и Спасской общины. Главной темой было предоставление епископу Гервасию и Инициативной общине для богослужения Спасского храма. От инициативной группы выступил гр. Любимов, заявив о собрании общины верующих и сборе подписей о восстановлении в правах епископа Гервасия и предоставлении ему для служения Спасского нижнего храма, на что Спасский приходской совет ответил, что это неправомерно без мнения всех членов Спасской общины⁴⁴⁴.

В первых числах мая инициативная группа получила государственную регистрацию. Для поддержки вновь зарегистрированной общины в ее претензиях на Спасский храм к делу подключилась гормилиция: «Начальнику Рыбинской милиции. 5.5.1925. На днях зарегистрирована вновь образовавшаяся община православных верующих во главе с епископом Гервасием коим предоставлен в пользование Спасский храм совместно со Спасской общиной. В виду разногласий, которые могут привести к нарушению общественного спокойствия среди верующего населения, Административный отдел предлагает вам:

---

⁴⁴²РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 152.

⁴⁴³РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 240.

⁴⁴⁴РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 177.

– Предложить приходским советам обоих спасских общин в самый кратчайший срок на совещании устранить все эти ненормальности.

– При невыполнении требований запросите мотивированные объяснения по существу споров и представьте со своим заключением на разрешение в Губ. Адм. Отдел.

– Попутно со своей стороны примите все зависящие от вас меры к устранению возникающих на данной почве случаев нарушения общественного порядка и взаимных посягательств со стороны религиозных обеих общин. В случае воспрепятствования выполнения рел. обязанностей привлекать ответственных к судебной ответственности по соответствующим статьям УК»⁴⁴⁵.

Данные указания были исполнены полностью, даже с избытком. Уже в августе договор с православной Спасской общиной был расторгнут, для нее начались мытарства по инстанциям в попытках вернуть государственную регистрацию и храм. Инициативная же группа на правах полноценных хозяев подписала новый договор с гражданской властью. Стоит отметить, что в своем уставе Инициативная община именовала себя православной, в ее состав входило 428 человек. Договор подписали уполномоченные от лица верующих: Вдовин, Тютин, Ильин, Пудовая, Кокорина, Рагозин⁴⁴⁶. В уставе обновленческой религиозной общины официально называемой как «Никольская и Спасская община при церкви Нерукотворного Образа Спасителя в городе Рыбинске (ул. Пушкина, Радищева и Бородулина)» в задачах помимо прочего написано: «Считаем нравственно обязательным постановления 2-го Всероссийского Поместного церковного собора 1923 г. и распоряжения, исходящие от Священного синода Российской Православной церкви, признанного административным Ея органом НКЮ Российской Республики»⁴⁴⁷. Подписи под уставом поставлены: председатель Рыбинского Епархиального Управления

---

⁴⁴⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 132. Л. 47.

⁴⁴⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 209. Л. 2.

⁴⁴⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 1.

епископ Сергей. Уполномоченный Священного Синода протоиерей Василий Оносовский⁴⁴⁸.

В сентябре 1925 г. приходы получили циркуляр от православного (впервые появляется в официальных документах) рыбинского викариатства. В данном циркуляре была представлена копия указа бывшему епископу Рыбинскому Гервасию от местоблюстителя митрополита Крутицкого и Коломенского Петра, объясняющего причины «ухода» последнего на покой. «Волею святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона, в январе месяце 1925 года вы были уволены на покой. Вскоре после этого вы подали на имя Святейшего патриарха покаянное прошение с просьбой о прощении. Святейшим патриархом Тихоном положена резолюция, по коей Вы, в порядке Патриаршей милости, прощены с предложением, ради мира церковного, воздержаться от совершения Богослужений в церквях г. Рыбинска и Рыбинского викариатства. Между тем, вы, вопреки патриаршей воле, дерзнули, разорять Церковный мир, совершать Богослужение. Осведомленные об этом, а также о вашем настойчивом желании служить в Спасской церкви г. Рыбинска, мы снова предупредили вас удержаться от этого, указав на опасность быть запрещенным в священнослужении не только Вам самому, но и тем, кто будет участвовать с Вами в богослужении. Однако вы и на сей раз не вняли нашему призыву. Далее правилами соборов мы сочли ныне необходимым запретить Вас в священнослужении в пределах всей Российской церкви до канонического суда над вами. Что же касается клириков, дерзающих Вам сослужить, то таковые должны быть запрещаемы со стороны ближайших Православных Епископов. Патриарший местоблюститель Митрополит Петр. Москва 2 сентября 1925 года. С подлинником верно Благодочинный Викариатства»⁴⁴⁹.

Несмотря на это, 1 ноября 1925 г. прошло собрание Инициативной церковной общины при Спасской церкви в присутствии более 120 человек, где

⁴⁴⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 1.

⁴⁴⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 198.

«на службу в храм приняты: настоятель епископ Гервасий, прот. Владимир Закедский, прот. Михаил Богородский, диакон Дмитрий Пухальский». Помимо этого обсуждался богослужебный вопрос – «Богослужебная сторона находится в надежных руках и лучшего там делать нечего» – и материальный. По последнему вопросу принято решение поправить положение ежемесячным небольшим самообложением. «Самыми большими статьями расхода являются оплата хора и протодиакона, в зимнее время к этому прибавляются расходы на дрова и электричество. Свечи и тарелочный сбор покрывает лишь половину вышеупомянутых затрат»⁴⁵⁰.

«Добровольный» уход епископа Гервасия похоже застал врасплох местные власти. Собранные один за другим благочиннические советы единогласно избирали на освободившуюся кафедру епископа Серафима Сызранского. Дело дошло до прямого указания на запрет собраний или обсуждения на них вопроса выбора нового епископа. 11 мая 1925 г. 3-й благочиннический округ постановил: «Желательно иметь епископа Серафима как зарекомендовавшего себя служением в г. Рыбинске»⁴⁵¹. Три дня спустя 2-й благочиннический округ единогласно избирает епископа Серафима⁴⁵². Рыбинская милиция получила указание доставить в управление милиции подписи от всех церковно-приходских общин о том, «что всякие хождения по домам с целью собирания подписей под всевозможными приговорами, связанные с религиозными вопросами и перемещений служителей культа последние, т.е. представители культа, производить не будут»⁴⁵³. Всех председателей приходских общин г. Рыбинска было приказано в суточный срок вызвать в управление милиции не позднее 21 мая. Каждому была вручена повестка под подпись⁴⁵⁴. Накануне пришло распоряжение не давать приходу Тихвинской кладбищенской церкви ставить на собрании вопрос об избрании

---

⁴⁵⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 2. Л. 11.

⁴⁵¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 75. Л. 255.

⁴⁵² РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 75. Л. 249.

⁴⁵³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 219.

⁴⁵⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 216.

нового епископа⁴⁵⁵, а на следующий день в гормилицию пришло указание и вовсе не давать разрешение на собрания кладбищенской общины⁴⁵⁶.

25 мая от уполномоченного ЯрГООГПУ по Рыбинскому уезду начальнику Рыбинской городской милиции пришла телеграмма с грифом «Сов. Секретно»: «Возвращая при сем заявление Соборной Общины сообщается, что вопроса о выборе нового епископа на собрании таковым не разрешать, руководствуясь нашим отношением № 1156 от 20/У и в будущем»⁴⁵⁷.

Несмотря на давление властей светских, власти церковные, которыми в отсутствии епископа явились, судя по происходящим событиям, благочиннические округа, сумели скоординировать и провести приходские собрания во многих храмах. Некоторые из них не только выбрали епископа Серафима Сызранского, но и как, например, приход села Никольского на реке Шексна, прислали в милицию помимо протокола собрания еще и просьбу о регистрации вновь избранного владыки⁴⁵⁸. Стоит отметить, что советская власть на примере этих и последующих событий поняла существенную роль благочиннических округов в церковном управлении, и они вскоре были упразднены.

Продолжались собрания приходов с повесткой дня об избрании нового епископа. 28 мая Иверская община села Александровское Октябрьской волости «единогласно постановила духовного руководителя собрания общины Гервасия епископа Рыбинского из списка исключить, и внести в список общины Серафима епископа Рыбинского»⁴⁵⁹. Спасская община в июне на своем собрании обсуждала вопрос уплаты налогов, было принято решение поручить совету изыскать средства. Также обсуждался вопрос о выборе епископа, со ссылкой на «параграф 2 устава 916 инструкции и порядка регистрации религиозных обществ

---

⁴⁵⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 213.

⁴⁵⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 212.

⁴⁵⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 210.

⁴⁵⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 241.

⁴⁵⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 235.

– избрать Серафима»⁴⁶⁰. 21 июня на собрании церкви села Иванова община единогласно избирает епископом Серафима⁴⁶¹.

Несмотря на противодействие властей выборы епископа прошли в большинстве приходо́в. В начале сентября свое мнение в пользу епископа Серафима выразила Всехскорбященская община: «Взамен добровольно отказавшегося гр. Григория Малина (еп. Гervasия) избрать гр. Леонида Кузьмича Силичева (еп. Серафима). Постоянное местожительство признать г. Рыбинск»⁴⁶². К сентябрю владыка все еще не имел разрешения от властей на свободное пребывание в Рыбинске. 6 сентября Иверская община села Александровское Октябрьской волости обратилась к благочинному протоиерею Константину Розову «принять на себя хлопоты по разрешению вопроса о постоянном пребывании еп. Серафима в г. Рыбинске»⁴⁶³. На прошедшем в сентябре собрании Соборная община под председательством прот. Константина Розова принимает решение пригласить епископа Серафима на крестный ход 27 сентября, «а так же признать необходимым его постоянное пребывание в г. Рыбинске как избранного всеми главы церкви. Вместе с другими общинами обратиться к гражданским властям с просьбой выдачи разрешения на свободное пребывание в г. Рыбинске епископа Серафима»⁴⁶⁴.

Тем временем, заручившись поддержкой властей в вопросе получения Всехсвятского храма в свое пользование, в начале февраля 1925 г. обновленцы от лица церковного управления обратились к властям города с просьбой передать в пользование обновленческой «Всехсвятской» религиозной группы еще два храма, находящихся в пользовании православной общины Старо-Георгиевского кладбища. 26 февраля данное обращение было рассмотрено подотделом ЗАГС, который вернул его со следующими – неожиданными для обновленцев – заключениями⁴⁶⁵:

⁴⁶⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 309.

⁴⁶¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 314.

⁴⁶² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 389.

⁴⁶³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 391.

⁴⁶⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 373.

⁴⁶⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 6–7.

1. Ссылаясь на инструкцию НКЮ И НКВД от апреля 1923 г., где сказано, «что культовое имущество передается в случае, если в состав общины той или другой входят не менее 50 человек верующих», заведующий подотделом ЗАГС указывает, что в рассматриваемом заявлении указаны 27 членов обновленческой общины из 60 зарегистрированных, «т. е. половина ни о чем не знает»⁴⁶⁶. Причем, как сказано в данном заключении, «в 1924 году этой группе обновленцев был передан ранее находящийся в пользовании религиозной группы Старо-Георгиевского кладбища Всехсвятский храм (1.10.1924 года акт о передаче – 9), что на Ново-Георгиевском кладбище»⁴⁶⁷.

2. В поданном заявлении обновленцы указывали на «неделимость этих храмов, и тесную связь общим хозяйством»⁴⁶⁸, на это подотдел ЗАГС рекомендовал указать церковному управлению обновленцев, «что в каждом храме есть свое управление, что и в тот и в другой храм ходят свои прихожане, совершающие свои религиозные обряды каждый в своем храме в отдельности и на каждый храм существует отдельная опись имущества»⁴⁶⁹.

3. Также обновленцы в своем заявлении снова выражали недовольство, что священники Георгиевской общины совершают требы на Ново-Георгиевском кладбище, на что было резонно указано, что «кладбище находится не в ведении Обновленческой группы, а в ведении Коммунального отдела. Что указывает на то, что обновленческая группа должна снять свои претензии и не запрещать религиозной группе Старо-Георгиевского кладбища и Ея служителям культа совершать те или иные религиозные обряды на кладбище»⁴⁷⁰.

4. Далее была приведена обширная ссылка на инструкцию НКЮ и НКВД от 19 ноября 1923 г. п. 7: «все церковные и религиозные общества не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от его местных автономных или самоуправляющихся становлений. Вследствие

---

⁴⁶⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 6–7.

⁴⁶⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 6–7.

⁴⁶⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 6–7.

⁴⁶⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 6–7.

⁴⁷⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 6–7.

этого запрещается всем Государственным учреждениям путем административного вмешательства поддерживать какой-либо культ или рел. группировки в ущерб другим культам или рел. группировкам»; п. 8: «ни одна рел. организация не имеет права вмешиваться как власть имущая в деятельность какой-либо другой рел. организации против ее воли; назначать неугодных ей служителей культа, отбирать от нее поставленные в ее пользование местным исполкома здания и т.п.». При этом, как отмечает заведующий подотделом ЗАГС, «религиозная группа Старо-Гергиевского кладбища пользуется храмами и прочим культовым имуществом по договору от 1918 года»⁴⁷¹.

5. Исходя из всего вышесказанного, ходатайство церковного управления (обновленцев) квалифицировалось как попытка добиться своих целей «посредством вмешательства местной власти без согласия на то самих верующих обеих общин, что в корне противоречит существующим законоположениям об отделении церкви от государства»⁴⁷².

6. В заключении была наложена следующая резолюция: «Ввиду изложенного, со своей стороны, полагал бы воздержаться от передачи двух храмов церковному Управлению (обновленцев), в противном случае поставить вопрос на президиуме РыбГорУисполкома»⁴⁷³.

Помимо жизненно важного вопроса избрания епископа на вакантную Рыбинскую кафедру, приходы продолжали жить повседневными заботами, среди которых материальные вопросы занимали не последнее место. В мае на собрании Георгиевско-кладбищенской общины обсуждался вопрос о вспомоществовании причту. Совет постановил не получающим (а значит, были и такие) «ежемесячно выдавать по 3 рубля, а ранее получившим придти за прибавкой по окончании ремонта»⁴⁷⁴. Оплата, точнее ее повышение, требовалось и хору, но здесь приход постановил: «Условия, представленные регентом

---

⁴⁷¹РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 6–7.

⁴⁷²РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 6–8.

⁴⁷³РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 6–8.

⁴⁷⁴РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 239.

Андреевым, совет признает неприемлемыми, со своей стороны, совет постановил плату регенту 30 руб. в месяц, певчим 100 руб. ежемесячно. При этом регент должен принимать во внимание при богослужении указания причта в целях выполнения церковного устава»⁴⁷⁵.

Весной 1925 г. началась кампания по выявлению сект. При этом в милицию из административного отдела Ярославского губисполкома поступило распоряжение о проведении данной кампании «секретно, без привлечения внимания»⁴⁷⁶. К середине мая поступили первые сведения: в Рыбинске выявлены евангелисты, в Некрасовской волости евангелисты, в Калининской – баптисты, в Арефинской – староверы, в Союзной – евангелисты⁴⁷⁷. Среди прочего отмечалось, что секта евангелистов отказывалась принципиально признать возможным несение воинской службы в рядах Красной армии. В качестве меры воздействия было выбрано отказать членами данной секты в регистрации, «указав, что не признание ими военной службы влечет отказ от регистрации и надлежащие последствия»⁴⁷⁸.

Учет вполне возможно был проведен для проведения отдельной политики в отношении сектантов, возможно более мягкой, чем к Православной Церкви. Данный подход мог подразумеваться в рамках политики «религиозного НЭПа», по терминологии некоторых историков, взятой из слов Льва Троцкого. Необходимо отметить, что и ранее политика в отношении сектантов, к примеру, протестантских групп, была более мягкой. Данным направлением ведал Оркомсект при ВЦИК, возглавляемый П. Г. Смидовичем. Общины протестантского толка имели возможность выпускать периодические издания, создавать молодежные союзы, а с конца 1919 г. стали создаваться первые колхозы крестьян-протестантов, имевшие возможность получать государственные кредиты и льготы⁴⁷⁹.

⁴⁷⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 239.

⁴⁷⁶ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 132. Л. 30–35.

⁴⁷⁷ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 132. Л. 46.

⁴⁷⁸ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 132. Л. 94.

⁴⁷⁹ *Неживых Н. А.* Отношение советской власти к протестантским организациям в 1919–1925 гг. // *Лютеране в Сибири* : Сб. ст. Омск, 2000. С. 262–266.

Весной 1925 г. все исполкомы получили от председателя городского уездного исполнительного комитета напоминание о порядке закрытия церквей. Данная бумага скорее предостерегала от такого шага, чем стимулировала его, что отражает все еще осторожное отношение власти к религиозному чувству народа. Документ строго запрещает закрытие храмов без утверждения таких решений губисполкомом. Закрытие храма может иметь место только в следующих случаях:

«Если в данной местности ощущается острый недостаток в помещениях для жилищных, санитарно-медицинских, культурно-просветительских и т. п. целей, причем оказывается, что закрываемый храм **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** может быть использован для соответствующего учреждения при наличии хотя бы некоторых приспособлений». «Если это отвечает запросам трудящихся масс в форме многочисленных заявлений». «При закрытии храмов тщательно должны быть приняты во внимание религиозные интересы верующих, их привычки и обычаи. Расторжение договора с группой верующих может иметь место только при участии церковной группы в контрреволюционных выступлениях, злоупотребление или растрата церковного имущества, неуплата налогов. При расторжении договора здание передается другой более благонадежной или исправной группе верующих»⁴⁸⁰.

Количество грабежей церковного имущества в 1920-е годы резко увеличилось. Часть, хотя и малая, все же возвращалась в храмы. Так, в Спасскую церковь в июне были возвращены предметы утвари, украденные ранее. На приходском совете принято решение реставрировать их в полном составе⁴⁸¹.

Георгиевская кладбищенская община неоднократно подвергалась нападению грабителей. В ночь с 30 на 31 декабря 1924 г. были украдены: оклад, ковчег, трехсвечник и лом цветных металлов⁴⁸². Позднее был украден подризник, платы. В сентябре 1925 г. украдены: занавес, платок с престола⁴⁸³. В октябре

---

⁴⁸⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 132. Л. 58.

⁴⁸¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 132. Л. 309.

⁴⁸² РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 41.

⁴⁸³ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 44.

снова кража – ковчезцы, чаши, кордецы, антиминос и одна лампада⁴⁸⁴. В ночь с 30 на 31 января злоумышленники проникли в храм и не погнушались украсть восемь облачений. Позднее, в марте того же года, были украдены 20 облачений, в том числе с жертвенника и престола⁴⁸⁵. На примере этой хроники создается впечатление, что храмы после изъятия ценностей были просто отданы на разграбление, причем выносилось все, что могло использоваться в богослужении, словно грабители ставили своей целью довести храмы до полного разорения, уничтожить любую мало-мальски оставшуюся красоту убранства храмов.

Для поддержания церковных зданий требовались средства и немалые. В сентябре 1925 г. Иверская община села Александровское Октябрьской волости на приходском собрании отчиталась о произведенном ремонте кровли. Общая сумма затрат составила 310 рублей, из них приход затратил 65 рублей, 106 рублей было собрано по подписному листу, оставшиеся деньги пожертвовал Х. С. Буренин⁴⁸⁶.

Власть довольно строго контролировала состояние «переданного» имущества. В рассматриваемый период не было обнаружено ни одного случая расторжения договоров с общинами из-за ненадлежащего состояния храмов, но позднее, в 1930-х годах это будет одним из основных поводов для закрытия храмов. Скорее всего, в 1920-х годах у общин еще имелись какие-то средства для ремонта, другое дело, что часто они проводились без согласования с властями, что также вызывало нарекания. Хотя это можно вполне объяснить положением об «отделенности» Церкви от государства, которое понималось многими как самостоятельность. Со стороны властей такие действия воспринимались как «самовластие со стороны общин над народным имуществом»⁴⁸⁷.

В августе 1925 г. по распоряжению рыбинского городского уездного исполнительного комитета было проведено обследование 79 храмов по 9

---

⁴⁸⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 46.

⁴⁸⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 40.

⁴⁸⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75. Л. 373.

⁴⁸⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 4.

волосям⁴⁸⁸. Среди прочего отмечалось, что общины не знают договоров и своих обязанностей. Вменялась в вину и плохая охрана церковного имущества, что «доказывают кражи из церквей почти на 100 %, и специально из серебряных предметов»⁴⁸⁹. Достоверно проверить сохранность имущества было тоже непросто, так как «ни одна община не завела инвентарной книги»⁴⁹⁰. Почти во всех храмах по результатам осмотра отмечалась необходимость ремонта: «В некоторых крыши худые, текут, давно не крашены, штукатурка как внутри зданий, так и снаружи облупилась»⁴⁹¹. Для некоторых храмов предписывался осмотр специальной технико-инженерной комиссией в виду их ветхости. В конце отчета составитель сетовал на отсутствие на местах «надзора за переданным народным имуществом»⁴⁹², приводя в пример село Кривец Волжской волости, где «председатель сельсовета совершенно отказался присутствовать при этом, мотивировав тем, что церковь от государства отделена, а посему мы и не должны вмешиваться в церковные дела. Да и нечего там взять, так как все похищено. Вот смотрят как отдельные представители на местах на церковь»⁴⁹³.

Помимо состояния храмов и других зданий, в отчете отмечалось антисанитарное состояние на кладбищах, «кроме того на чердачных помещениях, так и в ярусах колоколен обнаружено в нескорых масса птичьего помета, не убиравшегося несколько лет»⁴⁹⁴.

На основании таких обследований храмов некоторым приходам выдавались строгие предписания о необходимости проведения ремонтов. Так, в ноябре 1925 г. Воздвиженский храм Рыбинска получил предписание о проведении необходимого ремонта храмов и о составлении в двухнедельный

---

⁴⁸⁸ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 4.

⁴⁸⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 4.

⁴⁹⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 4.

⁴⁹¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 4.

⁴⁹² РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 4.

⁴⁹³ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 4.

⁴⁹⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 4.

срок описи церковного имущества⁴⁹⁵. При этом с приходского совета была взята подписка о проведении указанных работ, в случае неисполнения которых будет ставиться вопрос о расторжении договора⁴⁹⁶.

Схожее заключение получила и община села Коприно, насчитывающая 820 человек⁴⁹⁷: «Рассмотрев акт обследования церкви села Коприна Глебовской волости, Рыбинского уезда, от 24 сент. 1925 года, Комиссия находит: что со стороны общины нарушается п. 4 договора от 1919 г., т. е. не производится необходимого ремонта храма, колокольни и окраска крыши. На чердаке в кладовке находится металлический лом и др. предметы – нигде на учете не состоят. Что народное имущество в ночное время общиной не охраняется и имеющаяся сторожка не застрахована и не страховалась»⁴⁹⁸.

На этом основании общине предписывалось в строительный сезон 1926 г. выполнить необходимый ремонт храма, колокольни и покраску крыши, взять на учет всё культовое имущество, для каковой цели завести книгу об имуществе и застраховать сторожку. Наблюдение за исполнением данного предписания возложено на Глебовский волисполком. Касательно отсутствия должной охраны общине было сделано предупреждение, «что за непринятие мер охраны в ночное время за имуществом, в каждом отдельном случае последняя будет отвечать за похищенное, вплоть до расторжения договора»⁴⁹⁹.

Середина 1920-х годов стала для Русской Православной Церкви еще одной вехой тяжелых испытаний. Потеряв своего Предстоятеля, Церковь вступила в нелегкое время местоблюстительства. Материально положение продолжало стремительно ухудшаться, сохранение храмов и их охрана требовали все большего самообложения. Также собирались средства для вспоможения находящегося в бедственном положении причта.

---

⁴⁹⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 30.

⁴⁹⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 34.

⁴⁹⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 32.

⁴⁹⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 35.

⁴⁹⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 35.

При этом общины следили за благочинием богослужений, невзирая на лица, как это было в Спасской общине, где настоятелю было сделано общественное порицание. В целом, богослужениям старались придать торжественность, поддерживая в должном состоянии хоры, приглашая епископа, совершая крестные ходы с колокольным звоном.

С запрещением в служении епископа Гервасия вокруг него сплотилась община обновленческого толка, именовавшая себя Инициативной. Получив поддержку от властей, Инициативная община сумела получить государственную регистрацию и впоследствии Спасский храм в единоличное пользование.

На этом фоне по всем приходам шло единогласное избрание на вакантную кафедру епископа Серфима (бывшего Сызранского). Власти всячески старались этому воспрепятствовать, запрещая поднимать данную тему на приходских собраниях. При этом власти все еще соблюдали некоторую осторожность по отношению к Церкви. Местным властям пришлось напоминание о недопустимости закрытия храмов без действительно веских причин. В то же время власть строго следила за находящимся в пользовании верующих народным достоянием, проводя постоянные проверки состояния храмов, на основании которых приходы получали предписания о необходимых ремонтных работах.

Помимо Православной Церкви, советская власть не забывала и о сектантах. Весной местные органы милиции получили предписание о кампании по учету сект на вверенной им территории. По результатам преобладающей сектой оказались евангелисты.

3.5. Завершение политики «религиозного НЭПа». 1926 г.

На рубеже 1925–1926 гг. завершается политика так называемого «религиозного НЭПа». На смену ей во всех сферах, включая политическую, экономическую и религиозную, приходит административно-репрессивная политика государства. Все еще нестабильная ситуация в стране, угроза Гражданской войны, сложная внешнеполитическая обстановка требовала от

государства решительных мер по выявлению и погашению существующих потенциальных очагов сопротивления советскому строю. Одной из жизненно важных задач советской власти было сломить религиозные организации, особенно Православную Церковь, ослабив ее международный вес.

К марту конфликт внутри Спасской общины, возникший в связи с «инициативным» расколом, достиг своего логичного завершения. Спасская община была ликвидирована, а храм передан инициативной группе, организованной вокруг ушедшего на покой епископа Гервасия. Потеряв храм, община не теряла надежды на восстановление в правах. Для продолжения деятельности общине требовались средства, которые возможно было достать только посредством церковного сбора в других храмах. Православные общины Рыбинска предоставили такую возможность. Сбор проводился около двух месяцев в Воздвиженской, Введенской и Соборной общинах⁵⁰⁰. Из собранных денег было выделено жалование лишенным какого-либо дохода клирикам ликвидированной Спасской общины – священникам Всехсвятскому и Звереву по 5 рублей, диаконам Лисицыну и Соколову по 2 рубля, псаломщику Чистову – 1 рубль⁵⁰¹. Оставшиеся от сбора средства были выделены членам общины Арзарову и Личину для поездки в Москву с ходатайством о возвращении отнятого храма.

Данная акция не осталась без внимания городской милиции. Обладая детальной информацией, вплоть до копеек, о собранных средствах, милиция применила к общинам, предоставившим свои храмы для данного сбора, административные взыскания.

При этом в Инициативной общине наступил глубокий кризис. Не прошло и года, как «принятые на службу в храм» покинули общину. Уже в августе 1926 г. Инициативная община пришла в полный упадок. Это не осталось без внимания со стороны гормилиции. В докладной записке с грифом «Секретно» заведующий подотделом ЗАГС сообщает: «По неофициальным сведениям сообщено, что

---

⁵⁰⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 40.

⁵⁰¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 41.

Инициативная община гор. Рыбинска, преобразовавшаяся из некоторых членов Спасской общины (ныне ликвидированной), в настоящее время совершенно разваливается, т. е. нет служителей культа. Епископ Гервасий из Рыбинска выехал и с собой прихватил некоторые церковные предметы, переданные общине в 1925 году по договору, утвержден. Презид УИК-а, и даже имущество расхищается»⁵⁰². Далее предлагается создать комиссию из представителей уездного исполнительного комитета и управления милиции, которой поручить на месте проверить все культовое имущество и т. д.

Пошатнувшееся положение обновленческой общины дало надежду изгнанным православным Спасской церкви на возвращение храма. Вновь были поданы бумаги для регистрации православной Спасской общины. Также было подано ходатайство о предоставлении помещения в Спасском храме. Ответ был вскоре получен: «Ввиду того, что вопрос о регистрации вновь организуемой общины находится в стадии разрешения в Губернском Административном отделе, а поэтому ваше ходатайство Президиумом Горсовета оставлено без удовлетворения»⁵⁰³.

Тем временем в Рыбинский горсовет из милиции и подотдела ЗАГС пришло разъяснение с грифом «секретно». Приведем текст документа полностью: «При сём возвращает ходатайство о вновь организованной группы верующих г. Рыбинска при сём разъясняем следующее: помимо прочего: это ходатайство пятое. ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА ОТКАЗА является в том, что эта община является по своему духу Тихоновского течения и вмешивалась в политические дела Сов. власти, а посему все ее ходатайства должны быть отклоняемы. В настоящее время данная община не должна проявлять со своей стороны каких-либо мер как официальной общиной или группой поскольку является не зарегистрированной»⁵⁰⁴. Далее документ отчетливо показывает, как власть пыталась сохранить распадавшуюся обновленческую общину, стараясь

---

⁵⁰² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 88.

⁵⁰³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 90.

⁵⁰⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 89.

оградить ее от каких-либо существенных потрясений. Горсовету разъясняется, говоря о православных, что «кроме этого (община) не должна касаться во все распорядки какой-либо другой общины в частности к общине Инициативной, владеющей на договорных началах претендуемым ею храмом»⁵⁰⁵.

Бывшая Спасская община, не имея возможности совершать богослужения, все же продолжала свое существование. В октябре было проведено собрание с участием 150 членов. Священником был избран Всехсвятский, псаломщиком-диаконом Лиснувен и псаломщиком-регентом Гастев⁵⁰⁶. При этом община не оставляла попыток получить храм. Обращалась она и к действующим приходам. В октябре 1926 г. на собрании Крестовоздвиженской религиозной общины рассматривался как раз такой запрос. «Мнение приходского совета по вопросу о возможности предоставления одного из занимаемых Крестовоздвиженской религиозной общиной храмов для вновь организованной Рыбинской религиозной общины в лице гражд. Покровского, Девяткина и Филиппова согласно требованию Президиума Городского совета от 27 октября 1926 года за № 40 о предоставлении такого мнения в срочном порядке. Постановили: подать мотивированное мнение о невозможности передачи храма»⁵⁰⁷.

В ноябре 1926 г. бывшей Спасской общиной было подано прошение в президиум Рыбинского горсовета о выделении одного из Спасских храмов. Горсовет отказал, официально мотивируя это тем, «что здание Спасской церкви сдано по заключенному в надлежащем порядке договору»⁵⁰⁸. Несмотря на это, община на приходском собрании постановила, что, так как «община лишена возможности исполнять свои религиозные культовые требы за неимением храма, между тем Спасская церковь имеет два теплых храма с совершенно один от другого изолированными входами и выходами. Ходатайствовать пред Губисполкомом гор. Ярославля о предоставлении одного из Спасских храмов, согласно систематизированного сборника действующего в СССР

---

⁵⁰⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 89.

⁵⁰⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 51.

⁵⁰⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 51.

⁵⁰⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 51.

законодательства отделения церкви от государства сост. Гидуляновым, где сказано, что ВЦИК были не редкие случаи разделения двух этаж. храмов разными общинами»⁵⁰⁹.

Спустя несколько месяцев, в марте 1927 г. общине в очередной раз было отказано. При этом заведующий бюро ЗАГС при управлении милиции Рыбинска в резолюции отдельно указал, что бывшая Спасская община в количестве 300 человек является «исключительно Тихоновского течения»⁵¹⁰, «Храм Спаса не отдавать, т. к. Инициативная община им пользуется по договору и оный исполняет»⁵¹¹. Стоит отметить, что при этом предлагалось передать один из действующих «тихоновских» храмов: «Один храм церкви воздвиженской или георгиевской, так как у нее два храма на расстоянии 25 метров, которые в зимнее время не отапливаются и не было службы, а община (Георгиевская) не окончательно произвела надлежащий ремонт»⁵¹². И Инициативная община не страдает и «тихоновцев» можно наказывать.

В это же время 26 апреля 1926 г. Всехсвятской обновленческой общине был передан Никольский старый собор, ранее находившийся в пользовании Соборной общины⁵¹³. Всего на 1 октября 1926 г. в Рыбинском уезде было зарегистрировано 18 религиозных организаций. Среди них православных – 9, обновленческих – 2, католических – 1, протестантских – 1, иудейских – 1, магометанских – 1, старообрядцев-беспоповцев – 2, сект – 1⁵¹⁴.

В 1927 году в обновленческой Никольско-Всехсвятской церковной общине находилось 96 человек, против 428 двумя годами ранее⁵¹⁵. Рыбинское церковное управление обновленцев на этот же год состояло из⁵¹⁶: Оносовский Василий Владимирович – 48 лет, заместитель председателя, служитель культа духовного сословия; Цеховой Аркадий Николаевич – 58 лет, казначей купеческого

⁵⁰⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 92.

⁵¹⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 91.

⁵¹¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 91.

⁵¹² РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 91.

⁵¹³ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 25.

⁵¹⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁵¹⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 42–48.

⁵¹⁶ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 49.

сословия; Смирнов Константин Феодорович – 58 лет, секретарь, служитель культа духовного сословия; Лобанов Димитрий Феодорович – 22 года, служитель культа крестьянского сословия.

При этом стоит отметить, что поддержка обновленцев не мешала власти применять к последним строгие взыскания. Так, 10 марта 1927 г. после проведенного ранее обследования и выдвинутых общине требований был составлен акт по Всехсвятскому храму с довольно грозными по тем временам формулировками: «Храм находится в том же виде, в каком находился к моменту обследования. То есть не было совершено никакого ремонта. Крыша не крашена, имущество не охраняется. Похищенное имущество обществом не восстанавливается»⁵¹⁷.

После такого вердикта община спешно приобрела предметы взамен похищенных, уведомив о том уездную милицию⁵¹⁸. При этом часть похищенных изделий из серебра, по-видимому, предлагалось возместить государству деньгами, для чего общий отдел рыбинской администрации запросил Рыбинский госбанк о расценках за один грамм серебра на момент кражи⁵¹⁹.

Касательно материального положения приходов в 1926 г. мало что изменилось. Остро стоял вопрос и с обеспечением клириков жильем. Изъятие имущества при воплощении в жизнь декрета об отделении Церкви от государства затронуло и церковные дома причта. Одним из выходов, предложенных на собрании 7-го благочиннического округа Тутаевского викариатства, было просить епархиальную власть выступить с ходатайством перед гражданской властью о «предоставлении бывших церковных домов приходским общинам под квартиры церковно-священнослужителей согласно циркуляров изданных в 1925 году», а клирикам, проживающим в собственных помещениях, по возможности «давать квартирное пособие согласно постановлениях прежних Епархиальных съездов»⁵²⁰.

---

⁵¹⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186. Л. 27.

⁵¹⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 169.

⁵¹⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 252.

⁵²⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 14–17.

Все также общим сбором обеспечивались мелкие ремонтные работы. Средства шли и на поддержание в надлежащем виде самих зданий, и на убранство. В Казанской общине принято решение заказать ризу для Казанской иконы Божией Матери из бисера, скорее всего, взамен изъятной во время печально известной кампании⁵²¹, а в Шипиловской общине решено собрать средства на две новые ризы для Спасителя и иконы Знамения Божией Матери взамен украденных⁵²².

Тот же источник использовался и для финансирования сторожей, старост и секретарей. На примере собрания прихода села Ковезино, проходившего в августе 1926 г. под председательством священника Димитрия Сретенского можно проследить размер жалований. Так, сторож получал 15 рублей в месяц, для чего в течение сентября – октября было решено собрать по 2 копейки с каждого члена общины. Для оплаты труда старосты и секретаря совета необходимо было собрать по 4 копейки с каждого прихожанина⁵²³. На приходском собрании Нефедьевской общины причту определили жалование 540 рублей в год. Из них священнику – 360 рублей, псаломщику – 189 рублей. «Означенную сумму собрать путем добровольной складчины по 1 руб. с хозяйства и по 10 коп. с верующей души, за что причт обязуется выполнять бесплатно следующее: крестить, венчать, похоронять (больших с обедней)...»⁵²⁴.

Отдельно и довольно остро стоял вопрос об отоплении храмов, точнее, о дровах. Решалось это за счет прихожан – каждый дом прихода обязан был доставить в храм определенное количество дров. Нельзя сказать, что это исполнялось в полной мере, так как протоколы собраний часто свидетельствуют о напоминаниях прихожанам «о скорейшем исполнении их обязательств по доставке топлива»⁵²⁵.

⁵²¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 81.

⁵²² РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 288.

⁵²³ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 13.

⁵²⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 14–17.

⁵²⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 13.

Имея в своем распоряжении все протоколы приходских собраний и анализируя их, гражданская власть сочла такой подход материального самообложения недопустимым. Первой на такое противоречие обратила внимание Рыбинская гормилиция, возвращая в Огарковскую волостную милицию протокол собрания вольской религиозной общины от 7 ноября 1926 г. На данном собрании, в частности, обсуждался вопрос об отоплении храма, по которому было решено «в каждой деревне собрать дрова по 1/9 саж. и привезти сообща», не имеющим дров было решено предложить заплатить деньгами по 1 рублю с дома, при этом несостоятельным и безлошадным хозяйствам по 50 копеек с дома. В первую очередь предлагалось напомнить о дровах тем, кто не привез их прошлой зимой. К отказавшим приходскому совету было поручено выработать меры воздействия⁵²⁶. На том же собрании по вопросу финансирования ремонта было решено пустить подписные листы для сбора необходимых средств. Данные действия были квалифицированы гормилицией как противоречащие инструкции НКВД И НКЮ от 27 сентября 1923 г. за № 126, на основе которой обязательных членских взносов на членов религиозных обществ возложено быть не может. А в попытке выработать меры воздействия к отказавшимся выполнять постановления собрания, были выявлены «признаки преступления, предусмотренные ст123 УК»⁵²⁷. Далее указывалось, что рассылка подписных листов, о которых говорится в том же постановлении, согласно постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета совета народных комиссаров от 5 сентября 1924 г. «Известия ВЦИК» № 204 от 7 октября 1924 г. может быть допущена только с разрешения действующей власти. В заключение волостной милиции предлагалось объявить приходскому совету об отмене указанных выше постановлений, а самой волостной милиции «внимательней просматривать представляемые религиозной общиной

---

⁵²⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 118.

⁵²⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 118.

протоколы дабы впредь не допускать подобных нарушений. Начеуздмилиции Салов»⁵²⁸.

Это было первым серьезным сигналом об угрозе прервать и без того ничтожно малое финансирование, которое до сих пор общины имели за счет сохранения осколков старого уклада приходской жизни.

При этом, имея такое сложное и политическое, и экономическое положение, в жизни приходов, по официальным протоколам собрания, поднимались не только материальные вопросы. Так, на общем собрании духовенства и мирян 7-го благочиннического округа Тутаевского викариатства в августе 1926 г. обсуждались актуальные вопросы церковной жизни.

Первым пунктом было обсуждение «О поднятии умственного и нравственного уровня наличных членов клира и о мерах людям подготовки кандидатов в члены его». По этому вопросу было решено: во-первых, использовать духовную литературу, имеющуюся у духовенства и мирян, и обмениваться ею в округе. Во-вторых, в духе того времени, рекомендовать архиерею осмотрительно определять со своей стороны на священно-церковнослужительские места. Назначать кандидатов «не прежде как требовать обязательного от благочиннических советов отзыва об их поведении и прохождению службы и устраивать кандидатам экзамен»⁵²⁹. В-третьих, совершенно отменить пробные испытания на места свободных вакансий как вполне уничтожающие авторитет пастырей и священнослужителей. Для поднятия уровня кандидатов устроить пастырские курсы по усмотрения епархиального собрания духовенства и мирян, на что округ согласен уделить небольшие средства от церквей. До устройства курсов кандидаты на священнослужительские места должны проходить должности низшего клира. Данный пункт обсуждения заканчивался призывом: «Священнослужителям высоко держать знамя своего сана»⁵³⁰.

---

⁵²⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 118.

⁵²⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 14–17.

⁵³⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 14–17.

Вторым пунктом было обсуждение вопросов дисциплинарного характера. Декларировалась необходимость «во всей полноте восстановить все правила духовной власти и распоряжения ею и со всею строгостью проводить их в жизнь»⁵³¹. Опять затрагивалась тема кандидатов на священно- и церковнослужительские места, но в разрезе обязательств между общиной и поступающим кандидатом. При поступлении кандидата община обсуждала условия с будущим клириком, с которыми и предлагалось епархиальной власти предварительно ознакомиться. Судя по всему, имело место невыполнение данных условий со стороны общин, поэтому предлагалось при нарушении договора приходской общиной, «священно-церковнослужителей переводить на другие места и лишать эти общины определения кандидатов»⁵³².

Далее стоял вопрос «О поднятии нравственности в приходах, в частности через исполнение прихожанами христианских обязанностей и правил, о средствах борьбы с пьянством, сквернословием, хулиганством во всех его проявлениях»⁵³³. Для решения этих важных задач собрание предлагало усилить проповедничество, назидание и наставление на домах при всех удобных случаях. Предлагалось вести записи бывших и не бывших у исповеди и Святого Причастия. Предлагалось устроить общества трезвости для молитвенного обещания и записи в трезвенники. О последней инициативе постановили снести с гражданской властью о допустимости устройства обществ трезвости на религиозном основании.

Отдельным вопросом обсуждалось церковное пение. Постановили, что пение должно быть чисто церковного характера. Для кандидатов в псаломщики желательно создание церковно-певческих курсов. Для развития церковного пения в народе желательно устройство в каждом приходе вечером в воскресенье и праздничные дни общего пения богомольцев. В свободное от

---

⁵³¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 14–17.

⁵³² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 14–17.

⁵³³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 14–17.

сельскохозяйственных работ время объединяться соборным служением по приходским церквям по очереди⁵³⁴.

Последним неожиданно был поставлен вопрос «О Способах ознакомления духовенства с мероприятиями правительства и сознательное усвоение их»⁵³⁵. Для чего было поставлено в обязанность приходским советам «выписывать известия ВЦИКа и сборники постановлений по отделению церкви от государства»⁵³⁶.

В заключение было решено обратиться к Высокопреосвященному Агафангелу, митрополиту Ярославскому и Ростовскому, представив на его усмотрение предложение о замене предполагаемого собрания благочинных на епархиальный съезд с участием мирян.

В целом же богослужебные вопросы обсуждались и на уровне приходов. Вероятно, запрос на оживление церковной жизни, активно обсуждавшийся накануне революционных событий местами на приходах, получил продолжение. С другой стороны, фиксация их в официальных протоколах, а следовательно, попадание принятых решений в поле зрения надзорной власти, могло означать желание принявших те или иные решения негласно заручиться поддержкой гражданской власти. Зачастую решения, принятые священниками, настоятельно рекомендовали принять ко вниманию архиереям, как указано выше, или миряне обязывали священников следовать своим решениям. Например, в Шипиловской общине обсуждалось, чтобы «не было перебоев у служителей церковного культа между утренней и ранней обедней». Для этого «церковный совет ставит в обязанность служителям культа», что, когда кончится утренняя, то «тогда уже и начиналась бы ранняя обедня»⁵³⁷. Также, собрание совета обсуждало вопрос о соборной службе утрени и литургии в двенадцатые праздники и постановило, чтобы служили утрению и литургию соборно. Собрание членов приходского совета постановило, чтобы в течение Великого поста на воскресенье и

---

⁵³⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 14–17.

⁵³⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 14–17.

⁵³⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 14–17.

⁵³⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 288.

праздничные дни с 5 часов дня по субботам совершалась всеобщая с чтением акафиста Страстям Христовым. По заявлению Шпиловской общины о слишком торопливой службе во время литургии о. диакона Павла Соколова совет постановил «объявить о. диакону Соколову, чтобы таких торопливых ненормальностей впредь не допускалось»⁵³⁸.

Из всего вышесказанного отчетливо видна весомая роль благочиннических советов. Данная структура чувствует себя ответственной за все стороны церковной жизни в рамках округа, при этом открыто указывает на сложности и просчеты, невзирая на лица, вплоть до прямых указаний архиерею. Также стоит отметить и некоторую финансовую состоятельность, с позиции которой округ предлагает подкрепить предлагаемые им инициативы.

Такая структура не могла устраивать гражданскую власть. Вскоре (8 марта 1926 г.) всем начальникам уездных милиций Ярославской губернии от губернского административного отдела поступило распоряжение о срочной ликвидации данной структуры. «По имеющимся сведениям на территории Ярославской губернии существуют так называемые "благочиннические советы", которые присваивают себе административные функции и отдают распоряжения религиозным общинам. Согласно разъяснения ЦАУ НКВД от 23 июля 1925 г. за № 6697/2, религиозные объединения могут быть только двух видов: или группы верующих (двадцатки), подлежащие оформлению в порядке инструкции НКЮ от 24.8.1918/С.У.–18г. № 62 ст. 685, или религиозные общества (пятидесятки), регистрируемые Губ. Адм. Отделом в порядке инструкции НКВД и НКЮ за № 126 от 19 июля 1923 г. по вопросам об отделении церкви от государства (Бюллетень – 23 г. № 101). Другие виды объединений, в том числе так называемые благочиннические советы, согласно действующего законодательства являются недопустимыми»⁵³⁹. Ликвидация советов должна была производиться через вызов благочинных в управление начальника уездной милиции, где должно быть объявлено, что существующие благочиннические

---

⁵³⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 288.

⁵³⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 56.

советы упраздняются. С благочинных надлежало взять подписку в том, что они под личную ответственность в будущем обязуются упразднённые советы не собирать⁵⁴⁰. Текст подписки приводится в приложении на примере документа, данного в милиции будущим священномучеником Николаем Понгильским, являвшимся на тот момент настоятелем храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте»⁵⁴¹.

В течение месяца были собраны подписки со всех благочинных, и, фактически, благочиннические советы прекратили свое существование, тем самым существенно ослабив и без того едва теплящуюся структуру управления Православной Церкви.

В ноябре 1926 г., не добившись утверждения на кафедре епископа Серафима, в Рыбинском викариатстве прошли перевыборы епископа. Новым кандидатом общинами был предложен епископ Вениамин (Воскресенский), бывший Романовский⁵⁴².

Гражданская власть продолжала оказывать всяческую поддержку обновленческому расколу. Передав обновленцам Всехсвятскую церковь, горсовет с готовностью откликнулся на запросы общины о благоустройстве храма. Так, в декабре из собора во Всехсвятскую общину была передана икона святителя Николая Чудотворца⁵⁴³, а из села Петровского Рыбинского уезда было приказано передать все той же общине одну из двух плащаниц⁵⁴⁴. При этом продолжались случаи изъятия церковных зданий и закрытия храмов: 16 декабря общине Преображенского собора Рыбинска было предписано снять с учета ликвидированную 22 ноября Никольскую часовню, что на берегу⁵⁴⁵.

Обновленческий раскол на территории современной Рыбинской епархии в 1926 г. продолжал углубляться. Конфликт вокруг Спасского храма между

⁵⁴⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 56.

⁵⁴¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 61.

⁵⁴² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133. Л. 68.

⁵⁴³ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 21.

⁵⁴⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 56.

⁵⁴⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 20.

православной и Инициативной общинами завершился изгнанием первых и передачей в единоличное пользование храма последним. Бывшая Спасская община пыталась продолжить свое существование, организовав сбор средств в других храмах города и подавая безуспешные запросы о возвращении храма. Тем временем неожиданно лидер Инициативной общины Гервасий покидает Рыбинск, и уже к августу община приходит в полный упадок. Всехсвятская обновленческая община получила в своё пользование Никольский собор. При этом власти принимают ряд строгих мер по отношению к обновленцам касательно ремонта и возмещения украденных из храма вещей.

Находясь в сложном финансовом положении, приходы продолжают заботиться о ремонте храмов, содержании причта и хоров. Основным источником все также служит самообложение, которое привлекает все большее внимание властей, в некоторых случаях прямо запрещающих проводить сбор средств на нужды приходов.

На этом фоне, при активном участии благочиннических советов, перед приходами ставятся насущные вопросы духовно-нравственного характера. Предлагаются конкретные шаги по выбору и подготовке кандидатов в священники, о поднятии нравственности в приходах, о борьбе с пьянством и т. д. Организующая роль благочиннических советов не осталась без внимания властей, которые в течение месяца провели молниеносную «операцию» по их повсеместной ликвидации.

3.6. Некоторые события 1927 г.

Возглавив в качестве местоблюстителя Русскую Православную Церковь, митрополит Сергей (Страгородский) под давлением властей в июле 1927 г. выступил с посланием, известным как «Декларация». Реакцией на это выступление стало усугубление внутрицерковных разногласий, карловацкий Синод выступил с её осуждением, иосифляне заявили о полном разрыве с митрополитом Сергием, часть иерархов прекратила возносить его имя за

богослужением. При этом большая часть, расценив заявления митрополита как вынужденную меру, сохранила верность руководству Русской Православной Церкви.

На фоне этих потрясений приходская жизнь продолжала своё течение. В Рыбинске Георгиевская община, оставаясь самой крупной, насчитывала на 10 марта 1927 г. 273 члена⁵⁴⁶, помимо уже упомянутых священников, в общине служили диакон Иван Ильич Суворов и три псаломщика⁵⁴⁷. Община всячески поддерживала православных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Так, на первом собрании в 1927 г. вдове псаломщика А. П. Невской было решено «выдать ей по 5 руб. ежемесячно в течение 3-х месяцев, а после сего срока вопрос возобновить»⁵⁴⁸. На том же собрании назначено квартирное пособие в размере 3 рублей ежемесячно диакону Суворову.

В начале 1927 г. получила развитие попытка властей упразднить самообложение как источник финансирования общин. 4 января 1927 г. начальнику Рождественской волостной милиции поступила инструкция от начальника уездной милиции: «По вопросу оплаты трудов церковного старосты, помощника и секретаря предложено членам совета составить именные списки на общих сельских собраниях с выявлением причин неуплаты самообложения. Данный пункт в корне противоречит Декрету об отделении церкви от государства. Потому приведение в жизнь или обсуждение каких-либо вопросов, связанных с религией, ни в коем случае не может быть допущено на общих сельских собраниях»⁵⁴⁹. В той же инструкции было упомянуто о докладе делегатов благочиннического собрания от 31 декабря 1926 г., на котором было постановлено произвести сбор на нужды Угличского викариатства: «Данное постановление противоречит г. 14 инструкции НКВД и НКЮ № 126 от 1923 г. а именно: сборы допускаются лишь на покрытие расходов, связанных с

---

⁵⁴⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 47.

⁵⁴⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 59.

⁵⁴⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 141.

⁵⁴⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 172.

обладанием культового имущества»⁵⁵⁰. В связи с указанными замечаниями оба протокола собраний – и приходского, и благочиннического – подлежат полной отмене. «Кроме того всех именующихся должностными лицами 3-го благочиннического округа обязать явкой в управление милиции в 7-дневный срок со всеми документами (если таковые есть), подтверждающими регистрацию данного округа в ГАО»⁵⁵¹.

Стоит отметить, что власть волновали не только источники финансирования жизни приходов. Своим долгом она считала защитить и тех, кто систематически не платил никаких взносов и подлежал исключению из общины. В Песоченской волости на приходском собрании Богоявленско-Островской общины было решено для содержания храма провести самообложение верующих от 18-летнего возраста по 75 коп. на приобретение топлива и на жалование сторожу. Далее было поручено «старосте вместе с членами совета, ввиду неуплаты отдельными лицами, выявить таковых и не считать их членами общины, лишить религиозных "треб" и т.д.»⁵⁵². В этом вполне объективном постановлении приходского совета уездная милиция усмотрела ни много ни мало «признаки ст. 124 УК, так как этим постановлением нарушен п. 2 декрета СНК от 21/1 с/г об отделении церкви от государства и п. 14 инструкции НКВД и НКЮ от 27 апреля 1923 г за № 126», вследствие чего волостной милиции предписывалось «объявить церковному совету указанной общины, что данное постановление отменено как противоречащее основным законодательством по данному вопросу, и предупредить, что всякие сборы могут лишь производиться путем добровольных пожертвований, и церковный совет не имеет никакого права оказывать то или иное давление на членов общины»⁵⁵³.

Такое повсеместное пресечение любых попыток общин свести концы с концами не останавливало государство от регулярных обследований «народного достояния». Как и в предыдущие годы, в 1927 г. такие проверки прошли во всех

---

⁵⁵⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 172.

⁵⁵¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 172.

⁵⁵² РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 211.

⁵⁵³ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134. Л. 211.

действующих общинах. В том числе было проведено обследование и храма в селе Коприно, по которому двумя годами ранее были вынесены строгие предписания о необходимом ремонте и охране «народного имущества». Теперь общине вменялось в обязанность в течение текущего и последующих годов «отремонтировать именно с внешней стороны отштукатурить и побелить все здание/храм и с внутренней... отремонтировать церковную ограду. Завести инвентарную книгу согласно п. 5 договора... Обязать к 1 января 1928 года вставить все стекла в здании храма»⁵⁵⁴.

Касательно проверки «имущества культа» общине вновь были предъявлены претензии по недостатке украденных, с точки зрения властей, предметов. На это церковный совет в очередной раз объяснил комиссии, что данные предметы: корки и углы серебряные Евангелия, ковчег серебряно-вызолоченный, комплект сосудов серебряно-позлощенных были изъяты в 1919 г. Комиссия постановила запросить Рыбадмотдел п/надзора есть ли у них дела по краже имущества культа села Коприна и список вещей, изъятых в 1919 г. для выяснения действительности кражи и изъятия предметов культа.

Стоит отметить, что за имуществом следили столь придирчиво, что не гнушались даже предъявлять претензии по размеру имевшихся в инвентарном списке лестниц: «Ввиду вкравшейся ошибки в отношении лестниц исправить согласно обнаружения найденного (значились две большие лестницы и одна малая, оказалось две малые и одна большая)»⁵⁵⁵. На учете были и дьяконские свечи: «Одну дьяконовскую свечу израсходованную списать с описи»⁵⁵⁶.

Таким образом, 1920-е годы стали для Русской Православной Церкви периодом тяжелых испытаний. Советская власть с самого начала своей государственности вступила на путь конфронтации с Русской Православной Церковью.

---

⁵⁵⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 36.

⁵⁵⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 36.

⁵⁵⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 36.

Несмотря на это, храмы на территории современной Рыбинской епархии все еще были полны молящимися, что не могло не настораживать советскую власть. На этом фоне был реализован и ещё один проект по ослаблению влияния Церкви на души людей – обновленческий раскол. На рассматриваемой территории современной Рыбинской епархии именно во время пика кампании по изъятию церковных ценностей, когда проходил судебный процесс над духовенством, обновленцы открыто заявили в печати о своей верности новой власти⁵⁵⁷, создали собственную Рыбинскую епархию, организовали епархиальное управление. Но отношение народа к этому движению было более чем настороженным, не поддержали его в большинстве своем и пастыри. В 1924 г. в Рыбинске обновленцам после нескольких попыток удается получить один из трех храмов Георгиевской общины – Всехсвятский, что за рекой Коровка. При этом стоит отметить, что иногда власть проявляла и вполне взвешенный юридический подход в конфликтах между православными и обновленцами. Дальнейшие попытки обновленцев по препятствию православным клирикам отправлять требы на кладбище при Всехсвятском храме оказались безуспешными, власть указала на незаконность таких притязаний.

С началом 1925 г. в Рыбинске образовалась новая обновленческая община – «Инициативная» – вокруг уволенного на покой бывшего епископа Гервасия. Несмотря на последовавший бывшему епископу Гервасию в сентябре запрет в священнослужении, Инициативная община сумела получить государственную регистрацию и впоследствии Спасский храм в единоличное пользование. Эта ветвь раскола внезапно появившись, внезапно же и исчезла, когда ее лидер, бывший епископ Гервасий, скоростижно покинул Рыбинск, и Инициативная община к недоумению властей быстро пришла в полный упадок.

На приходском уровне рассматриваемый период характерен крайне сложным и все более усугубляющимся материальным положением. Клирики вынуждены искать работу в светских учреждениях, что пока еще было возможным. Храмы подвергались постоянным хулиганским нападкам,

---

⁵⁵⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87. Л. 149.

остававшимся безнаказанными. После кампании по изъятию церковных ценностей началась волна грабежей храмов, лишавших их последней утвари, икон и даже облачений, причем украденное имущество община обязана была возместить государству. Материальное положение приходов становилось крайне тяжелым, трудновыполнимыми для многих становились выплаты налога, жалованья, даже обеспечение дровами. Выходом из такого положения оставалось добровольное самообложение, на плечи прихожан ложилась все более и более тяжелая ноша. При этом местами еще сохранялись оплачиваемые хоры, собирались средства на содержание епископа, также собирались средства для вспоможения находящемуся в бедственном положении причту.

Финансовые сложности не останавливали приходы в их стремлении поддерживать храмы в должном состоянии. Проводились ремонты, приходские советы изыскивали средства на содержание причта и хоров. Для финансирования, в основном, продолжает использоваться самообложение, что иногда наталкивается на прямой запрет контролирующих органов советской власти. К концу рассматриваемого периода власти усилили давление на приходы, прямо запрещая выявление лиц, уклонившихся от самообложения, а также не давая возможности приходам исключать из своих членов тех, кто регулярно не платил оговоренных приходскими добровольных взносов на содержание храма и причта. При этом контроль в области сохранения переданного имущества в должном виде не только не ослабевал, но местами приобретал вид придирчивого учёта деревянных лестниц и дьяконских свечей, доводя тем самым и без того немалое давление и контроль до высшей точки напряжения.

Необходимо отметить, что забота о материальном существовании не являлась единственным и главным попечением приходов в 1920-е годы. Церковная жизнь ставила перед духовенством задачи, которые решались по мере сил. Волновали священство богослужебные вопросы, даже оставалась надежда на работу с детьми через преподавание на приходском уровне Закона Божия. Среди внеприходских структур ещё сохранилось и принимало активное участие

в церковной жизни Рыбинска общество хоругвеносцев. Общины следили за благочинием богослужений, «не взирая на лица», как это было в Спасской общине, где настоятелю было сделано общественное порицание. В целом, богослужениям старались предать торжественность, поддерживая в должном состоянии хоры, приглашая епископа, совершая крестные ходы с колокольным звоном.

Еще одной чередой испытаний стал для Русской Православной Церкви кризис в управлении. Арест и последовавшая вскоре после освобождения смерть святителя Тихона ознаменовали начало тяжелого периода для Русской Православной Церкви, связанного со спорами о местоблюстителе. Сложное положение Русской Православной Церкви усугубилось после выпущенной митрополитом Сергием «Декларации», которая послужила поводом для нескольких расколов, но на территории современной Рыбинской епархии неизвестны приходы, отошедшие от митрополита Сергия или не поминающие его имя за богослужением. Такие перипетии не могли не сказаться негативно на организованности и управляемости приходов на местах. На рассматриваемой территории современной Рыбинской епархии существенную роль в консолидации приходов в этот период сыграли благочиннические советы. Вопросы выбора кандидата на епископскую кафедру, материальная помощь нуждающимся, нравственное состояние пастырей и пасомых – вот неполный перечень вопросов, по которым благочиннические советы организуют обсуждение во всех приходах и предлагают пути решения. Советская власть, понимая важную роль благочиннических советов в церковном управлении, принимает решение об их повсеместной ликвидации, лишив Церковь очень важного, если не последнего, консолидирующего органа управления на местах.

4. Государственно-церковные отношения и приходская жизнь на территории современной Рыбинской епархии в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

К концу 1920 гг. советская власть продолжала придерживаться линии непримиримой борьбы с Русской Православной Церковью. Добившись почти полного разгрома административного управления Церкви, большевики также сумели внести существенные нестроения в и без того оскудевший епископат. Заключен под стражу местоблюститель Патриарха митрополит Петр (Полянский), управление передано митрополиту Сергию (Страгородскому), что не было признано частью клира, так как управление должно было перейти митрополиту Агафангелу (Преображенскому).

В этих условиях в обмен на хотя бы подобие легализации управления Церковью советская власть требовала от митрополита Сергия публичного признания и лояльности. В мае 1927 г. митрополит Сергией собирает совещание епископов, в рамках которого был образован Временный Патриарший Священный Синод, официально зарегистрированный в августе того же года. 1 июля Временный Синод принял обращение к зарубежному духовенству не допускать нелояльных поступков и высказываний по отношению к советской власти, что было признано рядом архиереев, но большинство, включая митрополита Евлогия (Георгиевского), архиепископа Японского Сергия (Тихомирова) и всех епископов Карловацкой юрисдикции, отвергли данные требования.

29 июля накануне регистрации Синода возможно, как необходимое условие для этого, митрополит Сергий обращается к пастве с посланием, ставшим известным как «Декларация митрополита Сергия», о легализации Русской Православной Церкви и ее лояльности к существующей гражданской власти. Этот момент можно считать отправной точкой для нового этапа истории

Церкви в контексте советской власти и возникших вследствие ее нового положения расколов и нестроений.

Добившись от Русской Православной Церкви декларации о лояльности, советская власть, предоставив частичную легализацию, тем не менее продолжала создавать все более невыносимые условия для религиозной жизни. Избежав подпольного существования, Русская Православная Церковь все же не смогла встать на ноги в плане управления. Ограничение в перемещении иерархов, большое количество вдовствующих епархий усугублялось расколами – обновленческими и связанными с неприятием части иерархов и паствы митрополита Сергия как в связи с его местоблюстительством, так и в связи с его четко выражаемой лояльностью по отношению к угнетающей Церковь советской власти.

При этом, имея поддержку на внешнеполитическом фронте со стороны мирового сообщества, Русская Православная Церковь получала с этой, казалось бы, ничем не угрожающей стороны, неожиданные удары. Так, 7 декабря 1927 г. Вселенский Патриарх Василий III обратился к митрополиту Сергию с призывом примириться с обновленцами для восстановления единства Церкви. При этом примирение не означало покаяния последних, что, конечно же, являлось абсолютно неприемлемым для православных. 5 июля 1928 г. произошел еще один раскол, продлившийся 79 лет – до 2007 г. В этот день Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей прекратил каноническое общение с Русской Православной Церковью, приняв решение о вынужденном временном административном отделении от Московской церковной власти.

4.1. Общая обстановка на территории современной Рыбинской епархии в 1929–1931 гг.

При этом приходская жизнь на рассматриваемой территории современной Рыбинской епархии не замирала. В марте 1927 г. прошло первое в этом году

собрание духовенства и представителей церковно-приходских советов и мирян. Основным вопросом, по мнению участников собрания, оставались взаимоотношения внутри причта и с членами общины. Помимо этого, церковные общины по-прежнему стояли перед лицом необходимости изыскивать средства на содержание, ремонт и охрану церковного имущества.

К концу 1926 г. в Рыбинском уезде статистика показывала следующую картину по религиозным организациям. Православных общин в городе было 10, и на них было зарегистрировано 12 молитвенных помещений, причем одно из них было вновь зарегистрировано в прошедшем году; в сельской местности общин было 92 со 110 молитвенными зданиями, причем одно здание было передано в рассматриваемый период. Обновленческие движения были в составе 2 общин и только в городе, им на тот момент было передано 3 молитвенных здания⁵⁵⁸.

Но уже к 1929 г. в Рыбинске оставалось 4 религиозные общины: 2 обновленческие и 2 православные⁵⁵⁹. В Георгиевской общине на этот момент насчитывалось 125 человек⁵⁶⁰. Давление со стороны властей на православные общины не ослабевало, администрация всячески продолжала попытки отнять у Георгиевской общины оставшиеся два храма: Вознесенский и Георгиевский. В феврале 1929 г. на заседании президиума рыбинского уездного исполнительного комитета обсуждался вопрос систематического нарушения Георгиевской общиной договора пользования храмовым имуществом⁵⁶¹. Администрация подчеркивала, что в храме Вознесения разрушено паровое отопление, дымовые трубы неисправны. Здание портится от копоти, по стенам – сырость и подтеки. Значительное накопление мусора на первом ярусе колокольни⁵⁶². Георгиевский храм также находился в ненадлежащем состоянии. Местами облупилась краска, ризница не промыта, все находится в беспорядочном состоянии. Мусор не

---

⁵⁵⁸ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 386. Л. 90.

⁵⁵⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 139.

⁵⁶⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 72.

⁵⁶¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 94.

⁵⁶² РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 94.

убирается⁵⁶³. Далее отмечалось, что данные нарушения были отмечены актом от 10 марта 1927 г., и община их не устранила⁵⁶⁴. На этом основании президиум считает возможным разорвать действующий договор с Георгиевской общиной и передать храм обновленческой Спасской общине, что и было подтверждено спустя два месяца в апреле 1929 г. на очередном заседании президиума Рыбинского городского совета выпиской из журнала 43⁵⁶⁵. Горкому и административному отделу поручалось передать помещение⁵⁶⁶. При этом предлагалось произвести обмен помещениями: обновленческой Спасской общине передать зимний храм, а Георгиевской общине – летний. Спустя неделю, 18 апреля, президиум Рыбинского городского совета постановил повременить с передачей помещений с тем, чтобы «Георгиевская община отпраздновала в нем день Пасхи, после чего произвести обмен помещениями. Предложить Георгиевской общине произвести ремонт летнего помещения в течении 2-х месячного срока»⁵⁶⁷. Акт передачи зимнего храма Спасской общине состоялся 18 июня 1929 г.⁵⁶⁸ При этом Георгиевской общине административный отдел отказался подписать договор на Георгиевский храм, аргументируя тем, что прежде данная община должна «выполнить свои договорные обязательства по части ремонта храма, который передан Спасской общине, а именно – восстановить нарушенное паровое отопление, исправить пол и ряд других ремонтов, тогда можно будет приступить к заключению договоров»⁵⁶⁹. На этот демарш Георгиевская община ответила вполне симметрично, не подписав, в свою очередь, акт передачи Вознесенского храма Спасской общине, так как нет никаких гарантий о закреплении за ней оставшегося храма⁵⁷⁰. При этом православные направили в администрацию прошение оставить Георгиевский

---

⁵⁶³ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 94.

⁵⁶⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 94.

⁵⁶⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 94.

⁵⁶⁶ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 94.

⁵⁶⁷ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 9.

⁵⁶⁸ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 113.

⁵⁶⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 114.

⁵⁷⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 115.

храм в своем пользовании, на что последовала резолюция: «Отказать впредь до полного восстановления парового отопления»⁵⁷¹. Позднее, в июле того же года, администрация приняла решение о распределении молитвенных зданий Георгиевской кладбищенской общины между обоими течениями поровну, то есть каждому течению давалось по одному зданию⁵⁷². К концу года Георгиевский храм было решено передать школе под общежитие учащихся. В декабре того же года на очередном заседании горсовета рассматривалось ходатайство ТПО о предоставлении Георгиевской церкви под складские помещения. При этом в горсовете находилось прошение и от православной общины о заключении с последней договора по тому же храму. Рассмотрев оба ходатайства, горсовет вынес следующее заключение: «Учитывая, что поблизости три церкви в ходатайстве общества "20" отказать. Учитывая что в текущем году все складочные помещения заняты под зерно и картофель, а также крайнюю нужду ТПО в складочных помещениях отменить прежнее решение в части предоставления данной церкви школе под общежитие школьников, передав последнюю ТПО, обязав которые привести в надлежащий вид, сняв кресты и иконы»⁵⁷³.

Не обошла тяжелая участь и сельские храмы. Советская власть обложила приходы крайне высокими налогами, некоторые храмы не смогли выплатить необходимую сумму, и администрация расторгала договоры, впоследствии закрывая храмы и ликвидируя религиозные общины. Другие приходы прибегали к запрещенному к тому времени сбору средств среди прихожан и жителей села, что не могло остаться без последствий. К примеру, в селе Сить-Покровское Мологского района настоятель храма протоиерей Иоанн Петрович Афонский в 1930 г. обращается с амвона к прихожанам с призывом собрать необходимые средства для уплаты налогов. Деньги были собраны быстро, столь же быстро последовал и арест священника. Официально обвинение было построено на

---

⁵⁷¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 119.

⁵⁷² РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 137.

⁵⁷³ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 149.

содействии «бело-зеленому» восстанию в 1918 г., а также в антисоветской агитации, противодействии мероприятиям советской власти, в особенности хлебозаготовкам, но отправной точкой ареста был именно призыв к сбору средств, в котором власть усмотрела активное противодействие и решимость бороться до последнего. 30 мая 1930 г. о. Иоанн был приговорен к ссылке в Северный край на 3 года. 15 июля 1930 г. приговор был пересмотрен по инициативе сына, начальника Окружного управления строительного контроля г. Шуи. На заседании тройки ПП ОГПУ принято решение о досрочном освобождении о. Иоанна с зачетом срока предварительного заключения и передаче его на поруки сыну⁵⁷⁴.

4.2. Союз воинствующих безбожников

В 1929 г. проявляет первые признаки активности Союз воинствующих безбожников, практически не встречавшийся на территории современной Рыбинской епархии. Проходят заседания райкомов, на которых представители Союза докладывают о состоянии религиозного и антирелигиозного движения. В частности, в Мологском районе отмечалось укрепление «религиозных верований»⁵⁷⁵, что, как в и большинстве других районов, объяснялось связью населения с сельским хозяйством, которое, по мнению специалистов, «ведется отсталыми методами, что способствует укреплению религиозных верований, последнее еще увеличивается благодаря общей некультурности и неграмотности большинства населения»⁵⁷⁶. В целом, религиозное движение в таких районах имеет «крепкую почву и выражается в двух направлениях – церковники и сектанты»⁵⁷⁷. В Мологском районе к этому времени было 23 церкви, 50–60

---

⁵⁷⁴ Все мы — Христовы : Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие за веру православную в гонениях 1918–1953 годов. С. 103.

⁵⁷⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁵⁷⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁵⁷⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

священников. Активных членов церковных советов 340–350 человек. «В основном последователи Тихона, новоцерковников три церкви»⁵⁷⁸.

Несмотря на тяжелейшее финансовое налоговое бремя и репрессивную политику советской власти, духовенство все еще находило в себе силы и смелость занимать активную пастырскую позицию. К примеру, в селе Веретя «поп Фарфоровский делает выходные собрания по селениям, помогает населению советами по с/х, ветеринарии и т. д. В результате его агитации среди населения в текущем году до 120 человек учеников Веретейской школы 1-й ступени ходили на исповедь. В других местах духовенство активности не проявляет»⁵⁷⁹.

Сектанты были представлены несколькими течениями, в большинстве – евангелисты. Например, в Мологском районе было две группы: Покрово-Всехсвятская – 33 человека и Мологская – 52 человека. Также была группа богоискателей – Гореловско-назаровская – 10 человек⁵⁸⁰. В свою очередь, Союз воинствующих безбожников в Мологском районе насчитывал 316 человек в 8 ячейках.

Отсутствие ощутимых результатов в деятельности Союза не устраивало областное руководство. В декабре 1929 г. на заседании бюро Рыбинского ВКП(б) Ивановской промышленной области были выработаны основные задачи по антирелигиозной работе. Среди прочих, Союзу воинствующих безбожников вменялось в обязанность существенно расширить свою деятельность, вовлекая в свою работу все профессиональные артельные и кустовые промысловые организации. При этом отдельное внимание было необходимо уделить вовлечению в антирелигиозную пропаганду женщин в фабричных районах – до 50%, в сельских – до 25 % от общего количества⁵⁸¹. Судя по всему, как и сегодня, женщины в конце 1920-х годов составляли костяк православных общин. В качестве эффективной меры в антирелигиозной работе требовалось максимально

---

⁵⁷⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁵⁷⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁵⁸⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁵⁸¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

распространить подписку на газету «Безбожник» и организовать эпизодические антирелигиозные лекции⁵⁸².

Рекомендации не остались без внимания. Вскоре на пленуме районных райкомов ВКП(б) прозвучали доклады руководителей по антирелигиозной работе. В Мологском райкоме докладывал некто Богачев⁵⁸³. Первыми шагами были антирелигиозные кружки, через которые планировалось добиться широкого вовлечения населения в антирелигиозную работу. Для этого райкому требовалось выделить пять человек для работы. Также требовалось от партийных ячеек и комсомольцев выделить по одному человеку и создать на территории каждого сельсовета пропагандистскую группу не менее трех человек.

В районе были намечены основные пункты «сосредоточения антирелигиозной работы: Рындино, Иловна, Шуморово, Горелово, Копорье, Веретея, Кули[нерзб] и Молога»⁵⁸⁴. При этом основным ударом по «религиозному движению» считалось закрытие церквей, для этого было намечено «провести подготовку и считать целесообразным закрытие церквей: Горелово, Копорье, Афанасьевский монастырь, Веретея, Шуморово, Рындино, Иловна и Молога (старый монастырь), где немедленно развернуть разъяснительную работу и проработать вопрос об использовании церковных зданий»⁵⁸⁵.

Активизация антирелигиозной работы не осталась без ответной реакции со стороны населения. В Копорьевском сельсовете начались массовые выступления крестьян на почве религиозных вопросов. По этому поводу было срочно проведено заседание райкома, на котором обсуждали причины народных волнений. Примечательно, что речь не шла о репрессивных мерах, а скорее, это походило на поиск виновных среди партийных работников. Постановили, что большинство членов партии к реализации решений подошли формально, не было

---

⁵⁸² РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁵⁸³ РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁵⁸⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁵⁸⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

подготовки среди населения по закрытию церквей. Постановления о закрытии храмов и снятии колоколов носили форму приказа без необходимого согласия со стороны большинства верующих. При этом отмечалась некоторая помощь приходам со стороны сельсоветов в форме разрешения сбора на сходах денежных средств на церкви, что, конечно, было недопустимо по мнению власти⁵⁸⁶. В результате всем ячейкам ВКП(б) под личную ответственность секретарей было поручено проследить, чтобы всякая работа по закрытию церквей проходила не через формальный подход и применение административных мер, а через глубокую подготовительную агитационно-пропагандистскую работу среди верующих, через мобилизацию всех культурных слоев деревни, беспартийного актива, школьных работников и т. д.⁵⁸⁷ Можно сказать, что первая атака была успешно отбита.

Воинствующие безбожники виделись советской властью как инструмент, через который население должно было вовлекаться борьбу с религией, тем самым оказывая действенную поддержку уничтожению, в основном, Русской Православной Церкви. Поэтому антирелигиозные кампании являлись принципиально важным видом деятельности Союза воинствующих безбожников. В своем плане по антирелигиозной пропаганде Союз воинствующих безбожников отводил отдельное место великим христианским праздникам – Пасхе и Рождеству Христову. На 1929–1930 гг. был сформирован план Антирождественской кампании в Ивановской промышленной области, в которую на тот момент входила территория современной Рыбинской епархии. Главной целью кампании было использование конкретных примеров и «фактов рождественской христианской проповеди и фактов контрреволюционных действий церковников и сектантов»; было необходимо «вскрыть социальные корни христианства во всех его разновидностях и мобилизовать внимание трудового народа для борьбы с церковниками и сектантами»⁵⁸⁸.

---

⁵⁸⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8.

⁵⁸⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8.

⁵⁸⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

Стоит отметить, что среди населения в это время все еще были сильны традиции празднования Рождества Христова, проводились крестные ходы, ходили христославы, праздновались святки и т. д. Пытаясь бороться с установившимися традициями, Союз воинствующих безбожников старался активной работой среди населения переломить сложившуюся ситуацию. Среди широких слоев населения предлагалось вести активную работу по усилению праздничного настроения в дни Октябрьской революции: семейные вечера, обновки, улучшение питания и т. д. Продолжая традиционно опираться на рабочий класс, членам Союза воинствующих безбожников рекомендовалось на собраниях рабочих выдвинуть вопросы об отказе празднования Рождества (примечательно, что в протоколах Рождество написано именно с большой буквы). Предлагалось также добиться постановления об отчислении в эти дни в фонд индустриализации страны.

В сельской местности на собраниях колхозников и крестьянских сходах предлагалось выдвинуть вопрос об отказе в приеме христославов, от крестных ходов, от устройства детских елок.

Отдельно выделяли жителей домов-коммун, общежитий. Там практической задачей было добиться коллективных заявлений о запрещении колокольного звона, отказа от украшения святочного быта и от пьянства. При этом отмечалось важным изучить отношение верующих к филипповскому посту, к празднику зимнего Николы, и Введения во храм Пресвятой Богородицы⁵⁸⁹.

Кульминацией кампании должен был стать период с 24 декабря по 19 января. В эти дни предлагалось провести трудовые «антирождественники». Для снижения посещаемости храмов население активно должно было агитироваться на посещение театров, кино, красных уголков с семейными вечерами, планировалось организовать массовые гуляния на катках и лыжные прогулки. Также, рассчитывая на сознательность граждан, была поставлена задача посредством трудовых «антирождественников» и подписных листов собрать на тракторную колонну и танк «Безбожник» 5000 рублей в ответ на

---

⁵⁸⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

налет китайских империалистов⁵⁹⁰. Нельзя не отметить, что многие приемы, особенно в части культурно-массовых мероприятий, по инерции активно «применяются» и по сей день.

Отдельно готовились и к антипасхальной кампании. На заседании окружной комиссии под председательством ее руководителя Раввина был утвержден план по Рыбинскому округу⁵⁹¹. Как средство борьбы с посещением храмов предлагалось именно в эти дни переходить на «непрерывку», поэтому в планах была фокусная работа с неперешедшими на такой режим работы, а также на строгий контроль прогулов. Предлагалось также организовать «вынесение коллективных заявлений об отказе траты средств на поддержание религии, приема попов, выпечки куличей и проч.»⁵⁹². Продолжался сбор на танк «Безбожник», как, надо сказать, уже затянувшийся ответ на налет китайских империалистов. Руководству Союза представлялся достойной альтернативой праздничным богослужениям сбор утильсырья, к которому население в пасхальные дни должны были привлекать члены Союза, школьники и комсомольцы. Для укрепления материализма предлагалось создание безбожных колхозов, чтобы крестьяне видели, что и без веры можно сеять и собирать достойные урожаи. Позднее колхоз «Безбожник» был создан, но быстро разорился ввиду почти полного отсутствия урожая. В заключение заседания было предложено подготовиться к антипасхальной кампании сбором икон для – ни много, ни мало – организованного сожжения их в канун праздника и проведения широких демонстраций с массовым сожжением икон, а также организовать с 6 часов массовые гуляния⁵⁹³.

Областное руководство довольно быстро отреагировало на столь радикальные намерения Союза. Всем ячейкам пришло распоряжение ни в коем случае «не проводить никаких массовых выступлений против религии: карнавалов, демонстраций, публичного сожжения икон», и даже предлагалось

---

⁵⁹⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

⁵⁹¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–23.

⁵⁹² РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–23.

⁵⁹³ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–23.

«отказаться от резких выступлений за закрытие церквей», проводя всю работу союза на основе «углубленной, массовой и широкой пропаганды»⁵⁹⁴.

В целом отношение власти к антирелигиозным кампаниям демонстрирует желание продолжать наступление на Русскую Православную Церковь, но с оглядкой на возможную бурную реакцию со стороны населения при резких и необоснованных попытках закрытия храмов и явном публичном кощунстве.

Работа по антирелигиозной пропаганде в Союзе воинствующих безбожников строилась, как уже было сказано выше, на привлечении населения. Подводя итоги работы в 1930 г., Союз отчитывался о количестве членов, указывая, какие мероприятия и в каком объеме были проведены в прошедшем году. Так, Мологское отделение Союза к концу 1930 г. насчитывало 19 ячеек и 797 членов, в которых состояли 624 мужчины и 173 женщины⁵⁹⁵, в среднем в месяц читалось 10 докладов или лекций. Вкупе с административным давлением Союз мог видеть плоды своих трудов на ниве атеистической пропаганды. Отчитываясь о религиозном вопросе на уровне области, областной комитет ВКП(б) Ивановской промышленной области, куда на тот момент входила территория современной Рыбинской епархии, констатировал, что за прошедшие 13 лет после революции количество религиозных общин сократилось более чем на 25 %, также почти в три раза сократилось количество «кадров церковно-сектантских проповедников»⁵⁹⁶. При этом активизировалась работа Союза воинствующих безбожников, что видно из почти трехкратного увеличения его членов только за первое полугодие 1930 г. с 30 000 до 80 000 человек⁵⁹⁷. В активе организации было 70 человек. Среди них были организаторы массовой работы, работники среди женщин, среди молодежи, докладчики и лекторы, кружководы, книгоноши и распространители печати и только о количестве «безбожников» не было точных сведений⁵⁹⁸. Наряду с рапортовавшимися успехами, Союз не мог не

⁵⁹⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

⁵⁹⁵ РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁵⁹⁶ РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

⁵⁹⁷ РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

⁵⁹⁸ РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

докладывать и о все еще прочной и широко распространенной религиозности среди населения, проявлявшейся, в частности, в «изобретении всевозможных чудес»: три случая обновления икон в Брейтовском районе и одно чудо спасения пропавшего на болоте в том же районе подростка⁵⁹⁹.

В целом, такая тенденция сохранится и дальше. Позднее, в 1935 г., в докладе о результатах очередной антирождественской кампании констатировалось, что храмы, как правило, 6 января вечером и 7 утром были переполнены. Причем наблюдалось, что молящихся из года в год становится больше⁶⁰⁰. При этом миф о том, что вера – удел стариков и старух, разбивался об упрямые факты, ярко свидетельствующие, что даже в городах, например, в Рыбинске, в «церквах среди молящихся преобладал молодой возраст в 20–30 лет»⁶⁰¹. Единственное, чем могли к тому моменту «похвастаться» воинствующие безбожники – это «снижение невыходов на лесозаготовки» в рождественские дни⁶⁰².

4.3. Закрытие храмов

На фоне все более ожесточенной борьбы с религиозными «заблуждениями» продолжались попытки советской власти придать этой борьбе законный вид, продиктованные либо стремлением придать закону главенствующую роль, либо все еще осторожным отношением к религиозному чувству народа, который по-прежнему в большом количестве посещал храмы. Закрытие храмов было самым ярким доказательством побеждающего атеизма, поэтому уменьшить количество действующих религиозных общин было делом коммунистической чести для местных руководителей. На этом фоне особо горячие головы не гнушались применять все меры, вплоть до репрессивных.

---

⁵⁹⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

⁶⁰⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

⁶⁰¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

⁶⁰² РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

Рыбинский исполком на заседании в феврале 1930 г. рассматривал полученную инструкцию о расторжении договоров на использование молитвенных зданий в случае неуплаты налога – на тот момент основная причина для легального закрытия храма⁶⁰³. Автор инструкции – облисполком – предлагал руководствоваться следующим пошаговым регламентом. При получении письменного отказа самой группы верующих от здания, горсовет или райисполком должен передать это здание другой группе верующих, причем объявление, вывешиваемое на дверях зданий, должно четко указывать, что передача может состояться новой группе верующих только при уплате всех полагающихся платежей. При отсутствии новой группы или неуплате в недельный срок с момента объявления о передаче молитвенное здание считается ликвидированным и дальнейшее его использование определяется окрисполкомом. Платежи взыскиваются с прежней группы в порядке циркуляра НК от 5 января 1930 г. № 195. В случае неуплаты платежей и отсутствия отказа группы верующих горсовет или райсовет возбуждает дело о расторжении договора на использование молитвенного здания⁶⁰⁴.

Массовые закрытия приводили к тому, власти не знали как использовать здания закрытых храмов, в связи с чем президиум рыбинского окрисполкома срочно постановил создать «комиссию для подготовки вопроса об использовании закрываемых церквей»⁶⁰⁵.

Помимо претензий по поводу отсутствия должного ремонта и краж церковного имущества, к общинам применялись и экономические меры в рамках развернувшейся в 1929 г. кампании по борьбе с частным предпринимательством, где к Церкви предъявлялись такие же суровые налоговые требования. В случае неуплаты налогов не только расторгался договор с общиной по аренде церковного здания, но и нередко священники и члены приходского совета подвергались аресту. Из-за так называемых налоговых недоимок давались сроки

---

⁶⁰³ РБФ ГАЯО. Ф. Р5. Оп. 1. Д. 5. Л. 93.

⁶⁰⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р5. Оп. 1. Д. 5. Л. 93.

⁶⁰⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р5. Оп. 1. Д. 5. Л. 352.

до пяти лет лагерей, при этом семьи арестованных фактически обрекались на голодную смерть.

Как проходило закрытие храмов и как верующие пытались вернуть себе право на церковную жизнь можно в деталях проследить по истории Крестознаменской Копринской православной общины. В октябре 1929 г. была закрыта церковь в селе Погорелово, а вскоре были подготовлены документы на закрытие храма в самом селе Коприно⁶⁰⁶. Отчаявшись отстоять церковь перед местными властями, члены общины обратились с жалобой к председателю ВЦИКа М. И. Калинину:

«Глубоко-уважаемый Михаил Иванович!

В нашей бывшей Копринской волости имеется 50 деревень, состоящих из 1630 крест. домов, расположенных на 100 квадр. километрах. У нас имелись две церкви Копринская и Погорельская в пяти километрах одна от другой. Погорельскую церковь закрыли 24 октября 1929 года, а теперь и оставшуюся кладбищенскую Копринскую церковь на основании постановления общего собрания только трех деревень: Петрокова, Мухина и Коприна тоже хотят закрыть, и бумаги о закрытии уже отосланы Погорельским сельсоветом по инстанциям в Рыбинский окружной Исполком, Иваново-Вознесенский Исполком и во ВЦИК. Когда же верующие крестьяне остальных 47-ми деревень стали подавать в Погорельский сельсовет свои протоколы и заявления об оставлении верующим Копринской церкви, то сельсовет их не принял.

Поэтому мы, крестьяне бывшей Копринской волости, прилагая при сем протоколы общих деревенских собраний и заявления в числе 22, просим Вас рассмотреть наше дело и рассудить справедливо, согласно опубликованному за вашей подписью постановлению ВЦИК от 8 апреля 1929 года. Мы просим Вас оставить нам верующим Копринскую церковь как необходимо нужную»⁶⁰⁷.

---

⁶⁰⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 65–66.

⁶⁰⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 66.

При этом заявления от жителей деревень, входивших в копринский приход, продолжали поступать и в районный сельсовет⁶⁰⁸. В заявлениях указывался священник Николай Хабаров, который «и будет совершать все требы для верующих»⁶⁰⁹. Под заявлениями стояли подписи 30 и более крестьян. Судя по всему, власти запретили о. Николаю служить, поэтому жители деревни Стригина просили «открыть нам церкву для отправления культовых обрядов прихожан верующих, а еще вторая просьба восстановить священника отца Николая и вернуть ему те права священника для исполнения культовых обрядов для верующих»⁶¹⁰.

В мае 1930 г. окрисполком запросил рыбкрадмотдел касательно Копринской общины и жалоб, поступающих от верующих. Рыбинский отдел, судя по всему, испугавшись последствий, ответил, «что Копринская церковь не закрыта и в Райисполкоме никакого материала о закрытии ее не имеется»⁶¹¹.

Два дня спустя, 20 мая 1930 г., в Рыбинский окрисполком поступило указание из секретариата председателя ВЦИК: «Поступившую во ВЦИК жалобу на закрытие Копринской церкви, Секретариат ПредВЦИКа, по поручению Члена Президиума ВЦИК тов. Смидовича, препровождает Вам для рассмотрения в порядке закона, от 8 апреля 1929 года о религиозных объединениях (опубликовано в Известиях ЦИКС и ВЦИК № 96–98). Просьба о последующем сообщить. До решения ВЦИК церковь остается в пользовании верующих»⁶¹². Выход из сложившейся ситуации был найден довольно быстро. В июне администрация повторила общине требование по срочной уплате недоимки по страховым платежам в сумме 125 руб. 42 коп., «в противном случае будет поставлен вопрос о расторжении договора»⁶¹³. Неожиданно для властей община

---

⁶⁰⁸ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 66.

⁶⁰⁹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 66.

⁶¹⁰ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 67.

⁶¹¹ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 90.

⁶¹² РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 91.

⁶¹³ РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 92.

собрала деньги и все уплатила, 23 июня 1930 г. задолженность была полностью погашена⁶¹⁴.

На этот раз общине удалось отстоять свой храм, но спустя несколько лет, в грозный 1937 г., церковь вновь оказалась под угрозой закрытия. Тогда, приходской совет решил обратиться к Сталину, виртуозно сочетая бывшие в ходу в царское время обращения с суровой советской действительностью. Приведем полностью письмо приходского совета⁶¹⁵:

«Глубокоуважаемый дорогой Отец наш и Защитник, Иосиф Виссарионович!

По поручению нашей Копринской религиозной общины верующих, осмеливаемся обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, заключающейся в следующем.

Семь месяцев наша Церковь в селе Коприно закрыта за отсутствием священника. В течение 7 месяцев мы не один раз представляли в Мологский Р.И.К. священников, но Р.И.К. в регистрации их отказывал. Когда подошло время уплаты налогов, причитающихся на Церковь на 1937 год, нам сказали: «заплатите налоги сполна и тогда зарегистрируем представленного вами священника и откроем Церковь. Община 6-го мая с.г. сполна уплатила все налоги с пенями в количестве 3342 р. 78 к., на что имеется квитанция и о чем выдана справка из Погорелковского с/совета.

Когда же, основываясь на обещании Р.И.К., мы пошли зарегистрировать священника, нам опять отказали, указывая, что у нас не заполнены анкеты со сведениями об избранном 8 октября 1936 года на Церковном Совете или двадцатке, заполнить анкеты можно только на общем собрании верующих – но разрешения на общее собрание не дали ни Р.И.К., ни Погорелковский с/совет, при чем Р.И.К. отсылает за разрешением с/совета, а председатель с/совета заявлял, что без приказа из Р.И.К. – он никакого разрешения не даст, а когда

---

⁶¹⁴ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 192.

⁶¹⁵ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 262.

обратились в Ярославский Обл.И.К. – там потребовали письменные резолюции от Р.И.К. и с/совета, а эти последние резолюций не давали. Наконец 28 мая с/года Погорелковский с/совет уведомил, что договор расторгнут по Постановлению Р.И.К. – за злостный неплатеж налогов за отсутствием Управления в Общине, тогда как налоги были уплочены 6 мая и Управление есть, избранное 8 октября 1936 года – только не было по незнанию представлено анкет о лицах избранных. В довершение всего 20 июня нам объявили, что Церковь не откроют и через 2 недели приступят к ломке и вывозу имущества.

Дорогой Отец народа! Заступитесь и прикажите Мологскому Р.И.К. открыть Церковь и зарегистрировать священника. Верующих у нас много, 52 больших деревни, кругом церквей нет на 10 километров. При Церкви кладбище. Прострите свет Вашей Конституции, предоставляющей свободу совести и на нас. От имени Общины Председ. Тружина, и.о. секретаря Жуков».

В августе того же года президиум ЦИК направил в Ярославский облисполком указание рассмотреть жалобу «религиозного общества с. Коприно, Мологского р-на на закрытие церкви в установленном законом порядке»⁶¹⁶.

Верующие тем временем направили «покорнейшее прошение коллектива верующих Религиозной общины Церкви с. Коприна – Председателю ЦИК СССР Михаилу Ивановичу Калинин»⁶¹⁷. Судя по всему, жалобы снова возымели действие, так как в январе 1938 г. Ярославский облисполком направил в Мологский райисполком предписание о том, что дело по закрытию Копринской церкви требует дополнительного оформления, что означало проведение массовой работы среди населения вокруг закрытия церкви, с передачей ее под культурные цели⁶¹⁸. Чтобы обезопасить себя на случай новых жалоб облисполком требовал собрать протоколы общих собраний трудящихся с их личными подписями в регистрационных листах присутствующих, с указанием процента населения, голосующего за закрытие церкви. Помимо этого

⁶¹⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 263.

⁶¹⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 264.

⁶¹⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 276.

райисполком должен был приложить к делу о закрытии церкви следующие документы: «Указание подо что будет использована церковь, план и сметы ее переоборудования, предусматривающие и внешнее изменение, чтобы здание не выглядело церковью, имеются ли средства на переоборудование и откуда поступят, фотоснимок церкви и справка о расстоянии до ближайшей функционирующей церкви от закрываемой»⁶¹⁹. Далее указывалось, что «решение президиума Облисполкома от 25 мая 1937 года по закрытию Копринской церкви, вынесенное за неуплату общиной задолженности, в сумме 2191 руб., теряет силу вследствие того, что община эту задолженность погасила 22 апреля 1937 года. Притом община это решение Облисполкома своевременно обжаловала во ВЦИК, поэтому церковь сохраните в беспрепятственном пользовании общины до решения ВЦИК»⁶²⁰.

Необходимо отметить, как община смогла снова уплатить недоимку по налогу. Из последующих докладных записок мологского райисполкома стало известно, что в сборе средств участвовала не вся община а «только три лица: Колышкин бывший дьяк, Лыков и Трушина»⁶²¹. Узнав о закрытии церкви, они уплатили налог, уговорив одного из колхозников продать дом и дать им необходимую сумму на неделю взаимобразно. Получив от продажи дома 700 рублей, а также от другого лица 300 рублей, недоимку уплатили. После чего Колышкин организовал и провел собрание, на котором было принято заявление с ходатайством об открытии церкви.

Точно определив источник сопротивления, власть поступила в духе времени – вскоре Колышкин был репрессирован, «и поскольку нет того лица, который возбудил бы массу, община больше вопросов не поднимает о регистрации дополнительного органа и открытия церкви, двадцатка с 11 августа 1936 года по настоящее время не создана, поэтому общины как таковой не существует, и церковь в течение года не пользуется. Президиум Райисполкома

---

⁶¹⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 276.

⁶²⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 276.

⁶²¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 3. Л. 277.

своим решением от 15 июля просит президиум Облисполкома подтвердить свое решение о закрытии церкви»⁶²². Подтверждение пришло вскоре. На заседании культовой комиссии при президиуме исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Ярославской области было принято решение постановление президиума Мологского райисполкома от 22 апреля 1937 г. утвердить. Копринскую церковь как молитвенное здание ликвидировать.

4.4. Церковное управление в 1930-е гг.

Глава Русской Православной Церкви митрополит Сергей пытался найти действенные меры по ослаблению невыносимого давления на Церковь. Вслед за так называемой «Декларацией», митрополит Сергей дает интервью иностранной прессе о церковной свободе и отсутствии гонений. На этом фоне епископат все чаще критикует митрополита Сергия за его действия. В среде епископата к нему формируется отношение, как к «слабовольному, хотя и не злонамеренному Предстоятелю», который, «переоценив значение для религиозной жизни внешних условий, и средством для своей правильной цели избрал не исповедание церковной истины, а личную хитрость, неискренность, политиканство»⁶²³.

В феврале 1930 г. советское правительство получило от митрополита Сергия перечень совершаемых властью гонений против Церкви с требованием прекращения невыносимого давления и предоставления Русской Православной Церкви права на открытие духовных учебных заведений, печатных изданий и возможности осуществления нормального церковного управления, которое к этому моменту было практически парализовано.

---

⁶²² РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486. Л. 278.

⁶²³ Алчущие правды : Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. ст. свящ. Александр Мазырин, О. В. Косик. М. : Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 93.

По-видимому, этот шаг дал свои результаты. Можно сказать, что ценой своей репутации среди большого количества клириков и чад Русской Православной Церкви митрополит Сергей смог добиться от советской власти отсрочки уничтожения Церкви, как физического, так и структурного. Несмотря на то, что из 21 пункта, перечисленного митрополитом Сергием, советская власть удовлетворила лишь несколько просьб, тем не менее наступил, пусть и весьма короткий, но очень нужный период приостановки открытого наступления на Церковь⁶²⁴.

В период с 1930 по 1935 г. наблюдается ослабление натиска на Церковь, с 1931 г. возобновляется печать «Журнала Московской Патриархии», состоялось даже – хотя и кратковременное – открытие нескольких пастырских курсов и училищ⁶²⁵. Вместе с внешнеполитическим давлением твердая позиция митрополита Сергея дала свои результаты. В марте выходит статья Сталина «Головокружение от успехов», что в совокупности с описанными выше шагами видимо показывало ослабление натиска в церковном вопросе.

Во внутренней жизни приходов в этот период наблюдается ослабление налогового бремени, устанавливаются максимальные пределы налогов. Можно констатировать, что на четыре – пять лет духовенство получило определенную передышку, хотя при этом продолжались и закрытия храмов.

Таким образом, можно констатировать, что к концу рассматриваемого периода, применяя все административные и силовые меры, советская власть сумела внешне добиться создания безбожного государства, что наглядно прослеживается на территории современной Рыбинской епархии. Церковь вытеснили из всех сфер общественной жизни, лишили средств к существованию и развитию, разрушили структуру церковного управления. Помимо этого,

---

⁶²⁴ *Кашеваров А. Н.* Государство и церковь : Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917–1945 гг. СПб., 1995. С. 110–111.

⁶²⁵ *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 171.

используя все доступные средства, новая власть многократно сократила численность духовенства, практически полностью уничтожила монастыри и добилась закрытия 80–90 % храмов. Особенно резко сократилось количество храмов в городах, часть была закрыта сразу в 1917–1918 гг., часть – передана обновленцам, куда вскоре народ перестал ходить, а впоследствии храмы упразднились, часть была закрыта в 1930-е гг. в связи с неуплатой налогов или невыполнением указаний по ремонтным работам. Так, в Рыбинске к 1929 г. осталось 2 православных общины⁶²⁶ из 24 на 1918 г.⁶²⁷ Сельские храмы на примере Рыбинского уезда пострадали в меньшей степени. Можно сказать, что туда, в сравнении с городами, «не доходили руки», с другой стороны, по свидетельству самих же борцов с религией на примере докладов по Мологскому району, сельское население оставалось «в темном неведении» в большинстве своем, все еще продолжая держаться православной веры. Как объясняли местные власти, в основном это было связано с привязанностью сельского населения к земледелию, в чем в нашей полосе никак нельзя преуспеть, рассчитывая только на свои силы.

Поводом к закрытию храмов были претензии по поводу отсутствия должного ремонта и краж церковного имущества. Помимо этого, в рамках развернувшейся в 1929 г. кампании по борьбе с частным предпринимательством, к Церкви предъявлялись такие же суровые налоговые требования, что давало дополнительный повод к уничтожению общин. Не обошла тяжелая участь и сельские храмы. Многие пастыри, как, например, прот. Иоанн Афонский в селе Сить-Покровское Мологского района, с амвона призывали прихожан к сбору средств для уплаты необходимой суммы, что часто спасало храм от закрытия, но грозило духовенству суровыми последствиями.

---

⁶²⁶ РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88. Л. 139.

⁶²⁷ РБФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

При этом приходская жизнь не замирала. Проходили собрания духовенства и мирян, духовенство все еще находило в себе силы и смелость занимать активную пастырскую позицию, даже посещать школы⁶²⁸.

В 1929 г. на территории современной Рыбинской епархии активизируется Союз воинствующих безбожников. Отсутствие ощутимых результатов в борьбе с религией заставляло руководство союза переходить к активным мерам. В частности, в Мологском районе, как и во всей Ивановской промышленной области, проводятся трудовые «антирождественники» и антипасхальная кампания. Зачастую, как, например, в Рыбинском округе, предлагалось проведение широких демонстраций с массовым сожжением икон. В ответ на такие инициативы областное руководство призывало отказаться от массовых выступлений против религии и даже предлагало «отказаться от резких выступлений за закрытие церквей», проводя всю работу союза на основе «углубленной, массовой и широкой пропаганды»⁶²⁹.

Наряду с рапортовавшимися успехами, Союз не мог не докладывать и о все еще прочной и широко распространенной религиозности среди населения. В целом такая тенденция сохранится и дальше. Позднее, в 1935 г., в докладе о результатах очередной антирождественской кампании констатировалось, что храмы, даже в городах, на примере Рыбинска, как правило, 6 января вечером и 7-го утром были переполнены, и среди молящихся преобладали молодые люди, 20–30 лет.

---

⁶²⁸ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁶²⁹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

Заключение

Анализ исторического развития государственно-церковных отношений и церковной жизни за первые 15 лет советской власти, проведенный на основе изучения архивных материалов Рыбинской епархии, дает развернутую характеристику драматических изменений в государственно-церковных отношениях и церковной жизни.

Благодаря региональной привязке проведенного исследования, удалось рассмотреть общие для страны события и проблемы сквозь призму конкретного региона, что дало важный материал, углубляющий представление и дополняющий картину усилий, предпринятых атеистической властью по разрушению укорененной православной традиции и религиозно значимых норм общественной жизни, а также результатов этого трагического и болезненного процесса социальной ломки, происходившей в первые послереволюционные годы в Советской России и СССР.

В рассматриваемый период взаимоотношения между Церковью и государством и внутрицерковная жизнь на территории современной Рыбинской епархии прошли несколько этапов.

Начав с полной конфискации всего церковного имущества и отделения Церкви от нового государства, советская власть в условиях борьбы за свое существование прибегала к репрессивным мерам. Церковь старалась не допустить народных волнений, при этом строго стояла на страже Православия, возвышая свой голос против кровопролития и осквернения святынь. Попытка удержаться в своем отношении к новой власти в рамках евангельского «всякая власть от Бога», при этом сохранив неприкосновенным духовное пространство Православия, прослеживается в среде духовенства, что хорошо видно из результатов анкетирования, проведенного для учета светского и монашеского духовенства всех религий, существующих в пределах

Ярославской губ.»⁶³⁰. Одобряя намерение новой власти «освободить трудовой народ от когтей нищеты и невежества»⁶³¹ и приветствуя необходимое, по мнению священства, отделение Церкви от государства, пастыри указывают не ошибочность удаления Церкви из среды образования. Для части духовенства и мирян, еще не осознавшей весь драматизм происходящих событий, все еще теплится надежда на то, что новая власть хочет услышать их голос.

В церковной жизни Рыбинска и соседних с ним уездов, несмотря на тяжелейшие условия, продолжают открываться приходы, на местном уровне предпринимаются попытки наладить существование в новой действительности и Церкви, и нового государства в неустанной заботе в первую очередь именно о пастве, а не о духовенстве или материальном положении приходов.

К 1920-м гг., казалось, между Церковью и государством начался этап новых отношений, в которых советская власть пыталась найти некий баланс, вырабатывая пути дальнейшего сосуществования с Русской Православной Церковью. Мы видим из документов городской и сельской милиции, что довольно часто местным властям рекомендовалось быть осмотрительными по отношению к религиозным чувствам своих граждан из опасения вспышки народного возмущения.

В церковной жизни Рыбинска остро стоял вопрос безопасности на фоне грабежей и хулиганства. Критическое сокращение доходов храмов в Рыбинске и селах ставило клириков на грань выживания, а для приходов делало трудновыполнимым задачу поддержания храмов в надлежащем виде. При этом трудности церковной жизни для многих общин стали возможностью делом заявить о готовности стоять за Православие до конца, и этой настрой чутко улавливала советская власть, стараясь, где это было возможно, не идти на открытый религиозный конфликт. При этом устойчивое давление на Церковь не ослабевает, а власть находится в постоянном поиске новых способов для разрушения церковной крепости.

---

⁶³⁰ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

⁶³¹ РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

В начале 1920-х гг. разразившийся голод дал повод усилить натиск на Церковь: было положено начало кампании по изъятию церковных ценностей, которая явилась переломной точкой в отношениях советской власти к Русской Православной Церкви. На территории современной Рыбинской епархии власть поначалу действует нерешительно, делая попытки придать легитимность, добиться добровольной сдачи и заручиться согласием приходов на изъятие церковных ценностей. Впоследствии местные власти все-таки переходят к более решительным действиям с подключением репрессивных мер, завершив изъятие судебным процессом, на котором в том числе были осуждены епископ Рыбинский Борис (Соколов) и епископ Угличский Серафим (Самойлович). Итогом проведенной кампании стали не только огромные материальные ценности, которые веками благоговейными подношениями собирались в храмах, но и пройденный для власти барьер в виде боязни возмущения верующих и духовенства.

В это самое время обновленчество открыто показало свою лояльность новой власти, тем самым закрепляя свои позиции в борьбе против Православия, тогда же обновленцы создали собственную Рыбинскую епархию и организовали епархиальное управление.

Сломив в рамках кампании последнее сопротивление со стороны церковных общин, государство встало на путь полного уничтожения Церкви. Этот путь все еще сопровождался паузами и ослаблением натиска, но ни о каких возможных формах сосуществования не могло быть и речи. Применялись различные формы давления на Церковь, которым государство старалось придать законность: от налогового бремени, до предписаний по ремонтным работам, которые в силу крайне бедственного финансового положения приходов не оставляли православным общинам ни малейшего шанса на существование.

С наступлением НЭПа религиозно-государственные отношения не претерпели существенных изменений, но, уступая требованиям внешней политики, налаживающей дипломатические отношения с Западом, советская власть в религиозном вопросе становится несколько мягче.

Финансовое положение приходов на территории современной Рыбинской епархии продолжает ухудшаться, общины решают материальные проблемы через самообложение, часть клириков вынуждены искать работу в светских учреждениях. В этот период особую руководящую и координационную роль среди приходов играют благочиннические советы, которые, помимо организационной работы, ставят перед приходами насущные вопросы духовно-нравственного характера.

Обновленчество, резко активизировавшееся после ареста Патриарха Тихона, предприняло попытку захватить в Рыбинске православные храмы. При этом стоит отметить, что иногда власть проявляла и вполне взвешенный юридический подход в конфликтах между православными и обновленцами, отказывая последним в необоснованных требованиях. Сами обновленческие общины в течение своего непродолжительного существования пребывали в непрерывном кризисе из-за внутренних противоречий и отсутствия реальной поддержки среди верующего населения.

К началу 1930-х гг. положение Русской Православной Церкви становится крайне тяжелым. Наибольшей угрозой для церковной жизни в рассматриваемый период стало лишение общин храмов под предлогом невыполнения финансовых и хозяйственных обязательств перед советской властью. Для государства это было самым действенным способом борьбы с религией, который до последнего применялся властью лишь местами и то с частым одергиванием областным начальством при возникновении волнений или жалоб со стороны населения. Закрывание храмов, приняв в 1930-е гг. массовый характер, не могло не сказаться на приходской жизни, загоняя ее в частные дома и собрания.

Почувствовав твердую почву под ногами, новое государство решилось на рывок для окончательного укрепления своих позиций, в связи с чем ему требовалось убрать все внутренние угрозы. Перед грозным 1937 г. репрессивная машина словно готовилась к работе на полную мощность. Наступала вторая половина 1930-х гг., когда кровожадная система «троек» не пощадит ни духовенство, ни мирян, ни многих из творцов революции.

За первые 15 лет существования советской власти удалось добиться ощутимых успехов в борьбе с религией. Вытеснив Церковь из всех сфер общественной жизни и лишив ее средств к существованию и развитию, государство также разрушило структуру церковного управления. На территории современной Рыбинской епархии к середине 1930-х гг. существенно сократилось число духовенства, практически полностью были уничтожены монастыри и закрыто 80–90 % храмов. При этом особенно резко сократилось количество храмов в городах, в которых на большие праздники собиралось все еще пугающе большое количество прихожан. Имея удовлетворительную картину на внешнем фронте борьбы с религией, советская власть не могла не понимать, что для большой доли населения православная вера до сих пор остается неотъемлемой частью их жизни. Похожая картина наблюдалась и на идеологическом фронте, где контрреволюционная угроза, не имея явных внешних предпосылок, в глазах руководства все еще оставалась существенной, сохраняясь множественными осколками в мировоззрении населения. Для борьбы с таким масштабом неявных угроз было необходимо провести генеральную проверку или, как называли ее чекисты – «чистку», всех граждан нового государства. Для нового советского мира наступали годы репрессий.

Список сокращений

- АРА – Американская административная помощь
- Волисполком – исполнительный комитет волостных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
- ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ВЦУ – Высшее церковное управление
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
- ГПУ – Государственное политическое управление
- КГБ – Комитет государственной безопасности
- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
- НКЮ – Народный комиссариат юстиции
- НЭП – новая экономическая политика
- Помгол – Всероссийский комитет помощи голодающим
- Последгол (последствия голода) – Центральная комиссия при ВЦИК по борьбе с последствиями голода 1921 года
- РБФ ГАЯО – Филиал ГКУ ЯО «Государственный архив Ярославской области» в Рыбинске
- РПЦЗ – Русская Православная Церковь Заграницей
- Уком – уездный комитет
- Упомгол – уездная комиссия помощи голодающим
- ФСБ – Федеральная служба безопасности
- ЦАУ НКВД – центральное административное управление НКВД

Список источников и литературы

Архивные материалы

1. Комиссия по изъятию церковных ценностей исполкома Ярославского губернского совета. Переписка губкомиссии с центром (20.04–16.06.1922) // ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 2.
2. Комиссия по изъятию церковных ценностей исполкома Ярославского губернского совета. Переписка губкомиссии органами ОГПУ (14.03.1922–15.06.1922) // ГАЯО.Ф. 600. Оп.1. Д. 3.
3. Комиссия по изъятию церковных ценностей исполкома Ярославского совета. Соглашение об использовании церквей города Ярославля и Ярославской губернии и опись церковного имущества (1919) // ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 34.
4. Комиссия по изъятию церковных ценностей исполкома Ярославского губернского совета. Материалы по вопросу закрытия разрушенных церквей (12.08.1922–04.08.1922) // ГАЯО. Ф. Р600. Оп. 1. Д. 32.
5. Уполномоченный совета по делам религии при совете министров СССР по Ярославской области // ГАЯО. Ф. Р1033. Оп. 1. Д. 1.
6. Уполномоченный совета по делам религии при совете министров СССР по Ярославской области. Переписка с облисполкомом и с организациями по основной деятельности (1945–1948) // ГАЯО. Ф. Р1033. Оп. 1. Д. 3.
7. Уполномоченный совета по делам религии при Совете министров СССР по Ярославской области. Переписка с облисполкомом и с организациями по основной деятельности (1944) // ГАЯО. Ф. Р1033. Оп. 1. Д. 2.
8. Подотдел милиции административного отдела исполкома Рыбинского уездного Совета РК и КД. Протоколы общих собраний членов церковно-приходских и религиозных общин, раз решенных милицией, приложения к ним // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 134.
9. Документы о результаты обследования церквей и религиозных общин Рыбинского уезда. Протоколы, рапорты, заключения, переписка, акты, заявления // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 1. Д. 119.
10. Документы о регистрации религиозных общин и проверке церковного имущества и культового (01.10.1924–04.12.1925) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 132.
11. Документы о регистрации и проверке религиозных общин, учете их членов, обследовании церквей города и уезда. Протоколы, доклады, сведения, рапорты, заключения, отношения, списки (10.01.1925–11.09.1926) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 4. Д. 133.

12. Протоколы общих собраний членов церковно-приходских общин, торговых предприятий и артелей города и уезда, разрешенных милицией, сопроводительные документы к ним // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 75.
13. Документы о регистрации религиозных общин города и уезда. Инструкции, протоколы, сведения, рапорты, переписка, списки, удостоверения, заявления (02.01.–10.10.1924) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 74.
14. Документы о регистрации и хозяйственной деятельности религиозных общин. Сметы, переписка, списки, акты (05.10.1926–04.04.1928) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 386.
15. Документы об учете конфискованного, выписки из протоколов, акты, удостоверения, доверенности, квитанции, описи (04.04.1919–31.02.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 58.
16. Документы о капиталах церквей Мышкинского Рыбинского уездов. Сведения, переписка, описи, ведомости (28.09.1917–06.05.1919) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 2.
17. Сведения о вкладах и текущих счетах учреждений религиозного культа, с/х училища г. Молога и уезда, хранящихся в банках за октябрь 1918–1919 гг.) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 336.
18. Сведения о вкладах и текущих счетах учреждений религиозного культа г. Рыбинска и уезда, хранящихся в банках за сентябрь – ноябрь 1918 г. // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 335.
19. Переписка зав. отделом по ликвидации церковно-монастырского имущества исполкома Мологского уездного Совета РК и КД с вышестоящими организациями по основной деятельности. Акты передачи домов, ранее принадлежащих церквям и монастырям, Мологскому совету Народного хозяйства // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 56.
20. Документы по личному составу отдела по отделению церкви от государства исполкома Рыбинского уездного Совета РК и КД (сведения, списки, заявления, удостоверения). Переписка зав. отделом с организациями города по основной деятельности (03.10.1918–24.01.1920) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 35.
21. Документы об организации и результатах работы отдела по ликвидации церковно-монастырского имущества исполкома Мологского уездного Совета РК и КД. Постановления, приказы, переписка, акты, заявления, описи (20.08.1918–19.12.1919) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 32.
22. Смета расходов отдела по ликвидации церковно-монастырского имущества исполкома Мологского уездного Совета РК и КД. Переписка отдела с организациями г. Молога по основной деятельности. Описи изъятых финансовых документов церковью Мологского уезда (01.07.1918–19.12.1919) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 330.
23. Приказы начальников горюездной и уездной милиции по основной деятельности и личному составу (03.01.1921–02.12.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 80.

24. Документы о замене колоколов у церквей с. Воятицы Мологского уезда, с. Михайловское Рыбинского уезда, с. Спас-Мякса Череповецкого уезда. Приказы, протоколы, докладные записки, заявление, счета (20.04.1922–16.01.1923) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 164.
25. Документы об обследовании Мологского Афанасьевского женского монастыря. Протоколы, акты, заключения, соглашения (28.07.1921–29.08.21). РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 158.
26. Документы об изъятии церковных ценностей в Мологском уезде. Протокол, отчет, сводка, описи, акт. (12.05.1922–26.05.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 288.
27. Списки церквей и монастырей Рыбинской губернии. Соглашение прихожан с исполкомами уездных и областных советов РК и КД о бесплатном использовании богослужебными зданиями и церковным имуществом. Описи церковного имущества (04.09.1919–28.04.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 269.
28. Документы об организации работы и ликвидации отдела по отделению церкви от государства исполкома Рыбинского уездного совета РК и КД. Протоколы, доклады, справки, переписка, акты, анкеты, удостоверения, ведомости (28.12.1918–11.09.1919) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 27.
29. Документы об организации и результаты работы отдела по отделению церкви от государства исполкома Рыбинского уездного совета РК и КД. Циркуляры, доклады, переписка, акты, заявления, описи (20.09.1918–27.06.1919) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 29.
30. Переписка отдела управления отдела культов Рыбинского уездного совета РК и КД с отделом управления исполкома Ярославского губернского Совета РК и КД и отделом церковно-монастырского имущества исполкома Мологского уездного Совета РК и КД о выполнении Декрета «об отделении церкви от государства», учете и закрытии церквей (28.10.1918–10.03.1920) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 28.
31. Доклады Ярославской Губернской комиссии по делам музеев и охране памятников старины и искусства об итогах обследования церкви Югского монастыря и церкви при бывшем Баскеновском приюте (23.10.1919). Описи сберегательных книжек и банковских билетов на капиталы учреждений культов, подлежащих перечислениям в доход казны за 1919 г. // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 40.
32. Переписка отдела управления отдела культов Рыбинского уездного Совета РК и КД с отделом управления исполкома Ярославского губернского Совета РК и КД и отделом церковно-монастырского имущества исполкома Мологского уездного Совета РК и КД о выполнении Декрета «об отделении церкви от государства», учете и закрытии церквей (28.10.1918–10.03.1920) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 28.
33. Документы по личному составу отдела по отделению церкви от государства исполкома Рыбинского уездного Совета РК и КД. Правила,

- списки, удостоверения, заявления (01.10.1918–07.03.1919) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 30.
34. Мологский союз воинствующих безбожников по Ивановской обл. Выписки из протоколов Райкома ВКП(б) (07.12.1929–07.06.1931) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1.
35. Мологский союз воинствующих безбожников. Информационный материал о проведении антирелигиозных кампаний (05.01.–05.07.1930) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 2.
36. Мологский райсовет воинствующих безбожников. Полугодовой отчет и переписка (01.10.1930–13.05.1931) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 3.
37. Мологский райсовет воинствующих безбожников. Копии распоряжений и информации обществ организаций по антирелигиозной пропаганде и переписка с отдельными организациями (20.11.1930–09.03.1931) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 4.
38. Мологский городской совет. Отдел президиума. Протоколы президиума по антирелигиозной работе в школе. О результатах Антирождественской кампании и др. (01.01.1935–21.02.1936) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 5.
39. Исполком Мологского уездного совета РК и КД. Отдел управления. Приказы штаба карательного отряда с. Покровское. Протоколы собраний граждан волостей уезда. Списки граждан селений уезда (08.06.1917–15.02.1919) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 4.
40. Исполком Мологского уездного совета РК и КД. Отдел управления. Анкеты служащих церкви города и уезда (1919) // РбФ ГАЯО. РбФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49.
41. Мологский районный совет РК и КД и его исполнительный комитет. Материалы о переселении из зоны затопления. Т. 1 (1939) // РбФ ГАЯО. Ф. Р606. Оп. 1. Д. 768.
42. Мологский районный совет РК и КД и его исполнительный комитет. Материалы о переселении из зоны затопления. Т. 2 (1939.) // РбФ ГАЯО. Ф. Р606. Оп. 1. Д. 769.
43. Отчеты и донесения. Отдел переселения при Брейтовском РИКе (с 1 января 1940 г.) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1117. Оп. 2. Д. 63.
44. Мологский районный совет РК и КД и его исполнительный комитет. Материалы о Веретейской религиозной общине (1919–1937) // РбФ ГАЯО. Ф. Р606. Оп. 1. Д. 6.
45. Мологский районный совет РК и КД и его исполнительный комитет. Материалы о закрытии церквей в Мологском районе (1938) // РбФ ГАЯО. Ф. Р606. Оп. 1. Д. 677.
46. Мологский союз воинствующих безбожников по Ивановской обл. Выписки из протоколов Райкома ВКП(б) (07.12.1929–07.06.1931) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 1.

47. Мологский союз воинствующих безбожников. Информационный материал о проведении антирелигиозных кампаний (05.01.–05.07.1930) // РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 2.
48. Мологский райсовет воинствующих безбожников. Полугодовой отчет и переписка (01.10.1930–13.05.1931) // РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 3.
49. Мологский райсовет воинствующих безбожников. Копии распоряжений и информации обществ организаций по антирелигиозной пропаганде и переписка с отдельными организациями (20.11.1930–09.03.1931) // РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 4.
50. Мологский Городской совет. Отдел президиума. Протоколы президиума по антирелигиозной работе в школе. О результатах Антирождественской кампании и др. (01.01.1935–21.02.1936) // РБФ ГАЯО. Ф. Р1290. Оп. 1. Д. 5.
51. Исполком Мологского уездного совета РК и КД. Отдел управления. Приказы штаба карательного отряда с. Покровское. Протоколы собраний граждан волостей уезда. Списки граждан селений уезда (08.06.1917–15.02.1919) // РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 4.
52. Исполком Мологского уездного совета РК и КД. Отдел управления. Анкеты служащих церкви города и уезда (1919) // РБФ ГАЯО. Ф. Р1178. Оп. 1. Д. 49.
53. Выписки из протоколов заседаний президиума исполкома губернского совета президиума Рыбинского городского совета. Анкеты промышленных предприятий и торговых предприятий города за 1925 г. Сведение о поступлении сельскохозяйственного налога по уезду за 1926 г. Акты приема-передачи дел при смене руководства уездной милиции, трудовой сельскохозяйственной колонии им. М. И. Калинина и приложения к актам. Списки религиозных общин уезда, членов правления комитет рыночных торговцев г. Рыбинска, работников аппарата и милиционеров уездной и ведомственных милиций. (11.07.1925–04.10.1926) // РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 1. Д. 453.
54. Смета расходов отдела культов на 2-ю пол. 1918 г. Авансовые отчеты отдела за октябрь 1918 г. Переписка отдела культов с финансовым отделом по финансовым вопросам (01.10.18–07.03.19) // РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 5.
55. Авансовые отчеты и оборотные ведомости отдела культов за 1918–1919 гг. Смета расходов отдела на 1-ю пол. 1919 г. Ведомости на выдачу зарплаты работникам отдела за ноябрь 1918 г. – январь 1919 г. // РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 6.
56. Доклады о работе отдела культов. Переписка отдела культов с исполкомами по основной деятельности (23.04.1918–12.11.1918) // РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 7.
57. Рыбинский уездный совет РК и КД и его исполком. Материалы об изъятии Церковных ценностей. Описи ценностей, принадлежащих церквям уезда (21.03.1922–04.12.1922) // РБФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 113.

58. Протокол заседания приходского совета религиозной общины. Списки членов приходского совета и членов Флоровской религиозной общины Волжской (Мышкинской) волости за 1925 г. // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 211.
59. Протокол заседания приходского совета Николо-Кормской религиозной общины. Списки служителей культа, членов приходского совета и членов Николо-Кормской религиозной общины Глебовской волости за 1925 г. // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 233.
60. Рыбинский уездный совет РК и КД и его исполком. Выписки из протоколов заседаний исполкома, его президиума и приложения к ним (06.09.1918–27.12.1918) // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 4. Д. 1.
61. Циркуляры губернского исполкома, присланные для сведения и руководства для сельских советов (08.03.–21.06.1926) // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 4. Д. 1.
62. Отчеты о политическом состоянии волостей, сведения о работниках Госстраха, анкеты служащих государственных учреждений, документы о выдвижении крестьян в государственные и общественные органы, переписка о благонадежности работников (28.03.26–12.10.26) // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 4. Д. 17.
63. Брейтовский районный Совет депутатов трудящихся и его комитет. Протоколы № 1–35 заседаний исполкома (11.01.–27.12.1940) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1110. Оп. 1. Д. 173.
64. Брейтовский районный Совет депутатов трудящихся и его комитет. Решения президиума исполкома и приложения к ним (29.03.–07.08.1939) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1110. Оп. 1. Д. 160.
65. Рыбинская Губернская городская советская рабоче-крестьянская милиция. Протоколы заседаний, доклады исполкомов Весьегонского и Пошехоно-Володарского уездных советов РК и КД об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих (25.03.–25.04.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 262.
66. Рыбинская Губернская городская советская рабоче-крестьянская милиция. Отчет и доклад о работе Пошехоно-Володарской уездной подкомиссии по изъятию церковных ценностей, приложения к ним (13.04.–29.06.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 265.
67. Рыбинская Губернская городская советская рабоче-крестьянская милиция. Акты изъятия ценностей Рыбинской уездной подкомиссии по изъятию церковных ценностей из церквей Рыбинского уезда (22.04.–16.06.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 270.
68. Рыбинская Губернская городская советская рабоче-крестьянская милиция. Документы об изъятии церковных ценностей и исследовании учреждений культа Рыбинской губернии (циркуляры, протоколы, отношения, акты, анкеты) (11.03.–10.11.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 273.

69. Исполнительный комитет Рыбинского уездного Совета РК и КД. Отдел культов. Устав Всехскорбященской религиозной общины. Материалы о деятельности общины. Описи имущества Всехскорбященской церкви в г. Рыбинске за 1923–1924 и 1926 гг. Списки служителей культа, членов приходского совета и членов религиозной общины за 1926–1927 и 1939 гг. (1919, 1923–1928, 1930–1931) // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 87.
70. Рыбинский уездный совет РК и КД и его исполком. Списки верующих за 1926 г. // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 247.
71. Рыбинский уездный совет РК и КД и его исполком. Материалы об образовании религиозной общины в г. Рыбинске. (10.05.1926–23.02.1927) // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 235.
72. Исполнительный комитет Рыбинского уездного совета РК и КД. Отдел культов. Материал о завершении строительства церкви в д. Макарово Ивановской волости. Список членов религиозной общины д. Макарово за 1918 г. (27.11.1918–09.04.1919) // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 41.
73. Исполнительный комитет Рыбинского уездного совета РК и КД. Отдел культов. Сведения о наличии денежных средств имущества церкви и список верующих прихода Всехскорбященской церкви при больнице г. Рыбинска за 1918 г. Акт приема денежных сумм отделом культов от Всехскорбященской церкви (09.01.1919) // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 11.
74. Рыбинский уездный совет РК и КД и его исполком. Списки членов Всехсвятской, Никольской и Спасской религиозных общин г. Рыбинска за 1923–1925 гг. // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 165.
75. Рыбинский уездный совет РК и КД и его исполком. Списки служителей культа, членов приходского совета и членов Всехскорбященской религиозной общины г. Рыбинска за 1923–1926 гг. // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 142.
76. Рыбинский губернский совет РК и КД и его исполком. Сведения о бывших служителях культа и полицейских чиновниках (1921) // РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 68.
77. Рыбинский окружной совет РК и КД и его исполком. Постановления, циркуляры Инструкции вышестоящих организаций исполкома окружного совета. Протоколы и выписки из протоколов заседания президиума исполкома окружного совета, совещания при исполкоме. Обзор политического и экономического положения в округе (07.09.1929–09.08.1930) // РбФ ГАЯО. Ф. Р5. Оп. 1. Д. 5.
78. Рыбинский губернский совет РК и КД и его исполком. Материалы о работе комиссий по подготовке праздника «Земля и промышленность» и недели охраны материнства и младенчества, о работе комиссии по изъятию церковных ценностей, о предоставлении семенной ссуды (22.12.1922–17.03.1923) // РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп. 1. Д. 45.
79. Рыбинский губернский совет РК и КД и его исполком. Материалы об изъятии церковных ценностей по уездам губернии в помощь голодающим.

- Список церквей г. Рыбинска и уезда (09.02.–26.12.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р4. Оп.1. Д. 213.
80. Рыбинская губернская городская советская рабоче-крестьянская милиция. Документы об изъятии церковных ценностей в Рыбинской Губернии (протоколы, сведения, переписка, описи, акты) (14.06.1922–23.04.1923) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп.1. Д. 356.
81. Рыбинская губернская городская советская рабоче-крестьянская милиция. Документы об изъятии церковных ценностей в Угличском уезде (сведения, описи, акты, ведомости) (27.04.–17.07.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 284.
82. Рыбинская губернская городская советская рабоче-крестьянская милиция. Документы об изъятии церковных ценностей в Рыбинском уезде (переписка, описи, акты, счета, квитанции) (03.04.1922–22.02.1923) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 285.
83. Рыбинская губернская городская советская рабоче-крестьянская милиция. Документы об изъятии церковных ценностей в Мышкинском уезде (сведения, переписка, описи, акты, анкеты, ведомости, квитанции) (20.05.–30.10.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 283.
84. Рыбинская губернская городская советская рабоче-крестьянская милиция. Документы о проверке и изъятии церковных ценностей, учреждениях культа Рыбинской губернии. Протоколы, доклады, акты, отношения, анкеты, описи (16.02.–16.05.1922) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 277.
85. Рыбинская губернская городская советская рабоче-крестьянская милиция. Акты изъятия церковных ценностей Преображенского собора, Воздвиженской и Казанской церквей г. Рыбинска (26.02.–10.03.1923) // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 276.
86. Рыбинский уездный совет РК и КД и его исполком. Списки служителей культа, членов приходского совета и членов Спасской религиозной общины г. Рыбинска за 1925–1926 гг. // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 222.
87. Рыбинский уездный совет РК и КД и его исполком. Устав Спасской религиозной общины. Материалы о деятельности общины. Описи имущества Спасской церкви в г. Рыбинске за 1925 г. Списки служителей культа, членов приходского совета и членов Спасской религиозной общины г. Рыбинска за 1925–1927 гг. // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 209.
88. Рыбинский уездный совет РК и КД и его исполком. Устав Спасской религиозной общины. Материалы о деятельности общины. Описи имущества Спасской церкви в г. Рыбинске за 1924–1925 г. Списки служителей культа, членов приходского совета и членов Спасской религиозной общины г. Рыбинска за 1923–1924 и за 1928 гг. // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 102.
89. Рыбинский уездный совет РК и КД и его исполком. Устав Никольской и Спасской общин. Материалы о деятельности Никольско-Всехсвятской общины. Опись имущества Всехсвятской церкви в г. Рыбинске за 1930 гг. Списки служителей культа, членов приходского совета и членов

- Никольско-Всехсвятской общины г. Рыбинска за 1927 г. // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186.
90. Рыбинская губернская городская советская рабоче-крестьянская милиция. Списки церквей Мышкинского и Рыбинского уездов за февраль 1922 г. // РбФ ГАЯО. Ф. Р511. Оп. 1. Д. 274.
91. Подотдел милиции административного отдела исполкома Рыбинского уездного Совета РК и КД. Документы о регистрации и обследовании Кузлевской религиозной общины Некоузского района (устав, протоколы, списки, соглашения, акты, анкеты, заявления, описи) (28.09.1919–25.12.1930) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 485.
92. Уставы Никольской и Спасской религиозных общин. Материалы о деятельности Никольско-Всехсвятской лиги одной общины. Опись имущества Всехсвятской церкви в г. Рыбинске за 1930 г. Списки служителей культа, членов приходского совета и членов Никольско-Всехсвятской религиозной общины за 1927 г. (1924–1927, 1930) // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 186.
93. Устав Георгиевской религиозной общины. Материалы о деятельности общины. Опись имущества Вознесенской, Всехсвятской и Георгиевской церквей на Старо-Георгиевском кладбище в г. Рыбинске за 1923–1930 гг. Списки служителей культа, членов приходского совета и членов религиозной общины за 1927–1930 г. // РбФ ГАЯО. Ф. Р2. Оп. 2. Д. 88.
94. Брейтовский районный Совет депутатов трудящихся и его Исполнительный Комитет. Протоколы сессий сельсоветов (29.01.–21.03.1940) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1110. Оп. 1. Д. 172.
95. Брейтовский районный Совет депутатов трудящихся и его Исполнительный Комитет. Протоколы 6-й сессии райсовета и материалы к нему (30.12.1940) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1110. Оп. 1. Д. 171.
96. Брейтовский районный Совет РК и КД и его Исполнительный Комитет. Протокол собрания актива народного суда и прокуратуры и работников отдела милиции (11.03.1938) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1110. Оп. 1. Д. 154.
97. Брейтовский районный Совет РК и КД и его Исполнительный Комитет. Постановление бюро РК ВКП(б) и президиума Исполкома «О ходе засыпки, проверки и сортировке семян» (10.12.1935) // РбФ ГАЯО. Ф. Р1110. Оп. 1. Д. 104.
98. Подотдел милиции административного отдела Исполкома Рыбинского уездного Совета РК и КД. Документы о регистрации, обследовании, ликвидации Копринской Крестознаменской религиозной общины Мологского района и закрытии церкви (устав, протоколы, списки, переписка, соглашения, акты, описи) (12.03.1919–15.02.1938) // РбФ ГАЯО. Ф. Р118. Оп. 2. Д. 486.
99. РбФ ГАЯО. Ф. Р74.

Список литературы

1. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М. Е. Губонин. – М. : ПСТБИ, 1994. – 1064 с.
2. *Алексеев, В. А.* Иллюзии и догмы / В. А. Алексеев. – М. : Политиздат, 1991. – 400 с.
3. Алчущие правды : Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. ст. свящ. Александр Мазырин, О. В. Косик. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2010. 422 с.
4. Архивы Кремля : Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. : в 2 кн. – Новосибирск : Сибирский хронограф ; М. : РОССПЭН, 1997–1998. – Кн. 1. – 597 с.
5. *Бессонов, М. Н.* Православие в наши дни / М. Н. Бессонов. – М. : Политиздат, 1990. – 320 с.
6. *Васильева, О. Ю.* Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 годах / О. Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40–54.
7. *Введенский, А. И.* Церковь и государство : (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918–1922 г.) / А. И. Введенский. – М., 1923. – 252 с.
8. Все мы – Христовы : Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие за веру православную в гонениях 1918–1953 годов. Ч. 1 : А–Л / Сост. Еп. Вениамин (Лихоманов) [и др.]. – Ярославль, 2012. – 568 с.
9. *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия / Дамаскин (Орловский), иером. – Кн.1. – Тверь, 1992. – 237 с.; Кн. 2. – Тверь, 1996. – 527 с.
10. *Кашеваров, А. Н.* Государство и церковь : Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917–1945 гг. / А. Н. Кашеваров. – СПб., 1995. – 138 с.
11. *Кашеваров, А. Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922) / А. Н. Кашеваров. – М., 2005. – 440 с.
12. *Кривова, Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. : Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н. А. Кривова. – М., 1997. – 247 с.
13. *Лобанов, В. В.* Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.) / В. В. Лобанов. – М. : Русская Панорама, 2008. – 352 с.

14. *Мосс, В.* Православная Церковь на перепутье (1917–1999) / В. Мосс. – СПб. : Алетейя, 2001. – 400 с.
15. *Неживых, Н. А.* Отношение советской власти к протестантским организациям в 1919–1925 гг. / Н. А. Неживых // Лютеране в Сибири : Сб. науч. тр. – Омск, 2000. – 326 с.
16. *Одинцов, М. И.* Государство и церковь в России. XX век / М. И. Одинцов. – М. : Луч, 1994. – 171 с.
17. *Плаксин, Р. Ю.* Тихоновщина и ее крах : Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны / Р. Ю. Плаксин. – Л., 1987. – 208 с.
18. *Поспеловский, Д. В.* Русская православная церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с.
19. «Приспело время подвига...» : Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь / Сост., авт. вст. ст. Н. А. Кривошеева. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2012. – 522 с.
20. *Регельсон, Л. Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917–1953 / Л. Л. Регельсон. – М. : Центрполиграф, 2017. – 415 с.
21. Русская Церковь. Век двадцатый : История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников : в 2 т. – М. : ЭКСМО; ПСТГУ, 2014. – 2 т.
22. *Рыков, А. В.* Внедрение в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства на территории современной Рыбинской епархии. 1917–1919 гг. / А. В. Рыков // Клио. – 2015. – № 10 (106). – С. 101–106.
23. *Рыков, А. В.* Кампания по изъятию церковных ценностей на территории современной Рыбинской епархии. 1922–1923 гг. / А. В. Рыков // Клио. – 2015. – № 6 (102). – С. 55–60.
24. *Рыков, А. В.* Обновленческий раскол на территории современной Рыбинской епархии. 1920–1927 гг. / А. В. Рыков // Клио. – 2016. – № 5 (113). – С. 102–107.
25. *Титлинов, Б. В.* Церковь во время революции / Б. В. Титлинов. – Пг., 1924. – 192 с.
26. *Фирсов, С. Л.* Власть и огонь : Церковь и советское государство. 1918–начало 1940-х гг. / С. Л. Фирсов. – М. : ПСТГУ, 2014. – 474 с.
27. *Фирсов, С. Л.* Русская Церковь на заре XX века: основные этапы исторического пути. (Вступит. ст.) / С. Л. Фирсов // Русская Церковь. Век двадцатый : История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. Том 1: 1900–1917 – Конец Синодального периода. Кн. 1. – М. : ЭКСМО; ПСТГУ, 2014. – 860 с.

28. *Цыпин, В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997 / В. Цыпин, прот. – М., 1997. – Кн. 9. – 863 с.
29. *Шишкин, А. А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви / А. А. Шишкин. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1970. – 367с.
30. *Шкаровский, М. В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века / М. В. Шкаровский. – СПб. : Нестор, 1999. – 99 с.
31. *Шкаровский, М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М., 2010. – 480 с.
32. Curtiss, J. Church and State in Russia. The last years of the Empire, 1900–1917. – NY., 1940. – 442 p.
33. Curtiss J., The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. – Boston, 1953. – 387 p.
34. Fletcher, W. A study in survival. The Church in Russia. 1927–1943. – NY., 1965. – 168 p.